ВВЕДЕНІЕ

ВЪ

НАУКУ

ФИЛОСОФІИ,

СОЧИНЕНІЕ

Ѳ. СИДОНСКАГО.

Quod genus philosophandi minime arrogans, maximeque et constans et elegans arbitraremus, — ostendimus.

Cicero de divin. Cap. 1.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КОНРАДА ВИНГЕБЕРА.

1833.

Пров. 1959

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

Съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. С. Петербургъ. 19 Апрѣля 1833 года.

Цензоръ *А. Никитенко.*

Институт литературы
АН СССР
им. М. Горького
37-87133
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
349
59

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Слабо изученіе Философіи въ нашемъ отечествѣ; самостоятельныхъ произведеній по сей отрасли умственныхъ изысканій почти и вовсе не видно. Но при тѣхъ быстрыхъ успѣхахъ просвѣщенія, которыми столько одолжены мы попечительнымъ распоряженіямъ мудраго Правительства, не льзя не ожидать, чтобъ наконецъ не открылось между нами расположенія и къ собственнымъ усиліямъ въ семъ родѣ умственныхъ соображеній, который извѣстенъ подъ именемъ Философіи.— Пробудить сіе расположеніе, указать надежнѣйшій путь, на которомъ оно должно развить свои силы,— расположить публику къ умѣреннѣйшему суду о произведеніяхъ философскихъ, а умы философскіе — къ большей скромности въ своихъ умозрительныхъ построеніяхъ: — вотъ цѣли, которыя Сочинитель имѣлъ въ

виду, обработывая трудъ свой для Публики. Всякой согласится, что достиженіе подобнаго рода цѣлей по крайней мѣрѣ не совсѣмъ въ нашей волѣ. Болѣе отъ Автора зависѣло учебное достоинство самаго сочиненія, и — сколько я успѣлъ въ семъ отношеніи — будутъ судить мужи ученые, благородные. Они не упустятъ изъ вида, что я только мало по малу могъ ставить читателя на точку зрѣнія философскую, и, для постепеннаго разширенія взгляда читателей не довольно приготовленныхъ, долженъ былъ ввести въ изложеніе своего предмета многое такое, что для знакомыхъ съ основными условіями философскихъ соображеній не требуетъ особеннаго подтвержденія. Коренныя требованія философскаго соображенія такъ мало еще у насъ прояснены для лицъ образованія обыкновеннаго. —

Пуская въ свѣтъ свое сочиненіе, сопровождаю его желаніями, да — доброе сѣмя, какое найдется въ немъ, (дурнаго по крайней мѣрѣ я не желалъ посѣвать), принесетъ плодъ сторичный; да мужи, движущіе ходомъ просвѣщенія, не обинуясь покровительствуютъ и сей отрасли познаній, наиболѣе имѣющей ну-

жду въ поощреніи; да сыны Россіи, призванные давать миръ народамъ своимъ мужествомъ, и успѣхами ума положатъ прочное основаніе миру въ области умозрѣній.—Умственныя произведенія народовъ, предварившихъ насъ на поприщѣ образованія, не должны оспаться безплодными, перешедъ на нашу почву. Онѣ ожидаютъ отъ насъ спокойнѣйшей обработки, чтобъ принять новую благороднѣйшую форму. Геній Славянъ долженъ современемъ и на нихъ положить печать своего величія.

Знаю, что Философія не есть наука общеугодная, что она подвергалась недоразумѣніямъ, превратному суду и не съ первымъ появленіемъ въ обществѣ образованномъ. Совсѣмъ тѣмъ не ожидаю себѣ обвиненія за то, что представилъ ея изысканія въ томъ обличіи, въ какомъ онѣ по крайней мѣрѣ по моимъ соображеніямъ, должны быть — и открываться. Глядя на сіе обличіе всякой можетъ располагаться къ нимъ любовію или недовѣрчивостію. Съ своей стороны могу только то сказать, что всѣ науки—свѣтъ; Философія— по преимуществу свѣтъ. Кто не боится свѣта, тотъ не можетъ не полюбить и Философіи.—

ея свѣтъ, тягостный въ началѣ, скоро облегчаетъ зрѣніе и услаждаетъ взоры неподдѣльнымъ величіемъ видовъ.— Какъ бы я былъ счастливъ, если бы успѣлъ представить сей свѣтъ въ его видѣ чистѣйшемъ, непомраченномъ!

Сочинитель.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Опредѣленіе понятія и указаніе коренныхъ задачъ, рѣшеніе которыхъ принимаетъ на себя Философія; защищеніе достоинства Философіи и естественность порывовъ къ рѣшенію задачъ ея. . . 1 — 67.

II. Развитіе пріема, которымъ задачи сіи рѣшены могутъ быть успѣшнѣе, и соглашеніе философской изыскательности съ непоколебимостію истины, съ убѣжденіемъ въ вѣрѣ. . . . . 68 — 197.

III. Раскрытіе характеристическихъ чертъ, подъ которыми должны открываться философскія изысканія; отношеніе Философіи къ положительнымъ проявленіямъ Религіи и — значеніе оной въ быту житейскомъ. . . . . 198 — 320.

IV. Прояснѣніе хода, какой должна принять Философія въ своемъ развитіи, и взглядъ на ходъ, какой по указаніямъ исторіи принимали Философы въ своихъ системахъ; — образованіе философскихъ изысканій въ Науку. . . . . 321 — 397.

Пожертвовано Лавр. Наместником Архим. Антонием

Принято в Библиотеку Т.С. Лавр. 1865 г. 30 янв.

ВВЕДЕНІЕ
ВЪ
НАУКУ ФИЛОСОФІИ.

Потребность предварительнаго понятія о предметѣ Философіи.

1. Всякая наука составляется на основаніи какаго либо главнаго поняшія о природѣ предметовъ, подлежащихъ ея изслѣдованіямъ, и о пріемахъ, какіе требуются въ ихъ обработкѣ. Нельзя приступашь къ сиспемашическому изложенію извѣспной науки, не имѣя въ виду основной мысли, которая бы опредѣляла, какія изысканія входящъ въ ея область, и какія не принадлежашъ къ ея сосшаву. Хотя знашь и имѣшь въ виду подобное поняшіе, приспупая къ *изученію* науки, не сшоль необходимо, какъ занимаясь *составленіемъ* оной: однакожь и при самомъ изученіи всякой опрасли познаній опредѣленное поняшіе о предмешѣ предспоящихъ изысканій составляешъ важное

Архим. Антонія

пособіе, какъ къ уразумѣнію науки, такъ и къ самостоятельному взгляду на нее, безъ котораго увядаетъ всякое знаніе. — Въ наукѣ Философіи предварительное указаніе предмета изысканій должно предшествовать самому изложенію онаго тѣмъ болѣе, что сія наука по высотѣ своей, и по нѣкоторой незаконченности своихъ изслѣдованій, не принадлежитъ къ числу наукъ общепонятныхъ. — И самое названіе, которое она носитъ, не опредѣляетъ ясно предмета ея, какъ это бываетъ въ нѣкоторыхъ другихъ наукахъ.

2. Въ самомъ дѣлѣ названіе науки, нами разсматриваемой: Философія не есть названіе, усвоенное совокупности изслѣдованій, строго отдѣлившейся отъ другихъ собственною, опредѣленною точкою единства, но взято отъ лица. Послѣ того, какъ Пиѳагоръ въ противоположность древнимъ мудрецамъ Греческимъ усвоилъ себѣ названіе только мудролюба, стали называть уже мудролюбіемъ — Философіею и тѣ изысканія, которыя подобно системѣ Пиѳагора, или хотя нѣсколько, выходятъ изъ круга понятій обыкновенныхъ. При той нераздѣльно-

спи наукъ, которая неизбѣжна была въ первомъ ихъ образованіи, относились къ философіи и изслѣдованія физическія, и рѣшенія задачъ математическихъ. Только по мѣрѣ того, какъ науки, подвергаясь особенной обработкѣ и получая самостоятельный интересъ, отдѣлялись отъ Философіи, и изысканія собственныя сей наукѣ обозначались яснѣе и яснѣе..

3. Хотя область Философіи ограничилась наконецъ одними понятіями высокими, не столько взимаемыми съ опыта, сколько почерпаемыми изъ нѣдръ самаго ума; хотя предметомъ философскихъ изслѣдованій осталось наконецъ одно опредѣленіе послѣднихъ мыслей или истинъ, которыя могутъ быть признаны основою всего сущаго во всѣхъ, по крайней мѣрѣ, главныхъ его отрасляхъ, и должны быть положены въ правила для всѣхъ человѣческихъ дѣйствій, по крайней мѣрѣ въ ихъ главныхъ направленіяхъ: — но Философія не сдѣлалась отъ сего наукою законченною, недопущающею новыхъ видоизмѣненій въ составѣ своихъ истинъ. Умъ человѣческій попалъ въ надлежащую сферу, но не успѣлъ еще оглядѣться въ ней; дошелъ до

послѣднихъ вопросовъ, но не успѣлъ еще рѣшить ихъ удовлетворительно. — Та какъ бы основа сущаго, тѣ коренныя мысли, разъясняющія жизнь вселенной во всѣхъ ея направленіяхъ конечно должны быть; мы не можемъ не предполагать, не искать ихъ: но кто выскажетъ оныя безошибочно, кто проведетъ къ нимъ неуклонно? Сколь твердо мы увѣрены въ ихъ необходимой дѣйствительности, столь же рѣшительно не знаемъ еще ихъ въ дѣйствительномъ ихъ видѣ. Съ тою же силою, съ какою разумный инстинктъ увлекаетъ насъ къ ихъ разъясненію, съ тою же силою непреодолимая какая-то преграда удерживаетъ насъ въ семъ стремленіи разгадать едва разрѣшимое. — По разсмотрѣніи всѣхъ усилій ума человѣческаго разрѣшить сію задачу, не болѣе можно сказать о нашемъ стремленіи къ тѣмъ истинамъ, какъ только то, что умъ доходитъ до разумѣнія сихъ основныхъ истинъ только путемъ утомительныхъ изысканій. Онъ не зритъ ихъ прямо и въ чертахъ раздѣльныхъ, а долженъ только угадывать.

Вотъ почему область Философіи наполнена разнородными системами. — Кругъ

изысканій умозрительныхъ слишкомъ обширенъ, ихъ область слишкомъ темна, незнакома для насъ; не всякой можетъ свободно обозрѣвать всѣ ея части: — въ безпредѣльномъ для нашего взора, гдѣ вѣрно и безошибочно укажешь средину? Со всѣмъ тѣмъ и оставаться въ нерѣшимомъ сомнѣніи по крайней мѣрѣ на долго, человѣку не естественно. — Это хаотическое положеніе, которое сама природа, кажется, усиливается привесть въ опредѣленныя, хотя первоначально уродливыя, двусмысленныя формы. — Послѣ долговременныхъ изысканій наконецъ пожелаешь на чемъ либо остановиться. И естественно, что въ семъ случаѣ послѣдняя, болѣе общая мысль содѣлается уже ключемъ къ сокровеннымъ тайнамъ природы. — Нѣкоторыя мысли по новизнѣ своей и какой-то неопредѣлимости, а вмѣстѣ съ симъ и таинственности, имѣютъ увлекательную силу, особенно когда повѣрка ихъ почти невозможна, высота — поразительна, приложеніе — обширно. — Не удивительно послѣ сего, если мужи даровитые прельстившись извѣстнымъ понятіемъ, не рѣдко полагаютъ его въ основаніе всей системы своихъ мыслей.

Утомленный и обрадованный мыслитель думаетъ, что онъ открылъ наконецъ тайны вселенной, бывшія доселѣ непроницаемыми, и усвояетъ себѣ полное рѣшеніе задачъ ума человѣческаго — Философію. — Какъ подвижниковъ на полѣ умозрѣній философскихъ было довольно, и званныхъ и незванныхъ: то и на честь вѣрнаго и полнаго проясненія законовъ природы и ума объявляли и объявляютъ притязанія свои многіе. Но ихъ разногласія только больше убѣждаютъ въ той увѣренности, что прочное зданіе Философіи доселѣ еще не довершено, и желающій трудиться надъ нимъ, долженъ еще ознакомиться съ чертежемъ, по которому должно достроивать оное, — или по крайней мѣрѣ приготовлять матеріалы къ его довершенію.

Постепенное раскрытіе предметовъ философскаго изслѣдованія — въ историческомъ развитіи самой Философіи.

4. При томъ разногласіи въ самыхъ понятіяхъ о Философіи, которое господствуетъ въ различныхъ школахъ, — какое понятіе можетъ и долженъ усвоить себѣ приступающій къ изученію Философіи, или къ новымъ

изслѣдованіямъ въ ея области? — Правда всякой, кто только размышлялъ сколько нибудь, встрѣтилъ конечно нѣсколько вопросовъ, или составилъ для себя нѣсколько задачъ, коихъ рѣшенія онъ ожидалъ бы отъ Философіи, какъ науки высшей, излагающей истины основныя, послѣднія; но такіе вопросы не всегда могутъ быть приняты за задачи, непремѣнно подлежащія философскому изслѣдованію. Ибо до высшихъ, послѣднихъ задачъ, какъ ни близки представляются онѣ уму человѣческому, многіе и по довольномъ размышленіи не поднимаются; и различное образованіе, и направленіе ума производитъ необходимо большое различіе во взглядахъ на сіи задачи и въ самомъ образѣ ихъ составленія. — Послѣ сего, чтобы составить возможно-вѣрное понятіе о предметѣ изысканій философскихъ, нельзя ограничиться частнымъ мнѣніемъ одного какого либо лица или школы, но должно смотрѣть на Философію въ ея историческомъ раскрытіи, т. е. надобно обозрѣть ходъ умозрѣній, развитыхъ любомудрами какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ временъ.

Философія, какъ и самый умъ, не принад-

лежитъ одному какому либо частному лицу, но цѣлому человѣчеству. А слѣдовательно и понятіе объ ней вѣрное и полное можетъ быть составлено только съ голоса цѣлаго человѣчества. Философы различныхъ временъ суть только какъ бы органы человѣчества, представители его усилій развить естественный намъ образъ мыслей и дѣйствій; и общее въ ихъ отзывахъ есть общій голосъ цѣлаго человѣчества, по крайней мѣрѣ на той степени развитія, на которую возносилось оно доселѣ. — Прислушавшись къ сему голосу можно уже основательно судить, какіе вопросы принадлежатъ къ числу задачъ собственной Философіи, и слѣдовательно, какія изслѣдованія должны войти въ составъ Философіи, какъ науки.

5. Если бы Философія началась только съ нашими временами, или, если бы не сохранились творенія древнихъ мудролюбовъ: опредѣленіе упомянутаго вопроса съ обозначенной точки было бы не возможно. Но Философія не есть наука новая; не недавно мужи благороднѣйшіе и даровитѣйшіе въ родѣ человѣческомъ стали заниматься умозрительнымъ объясненіемъ истинъ коренныхъ, пер-

воспепенныхъ. Вопросы, которые обыкновенно рѣшаются въ Философіи, давно уже содѣлались предметомъ изслѣдованій, только не всѣ въ одно время, а постепенно.

Уже у древнихъ примѣчаются слѣды рѣшенія нѣкоторыхъ философскихъ задачъ въ сказаніяхъ миѳическихъ: только сіи рѣшенія не имѣютъ на себѣ характеристической черты, которою отличаются изслѣдованія философскія. Ихъ производили изъ вдохновенія и сообщали въ видѣ преданій религіозныхъ. — Съ отдѣленіемъ философскихъ изслѣдованій отъ ученія вѣры въ рукахъ даровитыхъ, свободныхъ Грековъ, первостепенною задачею философовъ является *происхожденіе міра*. — Въ школѣ Іонійской міръ производили изъ вещества первоначальнаго, неовидотворившагося; сіе вещество, одинаковое въ своемъ основаніи, дало изъ себя разные роды существъ или посредствомъ раскрытія своихъ внутреннихъ силъ жизненныхъ (теорія Ѳалеса, Анаксимена и Діогена), или отъ одного механическаго измѣненія внѣшнихъ отношеній, не рѣдко случайныхъ (какъ думали Анаксимандръ, Анаксагоръ и Архелай). Въ школѣ Пиѳагоровой начало вещей и ихъ отношеніе въ дальнѣйшемъ развитіи спа-

рались опредѣлить приложеніемъ теоріи числъ. — Элеатики (Ксенофанъ, Парменидъ, Мелиссъ и Зенонъ) желая примирить видимое разнообразіе и измѣняемость существъ съ единствомъ начала всего бытнаго, обратились къ умственнымъ отвлеченіямъ, и посредствомъ оныхъ составили себѣ представленіе о мірѣ, какъ существѣ, которое тождественно съ Божествомъ, въ единичности своей содержитъ все, (*εν και το παν*) имѣетъ бытность вѣчную, въ коемъ произхожденіе вещей и всѣ ихъ измѣненія — одна видимость. Опираясь на чувственно очевидные предѣлы дѣлимости предметовъ, Левкиппъ, Демокритъ и Емпедоклъ производили міръ изъ атомовъ. — Философы первыхъ временъ терялись въ умозрѣніяхъ о образѣ бытія міра, почти не думая о человѣкѣ.

6. Когда разногласіе усмотрѣній чувственныхъ съ соображеніями разсудка, при неизвѣстности законовъ мышленія, вмѣстѣ съ другими поводами, породило сумудрый Софистизмъ: — Сократъ далъ философіи другое направленіе, болѣе близкое къ человѣку, указавъ на внутреннія, *нравственныя требованія* ума, какъ на коренную цѣль, къ которой должны направляться, и какъ на ос-

новной законъ, съ коимъ должны окончательно сходствовать и повѣряться всѣ философскія изысканія. — Съ сего времени къ изысканіямъ о способѣ образованія вещей присовокупились уже изслѣдованія о цѣли, къ какой человѣкъ долженъ стремиться въ своихъ дѣйствіяхъ; — и дѣятельность, съ какою Философы старались указать вѣрнѣйшій путь къ счастію, равняется ихъ усиліямъ прояснить жизнь вселенной. — Впрочемъ при всѣхъ усиліяхъ прояснить природу сущаго, и указать цѣль, къ какой долженъ стремиться человѣкъ въ своихъ дѣйствіяхъ, Философы не успѣли согласиться въ своихъ представленіяхъ ни о первой ни о послѣдней. Платонъ, допуская предвѣчное бытіе безжизненной матеріи, образованіе вселенной старался объяснить осуществленіемъ въ веществѣ идей Божественныхъ; Аристотель всѣ измѣненія вселенной производилъ изъ механической движимости самаго міра, возбужденной первымъ движеніемъ Божественнымъ. По Епикуру міръ составился отъ совершенно-случайнаго сочетанія атомовъ, — по мнѣнію Стоиковъ міры то возникаютъ, то изчезаютъ, по строгимъ, непреложеннымъ опредѣленіямъ судь-

Княгинь Наталіи Ивановны Т.С.Ма
Архим. Антоній

бы, ни возрастая, ни уменьшаясь въ своемъ составѣ, а только видоизмѣняясь. Симъ развитіемъ и усовершеніемъ взглядовъ, высказанныхъ въ періодѣ предыдущемъ, Философы не успѣли предотвратить ни Скептицизма, выраждающагося изъ неудовлетворенной жажды истиннаго, ни Мистицизма, — слѣдствія скуднаго удовлетворенія требованіямъ нашего сердца. Первымъ правиломъ и цѣлію всѣхъ дѣйствій Платонъ поставлялъ стремленіе къ богоподобію; Аристотель требовалъ строгаго соблюденія мѣры въ дѣйствіяхъ нравственныхъ. Епикуръ совѣтовалъ искать счастія въ бездѣйственномъ наслажденіи; Стоики — въ напряженныхъ усиліяхъ самопорабощенія.... Философы примѣтили наконецъ, что простое изложеніе своихъ мыслей о природѣ нашихъ познаній, составленное для одного введенія своей системы, неудовлетворительно, что нужно строгое, полное разсмотрѣніе природы нашего разумѣнія, чтобъ среди разнородныхъ системъ приблизиться къ единству и истинѣ: но — разногласіемъ въ рѣшеніи коренаго философскаго вопроса, и неудовлетворительностію изысканій о законахъ нравственности и о главной цѣли человѣческихъ дѣй-

свій усиленный Софистизмъ подавилъ всякую философію до новаго ея возрожденія.

7. Съ возрожденіемъ наукъ и философскія изысканія возникли съ новою силою, но съ другимъ направленіемъ. — Религія Христіанская не позволяла уже сомнѣваться въ зависимости міра отъ Бога, предписывала и твердые законы и цѣль дѣятельности; оставалось обратиться преимущественно къ *познаніямъ человѣческимъ*. — И мы дѣйствительно видимъ, что какъ ни различны системы философскія въ рукахъ мыслителей-христіанъ, всѣ онѣ развиваются на извѣстномъ взглядѣ на познанія человѣческія, и всѣ зависятъ отъ извѣстнаго представленія объ ихъ происхожденіи. — Схоластическій споръ Номиналистовъ, утверждавшихъ, что общія понятія не имѣютъ существенности конкретной, а хранятся какъ бы только въ самыхъ вещахъ, и Реалистовъ, думавшихъ, что общія понятія имѣютъ бытіе дѣйствительное и внѣ предметовъ, къ коимъ прилагаются, — показываетъ уже начало сего направленія. Опытныя изысканія Бекона, и умозрительныя раскрытія Декарта, склоняются къ тому же проясненію дѣйствія умствен-

ныхъ способностей человѣка. — На основаніяхъ Декарта, какъ казалось, довольно прочныхъ, Спиноза взялся было опредѣлить образъ бытія міра: но его опредѣленія понятій слишкомъ произвольныя, его выводы слишкомъ смѣлые и далекіе отъ обыкновеннаго христіанскаго образа мыслей, еще больше обратили философскіе умы къ изслѣдованію нашихъ познаній. — Стали уже спрашивать, какъ думать о нашихъ понятіяхъ, откуда мы получаемъ ихъ, или какъ онѣ составляются. На сію важную задачу, Локкъ отвѣчалъ, что всѣ наши понятія, и частныя и общія, суть порожденія опыта; Лейбницъ, — что сіи послѣднія врождены душѣ нашей; Юмъ, что онѣ суть слѣдствія привычки; Кантъ, что онѣ суть достояніе ума нашего, только безъ дѣйствія предметовъ на душу не имѣютъ никакаго значенія. Обширныя и утомительныя изслѣдованія Канта, казалось, положили конецъ спорамъ о происхожденіи и достоинствѣ нашихъ познаній умозрительныхъ. — Тѣмъ съ свѣжайшими силами пустился умъ человѣческій на разъясненіе способа существованія міра. — Обвиняя Канта въ непослѣдовательности, Фихте

взялся всю систему нашихъ представленій вывести изъ самаго простаго и яснаго положенія, какъ на пр. а = а, и цѣлый міръ превратилъ въ произведеніе нашего я; Шеллингъ, ссылаясь на особенную способность умственнаго воззрѣнія, находящуюся въ человѣкѣ, выводилъ міръ изъ безразличнаго сочетанія всего сущаго въ Абсолютномъ. Опираясь на двусмысленное тождество разумнаго и бытнаго, Гегель все бытіе сосредоточиваетъ въ Мысли или Идеи, которая въ природѣ переходитъ въ другое бытіе, въ духѣ же получаетъ свой собственный, коренной образъ жизни. Но запредѣльныя, на недоказанныхъ и непроясненныхъ началахъ основанныя, умозрѣнія сихъ новѣйшихъ Философовъ тѣмъ сильнѣе даютъ чувствовать потребность тщательнѣйшаго и строжайшаго изслѣдованія природы нашего ума и отношеній, въ какихъ стоятъ наши представленія съ бытіемъ дѣйствительнымъ. Умъ человѣческій, соблазняясь легкостію поверхностнаго познанія природы и увлекаясь жаждою вѣдѣнія, долго, можно сказать, очень долго забывалъ о подтвержденіи правъ своихъ на умозрѣнія и прояснѣніи возможнаго для насъ способа познавать

предметы сверхопытные. — Опыты ближайшаго и строжайшаго разсмотрѣнія природы нашихъ познаній появляются въ наше время въ значительномъ количествѣ. Хотя ихъ составители суть писатели второстепенные: впрочемъ можно смѣло надѣяться, что вѣрное рѣшеніе вопроса о происхожденіи, составѣ и предѣлахъ нашихъ познаній положитъ конецъ разнообразію системъ философскихъ, утвердитъ вѣрнымъ объясненіемъ былей (Thatsache) нашего сознанія, какъ должны мы мыслить о жизни природы въ ея зависимости отъ Бога.

Отличеніе главныхъ предметовъ, изслѣдованіемъ коихъ занимались Философы и указаніе коренныхъ задачъ Философіи.

8. Обозрѣвая ходъ философскихъ изслѣдованій въ постепенномъ ихъ разкрытіи, всякій съ перваго взгляда видитъ, что вопросы, какіе предлагали себѣ философы, были не одинаковы. При всемъ впрочемъ разнообразіи умозрительныхъ изслѣдованій, — главныхъ задачъ, на рѣшеніе коихъ посвящали Философы труды свои, оказывается въ исторіи философіи не много. Первоначально Фи-

лософы занимались опредѣленіемъ образа бытія вселенной; разрознившись въ семъ опредѣленіи и между собою и съ общимъ смысломъ человѣческимъ, они стали-было свои опредѣленія упомянутаго вопроса скрѣплять съ требованіями чувства нравственнаго; но не нашедъ и здѣсь твердой опоры своимъ изслѣдованіямъ, — ибо самыя требованія сего чувства подверглись различнымъ толкованіямъ, — обратились уже къ самому уму и стали спрашивать: что же можетъ онъ постигать, и до чего не можетъ вознестись. Такимъ образомъ въ постепенномъ ходу философіи видимъ какъ бы три пружины, кои попеременно давали движеніе умамъ, настроеннымъ къ высшей изыскательности. Это — три главные вопроса: о жизни природы, о законахъ нашей дѣятельности, о природѣ и предметномъ значеніи нашихъ познаній. — Не говоримъ, чтобы умъ человѣческій въ первую эпоху Греческаго философскаго образованія не доходилъ къ извѣстнымъ мыслямъ о свойствѣ нашихъ познаній; или, чтобы въ послѣдующія эпохи философіи не было изысканій о законахъ, коимъ подлежитъ наша дѣятельность. Уму человѣческому всегда любопытны всѣ сіи пред-

Институт ... им. Горького

менты; самъ онъ по связи своихъ мыслей невольно доходитъ отъ рѣшенія одного изъ философскихъ вопросовъ къ разсмотрѣнію другихъ. Но иное дѣло высказать мысль мимоходомъ, вводя систему умозрѣній; иное дѣло подвергнуть туже мысль разсмотрѣнію всестороннему. Три указанныя нами развитія философскихъ изслѣдованій суть отличительныя, характеристическія направленія различныхъ эпохъ философіи, суть главные вопросы, которые поперемѣнно вызывали (*) Философовъ къ ихъ изслѣдованіямъ.

9. Теперь, хотя три упомянутые вопроса не вдругъ предстали уму во всей раздѣльности, хотя дѣятельность, съ какою подвергали оные изысканіямъ, не во всѣ времена философскихъ изслѣдованій была равна, одинакова: но всѣ они заслуживаютъ мѣсто въ прочной, основательной системѣ Философіи настоящаго времени. Правда Философы — представители усилій ума человѣческаго, не всѣ и не въ равной мѣрѣ посвящали свои труды разрѣшенію всѣхъ упомянутыхъ во-

(*) Въ послѣдствіи по большему развитію умозрѣнія, иногда и совмѣстно. *Пр. Сог.*

просовъ; одинъ изъ Любомудровъ шу задачу дѣлалъ главнымъ предметомъ своихъ изслѣдованій, другой ревностнѣе обрабошывалъ другую область умозрѣній, не подвергая новому изслѣдованію задачу, бывшую цѣлію изысканій перваго, или усвоивъ образъ рѣшенія сей задачи, предложенный уже другими. Но, опираясь на сихъ примѣрахъ, никакъ еще нельзя исключишь какую либо задачу изъ числа задачь философскихъ. Въ наше время нельзя уже оставишь безъ извѣснаго рѣшенія ни одного изъ вопросовъ умозришельныхъ. Умъ цѣлаго рода человѣческаго, могъ подвергашь вопросы сіи вникашельнѣйшему изысканію одинъ за другимъ; его медленносши не можешъ позволишь себѣ умъ часшный, ищущій вмѣсшишь все, чшо до него успѣло прояснишься въ сознаніи общемъ. Въ раскрышіи сознанія философскаго въ цѣломъ человѣчесшвѣ сіи задачи могли предсшавляшься оидѣльно, одна за другою: но, какъ скоро онѣ уже всѣ проявились въ нашемъ человѣческомъ сознаніи, и мы поюмки хошимъ пользоваться плодами усилій предковъ; какъ скоро на основаніи изслѣдованій предшесшвенниковъ, сосшавляешся наука для обозрѣнія всей области философскаго вѣдѣнія, до-

селѣ прояснѣнаго: въ такомъ случаѣ изъ круга познаній собранныхъ и проясненныхъ могутъ быть устранены только такіе предметы, которые по настоящему состоянію науки оказались излишними и не нужными. Сего нельзя сказать ни объ одномъ изъ вопросовъ упомянутыхъ. Всѣ они столь тѣсно связаны между собою, что устранить одинъ какой либо вопросъ изъ круга изслѣдованій философскихъ не иначе можно, какъ только съ ущербомъ основательности и общеполезности самой Философіи.

Съ другой стороны рѣшеніемъ трехъ указанныхъ задачъ Философіи исчерпывается вся область философскихъ изысканій. Ибо всѣ вопросы, какіе только умозрѣніе философское можетъ предложить себѣ для рѣшенія, всегда будутъ относиться въ область одной изъ тѣхъ задачъ Философіи.

Такимъ образомъ можно считать *три коренныхъ задачи въ Философіи:* опредѣленіе образа бытія существъ міра дѣйствительнаго, объясненіе достоинства и образованія нашихъ познаній, и указаніе коренныхъ законовъ нашей дѣятельности.

Отношеніе коренныхъ задачъ Философіи между собою и понятіе о Философіи, какъ наукѣ.

10. Но, разсматривая сіи задачи въ сближеніи между собою, нельзя не замѣтить, что онѣ не одинаковую имѣютъ *первостепенность*. Уже то самое, что онѣ не вдругъ возникли и съ равною ясностію представились въ умѣ нашемъ, показываетъ ихъ какъ бы подчиненность и послѣдовательность одной за другою. Въ самомъ дѣлѣ умъ человѣческій не вмѣстѣ же съ первыми порывами умственной дѣятельности возникъ къ вопросу: вѣрно ли, что я думаю? — Потребность мыслить при свѣжихъ силахъ ума и воображенія слишкомъ была сильна; человѣкъ былъ тогда еще слишкомъ довѣрчивъ къ себѣ, чтобы спрашивать: достижима ли для меня истина, и — какими способами? Подобные вопросы, хотя весьма важны въ кругу философскихъ задачъ, но суть уже вопросы второстепенные, раждающіеся какъ бы по вызову главной задачи. —

Сію задачу составляетъ жизнь вселенной; поясненіе способа перваго ея происхожденія и условій послѣдующаго стоянія. Вопросъ о

Изъ книгъ Новгородскаго Т. Слав. Арх. Антонія

сихъ предметахъ есть главнѣйшій въ области Философіи. Имъ началось умозрѣніе; къ нему, какъ къ средоточію своему, относятся, или изъ него вытекаютъ прочіе вопросы любомудрія. Самый вопросъ, столь важный для нашей жизни, вопросъ о законахъ нашей дѣятельности въ семъ отношеніи уступаетъ право первенства вопросу о природѣ сущаго: ибо отвѣтъ на него почти всегда зависитъ, по крайней мѣрѣ долженъ зависѣть отъ извѣстнаго взгляда на жизнь вселенной и значеніе въ ней человѣка. — По сему изъ указанныхъ нами трехъ задачъ философскихъ одно поясненіе, или уразумѣніе жизни міра составляетъ основной вопросъ любомудрія; изслѣдованія по другимъ задачамъ, или приготовляютъ къ надлежащему рѣшенію сего вопроса, (какъ изслѣдованія о происхожденіи и предметномъ значеніи представленій нашего я), или прилагаютъ извѣстное рѣшеніе первостепенной задачи къ нашей жизни и быту гражданскому.

11. Такая неравностепенность задачъ Философіи, при всемъ тѣсномъ ихъ сочетаніи между собою, была одною изъ причинъ, по которымъ доселѣ затрудняются въ опредѣ-

леніи Философіи какъ науки. Понятно, что въ правильномъ опредѣленіи Философіи, различные предметы ея изысканій должны подходить подъ одно общее, видовое понятіе: но какое общее понятіе содержится въ каждомъ изъ указанныхъ нами предметовъ философскаго изслѣдованія, кромѣ того, что они суть послѣднія задачи нашего сознанія? — Теперь, хотя и можно съ перваго раза опредѣлять Философію, какъ науку, проясняющую первыя задачи нашего сознанія, и опредѣлять довольно вѣрно: но если, не прояснивъ предварительно; какія задачи Философіи и сколько оныхъ, — сказать въ опредѣленіи Философіи, что она есть учебное или систематическое рѣшеніе главныхъ задачъ ума познающаго: то въ опредѣленіи останется неопредѣленность, потому что не извѣстно еще существо самыхъ задачъ. Сей неопредѣленности мы избѣгли предварительнымъ указаніемъ смысла и отношенія задачъ Философіи.

По сему, если бы попребовалось отъ насъ опредѣленіе Философіи, мы могли бы, не опасаясь быть непонятыми, сказать, что она есть учебное рѣшеніе вопроса о жизни все-

ленной, выведенное изъ строгаго разсмотрѣнія природы нашего ума и проведенное до опредѣленія законовъ, по какимъ должна направляться наша человѣческая дѣятельность. Прежде, нежели приступимъ къ указанію пріема, посредствомъ коего приготовляется рѣшеніе подобнаго вопроса, раскроемъ естественное происхожденіе вопросовъ философскихъ, и защитимъ достоинство самой Философіи.

Естественность происхожденія первыхъ вопросовъ философскихъ.

12. Съ перваго взгляда на указанныя предъ симъ задачи Философіи можно уже видѣть, что онѣ довольно далеки отъ обыкновеннаго круга мыслей, коими занимаются люди повседневно, довольно далеки отъ простаго, всѣмъ общаго разумѣнія человѣческаго, и не легко возникаютъ въ душѣ всякаго. — Но сія далекость отъ представленій, смѣняющихся въ душѣ людей, занятыхъ однимъ удовлетвореніемъ нуждъ тѣлесныхъ, или обработкою сдѣлокъ общежитія, не можетъ вести къ тому заключенію: будто бы подобные вопросы не необходимо и естественно воз-

никаютъ въ душѣ, надѣленной способностію мышленія, и суть плодъ одной суетной любознательности человѣческой. Не то одно есть природное произведеніе души человѣческой, что открывается всегда во всѣхъ и въ каждомъ; не менѣе и то естественно духу человѣческому, что возникаетъ въ немъ, при большей даровитости, при большемъ упражненіи силъ мышленія надъ предметами нечувственными, открывающимися предъ одною мыслію. — Не прошедъ всѣхъ степеней жизни и развитія духа человѣческаго (а кто прошелъ оныя всѣ?), нельзя судить рѣшительно, что естественно уму и что неестественно. Въ одномъ и томъ же сознаніи человѣческомъ могутъ возникать и одни виды предметовъ чувственныхъ, и глубокія воззрѣнія созерцательныя. — Теперь, какъ никто не можетъ полагать предѣловъ развитію человѣческаго сознанія, напротивъ всякій долженъ стараться пройти всѣ возможныя степени сего развитія: отвергать всякія попытки высшаго разумѣнія безъ полнаго знакомства (а кто его имѣетъ?) съ оными, значитъ только хотѣть свое невѣжество поставить мѣриломъ познанія чело-

вѣческаго, и закономъ для прочей массы существъ разумныхъ — даже благороднѣйшихъ по уму и сердцу.

13. Напротивъ безпристрастное размышленіе о постепенномъ развитіи познаній человѣческихъ легко увѣряетъ насъ, что усилія надлежащимъ образомъ рѣшить указанныя нами задачи, уму человѣческому совершенно естественны; къ нимъ заходимъ мы непримѣтно. — Не долго духъ человѣческій остается безъ употребленія разумныхъ силъ своихъ; скоро начинаетъ онъ переводить внѣшніе предметы, его окружающіе, на представленія внутреннія; скоро примѣчаетъ онъ, что при посредствѣ сихъ представленій онъ обратно можетъ дѣйствовать на самую природу. Послѣ сего сама собою раждается для него задача познавать различные предметы, или явленія природы; т. е. такъ обдѣлывать свои представленія, чтобы онѣ были вѣрнымъ изображеніемъ самыхъ сихъ предметовъ, или явленій. — Правда что первыя попытки подобной обдѣлки бываютъ незначительны, касаются предметовъ частныхъ и составляются посредствомъ одного наблюденія. Но скоро умъ пріучается во многихъ

предметахъ отличать сходное, отвлеченіемъ совокуплять оное для себя въ извѣстное понятіе. Хотя предметъ познаванія человѣческаго становится теперь обширнѣе, но умъ не устрашается сей обширности (ему пріятны большіе размѣры), лишь бы въ сей обширности выражался бытъ самой природы существъ. Съ тѣмъ же, или еще съ большимъ любопытствомъ, нежели съ какимъ прежде желалъ онъ понять бытіе и законы частной вещи, ищетъ онъ теперь *уразумѣть бытіе и законы цѣлой вселенной*, къ мысли о которой дошелъ онъ путемъ обобщенія. —

Такимъ образомъ само настроеніе ума ведетъ его къ вопросамъ часъ отъ часу высшимъ; только потребность отвѣчать на сіи вопросы не съ одинаковою силою открывается во всѣхъ умахъ, и при всѣхъ обстоятельствахъ ихъ развитія. Нужны немаловажныя предварительныя свѣдѣнія, чтобы въ душѣ нашей возникъ вопросъ о жизни всего сущаго. — За то, чѣмъ выше наше умственное развитіе, чѣмъ живѣе и явственнѣе въ душѣ высшія движенія, чѣмъ менѣе находимъ мы удовлетворенія благороднѣйшимъ

желаніямъ: тѣмъ съ большею силою тѣснятся въ душѣ вопросы о послѣднихъ условіяхъ и законахъ жизни всего сущаго, о нашемъ значеніи въ ряду существъ, о надеждахъ, коими можемъ услаждать свою скудную долю.

14. Правда подъ вліяніемъ воспитанія, народныхъ преданій и гражданскаго устройства, при первомъ рожденіи вопросовъ, а не рѣдко и до рожденія оныхъ, мы получаемъ уже и отвѣты на оные: но умъ, особенно даровитый, не всегда довольствуется сторонними внушеніями; при благопріятныхъ обстоятельствахъ для своего развитія, онъ всегда возрастаетъ къ самостоятельности, и хочетъ вопросы, въ немъ возникшіе, рѣшить самодѣятельно. Хотя и здѣсь не всегда удерживаетъ онъ свою самостоятельность, и всего чаще также усвояетъ мысли другихъ; но для своей, недовольной ничѣмъ положительнымъ, любознательности онъ всегда найдетъ достаточное оправданіе въ томъ, что, хотя также увѣренность перешла къ нему, какъ и прежде, только не путемъ неразвязнаго рабства чужому, а путемъ соображенія свободной мысли. — Счастливъ, кто при подобномъ возникновеніи

къ самостоятельности мышленія находитъ руководителя надежнаго. Онъ только съ большею живостію утверждается въ неизмѣнной зависимости себя и всего сущаго отъ первой Вины, и вся жизнь духа его получаетъ спасительное направленіе. Его дѣятельности доставляется твердая опора, и его сомнѣнія не влекутъ къ презрѣнію, или отверженію всего священнаго.

15. Тогда какъ умъ человѣческій по настроенію собственной природы всегда готовъ подняться къ вопросу о жизни вселенной; сама природа не только въ семъ помогаетъ ему, но и какъ бы невольно вызываетъ его къ изысканіямъ и размышленію созерцательному. Разнообразіемъ и величіемъ картинъ пробуждая вниманіе и привлекая любопытство, спрогимъ, хотя иногда тайнымъ, соотвѣтствіемъ и согласіемъ явленій и событій заставляя подозрѣвать въ себѣ что-то больше и выше, нежели однѣ движущіяся тѣлесныя формы; а соотношеніемъ (болѣе или менѣе пріятнымъ) явленій къ выгодамъ, ощущеніямъ и надеждамъ самаго человѣка, пробуждая его изыскательность, — она наконецъ переводитъ его и къ тому ве-

ликому вопросу: по какимъ же законамъ живетъ и движется вся эта обширная совокупность созданій, столь загадочныхъ, не рѣдко удивительныхъ? — Отъ разсмотрѣнія другихъ существъ склоняя взоръ свой на самаго себя, человѣкъ находитъ новый міръ, и для него раждается новая задача, опредѣлить собственное значеніе въ ряду прочихъ существъ.

Такимъ образомъ мало по малу разоблачается предъ взоромъ человѣческимъ міръ силъ невидимыхъ и существъ мыслимыхъ, и возникаютъ въ душѣ одинъ за другимъ вопросы объ отношеніи видимаго къ невидимому, о вліяніи невидимаго на ощутимое, о послѣднемъ Началѣ всего сущаго, о Его дивной природѣ и отношеніи, въ какомъ находится Оно къ міру. Больше и больше предметы тѣснятся къ душѣ; больше и больше душа какъ бы вынуждается поддерживать свою самостоятельность, и, такъ сказать, уравниваться съ природою посредствомъ правильныхъ понятій о предметахъ, ихъ свойствахъ и взаимныхъ отношеніяхъ.

16. Столь же легко и естественно человѣкъ приходитъ и къ вопросу объ образѣ

дѣйствій, естественномъ для него. — Такъ много возникаетъ въ насъ тайныхъ желаній, такъ сильно дѣйствуютъ на насъ различныя чувства, такія противорѣчущія нашимъ обдуманнымъ намѣреніямъ движенія возникаютъ въ душѣ и не рѣдко прорываются наружу, и вмѣстѣ такое въ насъ стремленіе къ единству и согласію: — кто, приникая глубже въ себя самаго, не спроситъ: какому же изъ разнородныхъ стремленій въ душѣ моей долженъ я предаться? Долженъ ли я постоянно прислушиваться къ голосу, охуждающему во мнѣ извѣстные поступки; долженъ ли охранять въ себѣ стыдъ, покрывающій меня при извѣстныхъ мысляхъ; или тайныя внушенія и угрызенія совѣсти не суть ли плодъ превратнаго воспитанія? — Такъ многаго хотѣлъ бы я, и такъ многаго хотѣли бы другіе, меня окружающіе: въ какомъ же я стою и долженъ стоять къ нимъ отношеніи? Что долженъ оказывать имъ, и чего могу отъ нихъ требовать себѣ? — Мое спокойствіе зависитъ отъ основательнаго рѣшенія сихъ вопросовъ. — На дѣйствіяхъ извѣстныхъ зиждется мое счастіе. Ужели не долженъ я искать своего спокойствія въ извѣстныхъ тверд-

дыхъ началахъ для управленія своими чувствованіями и поступками?

17. Въ исторіи философскихъ умозрѣній довольно видимъ опытовъ опредѣлить начала, какими должны мы руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ; еще больше видимъ покушеній прояснить образъ бытія природы и указать связь жизни всѣхъ существъ съ ихъ источнымъ началомъ и законы ихъ развитія къ самостоятельному бытію: но сіи опыты и покушенія умозрительныя большею частію противорѣчатъ между собою, часто въ превратномъ видѣ представляютъ дѣйствительную жизнь самой природы, даже нерѣдко идутъ противъ требованій нашего внутренняго чувства нравственнаго! — Что предпринять въ такомъ случаѣ? Отказаться ли отъ всякаго сближенія съ истиною, оставить всѣ изысканія умозрительныя; или искать гдѣ либо надежнаго судилища для самыхъ сихъ умозрѣній? Принявъ первую мысль, я долженъ итти противъ себя самаго, противъ собственнаго стремленія къ истинѣ; — къ такой отчаянной мѣрѣ можно прибѣгнуть только тогда уже, когда всѣ другія средства окажутся недостаточными. —

И такъ лучшее средство — не оставляя поля изысканій, продолжать изслѣдованія философскія до послѣднихъ ихъ предѣловъ. Въ семъ случаѣ послѣдняя и рѣшительная задача будетъ уже подвергнуть строгому разсмотрѣнію свою собственную способность познавательную, чтобъ рѣшить: доступна ли для меня истина? — Я долженъ уже сколько можно ближе узнать свое собственное сознаніе; долженъ разыскать: не заключается ли въ немъ какого либо кореннаго обмана; — мысля объ мірѣ, не переносимъ ли мы на него своихъ собственныхъ представленій, тогда какъ самъ міръ, можетъ быть, существуетъ совершенно по своимъ законамъ, для насъ вовсе неизвѣстнымъ?

Правда, мы мыслимъ по влеченію своей природы: но развѣ, предаваясь сему влеченію, мы не можемъ мыслить ошибочно, представлять себѣ предметы по своему? Чтожь всѣ наши познанія и умозрѣнія, если въ нихъ мы составляемъ себѣ понятія объ образѣ бытія и законахъ вселенной, съ которой столь тѣсно связаны, но составляемъ понятія несоотвѣтственныя? Не напрасны ли, не суетны ли тогда всѣ наши усилія? — Если

же такъ: по всего естественнѣе опредѣлить возможную для себя степень истины въ самомъ началѣ многотруднаго пути изслѣдованій. — Такимъ образомъ столь же естественно и легко переходимъ мы къ вопросу о предметномъ значеніи своихъ представленій, сколь естественно доходимъ къ вопросу о жизни вселенной.

Конечно сомнѣнія о нашей способности постигать истинное не столь близки общему, обыкновенному смыслу человѣческому. Люди большею частію довѣрчиво пользуются своею способностію мышленія, не подозрѣвая возможнаго разногласія своихъ представленій съ природою. — Но, кто имѣетъ твердое, непреоборимое желаніе узнать истину въ чистомъ ея видѣ, и въ тоже время знаетъ, какъ далеко въ своихъ мысляхъ мы можемъ расходиться съ природою: тотъ, пустившись въ область философскихъ изслѣдованій, необходимо долженъ наконецъ дойти до изысканія о послѣдней, окончательной опорѣ всякому довѣрію съ нашей стороны. Онъ не можетъ наконецъ не спросить: могу ли я быть увѣренъ въ предметномъ значеніи моихъ представленій; и мысли мои

могутъ ли выражать природу, какъ она есть?— При всемъ довѣріи, какое человѣкъ имѣетъ къ собственнымъ представленіямъ, вопросъ объ ихъ важности и предметномъ достоинствѣ на дальнѣйшемъ пути изслѣдованій представляется любомудрію самъ собою.

Важность изслѣдованій философскихъ вообще и въ частности—изслѣдованій по каждой коренной задачѣ философской, взятой порознь.

17. Послѣ сего нельзя не признать и *важности* изслѣдованій философскихъ. — Что вытекаетъ изъ самой природы духа нашего, что естественно открывается въ ея развитіи; что составляетъ неподавимую нашу потребность: на то нельзя уже смотрѣть съ пренебреженіемъ, хотя бы подобная потребность открывалась въ насъ и не съ первымъ чувствомъ себя самихъ.—Человѣкъ скорѣе конечно ощущаетъ потребности своей природы чувственной; ревностнѣе печется объ удовлетвореніи нуждъ тѣлесныхъ: но изъ сего не слѣдуетъ еще, чтобы онъ могъ и долженъ былъ не думать объ удовлетвореніи своихъ потребностей духовныхъ. Напротивъ еще,

чѣмъ позже сіи потребности открываются: тѣмъ должны быть важнѣе въ глазахъ нашихъ; тѣмъ ревностнѣе должны мы стараться ознакомиться съ ними, скорѣе удовлетворить имъ. — Съ благодарностію признаемъ мы усилія людей, содѣйствовавшихъ къ улучшенію внѣшняго нашего положенія; скоро обращаемъ въ свою пользу открытія въ художествахъ и искусствахъ, облегчающія удовлетвореніе нашихъ нуждъ житейскихъ и доставляющія намъ услажденіе; и ужели можемъ пренебрегать труды умственные, употребленные на проясненіе предметовъ, важнѣйшихъ для существа мыслящаго, на рѣшеніе коренныхъ вопросовъ въ системѣ нашихъ познаній?

19. Споимъ только ближе приглядѣться къ частнымъ вопросамъ, кои входятъ въ составъ главной задачи философской, чтобъ увѣриться въ важности изслѣдованій умозрительныхъ, къ ней относящихся.—Мужи даровитые, не останавливаясь на частныхъ событіяхъ, но восходя отъ нихъ къ представленіямъ болѣе общимъ, и составляя наконецъ понятіе о цѣломъ мірѣ, вопрошали: какъ же существуетъ вся вселенная? Видимъ

мы возникновеніе и изчезновеніе вещей частныхъ; можемъ примѣчать постепенныя въ нихъ измѣненія: но какъ должны думать *о цѣломъ мірѣ*, который слагается изъ существъ нами устаприваемыхъ и другихъ, можетъ быть, незримыхъ для насъ? Такъ ли же, какъ частныя вещи, живетъ онъ зависимо, или, какъ цѣлое, какъ совокупность всего сущаго, стоитъ и живетъ онъ *самобытно*? Такъ же ли, какъ частныя вещи, возникъ онъ и изчезнетъ; или не имѣетъ онъ начала, и не будетъ имѣть конца? Разнороденъ ли онъ въ своемъ составѣ; по самому ли качеству отличны въ немъ существа мыслящія и неодушевленныя; или и мысль и вещество суть одно и тоже, плодъ одного начала, и отличаются другъ отъ друга только количествомъ, какъ два различныя развитія одного и тогоже начала? Міръ, видимъ, существуетъ, но отъ чего и для какой *цѣли*?— Я принадлежу къ сему міру, принимаю участіе въ его событіяхъ, могу нѣсколько измѣнять оныя, и наоборотъ самъ стою подъ вліяніемъ явленій, вплетенный такъ тѣсно въ систему цѣлаго міра: — судьба его есть моя судьба; — въ жизни его — моя жизнь. Не

долженъ ли я знать образъ существованія сей вселенной, чтобъ соображать съ понятіями о семъ свои дѣйствія и чувства? Такъ велики мои *ожиданія*, такъ по видимому основательны мои желанія: но событія въ природѣ не отвѣтствуютъ онымъ; въ мірѣ не все течетъ, какъ бы, казалось, должно было итти; отъ чего это? Откуда это *зло* въ мірѣ, отъ коего страждетъ болѣе, или менѣе всякое недѣлимое? Уже ли сіе зло необходимо и естественно въ составѣ вселенной? — Кто скажетъ, что сіи вопросы не важны для насъ; что изысканія по нимъ суть плодъ одной суетной нашей любознательности? — Если человѣкъ что нибудь значитъ въ сей массѣ сущаго; если наши познанія не суть одинъ обманъ, и способности даны намъ не напрасно: то прояснѣніе жизни, цѣли и устройства дѣйствительной вселенной есть самый важный предметъ изыскательности разумной.

20. Важность изысканій о законахъ нашей дѣятельности еще менѣе можетъ быть подвергнута сомнѣнію. Человѣкъ не можетъ оставаться безъ участія въ событіяхъ міра, — безъ дѣйствій. Особенно души добле-

спныя чувствуютъ непреодолимое призваніе давать ходу дѣлъ міра человѣческаго извѣстныя направленія. Но тоже побужденіе, которое вызываетъ человѣка на дѣйствія, заставляетъ его искать и твердыхъ началъ для своей дѣятельности. Души возвышенныя не могутъ дѣйствовать на обумъ. Теперь при той любви къ независимости и самостоятельности въ мысляхъ, которая есть неотъемлемое достояніе душъ мужественныхъ, — откуда онѣ почерпнутъ для себя твердыя начала, если вѣрное раскрытіе предписаній нашего разума не укажетъ имъ, къ чему мы призываемся собственнымъ настроеніемъ нашей природы; какіе законы Виною всего положены въ нашемъ сердцѣ? —

Конечно, души возвышенныя не всегда имѣютъ нужду въ подобномъ указаніи; ихъ твердая (gediegene) природа сама указуетъ имъ ихъ назначеніе и цѣль, къ какой они призваны: но и одно уже уясненное сознаніе нашихъ нравственныхъ законовъ, къ какому возводитъ Философія, безъ отношенія къ вліянію сего сознанія на всеобщій объемъ поступковъ человѣческихъ, весьма важно; ибо представляетъ въ развитіи наше человѣче-

ское самочувствіе. Дѣйствовать согласно съ законами своей природы, безъ яснаго и отчетливаго сознанія оныхъ, безъ самосознательности, — не есть еще верхъ нашего разумнаго развитія. Покорность закону сознаемая гораздо выше покорности безъ сознанія. — Между тѣмъ нельзя утверждать, чтобы и дѣятельность человѣческая не выигрывала отъ уясненія началъ нашего внутренняго законодательства. Дѣйствія наши не всегда суть плодъ однихъ наклонностей, или навыковъ; въ нихъ участвуетъ и соображеніе разсудка, и разумное убѣжденіе. Философія, проясняя послѣднее и руководя первое, можетъ имѣть, хотя отдаленное, вліяніе и на наши дѣйствія. Такъ и есть. Стоическая твердость, Платоническое стремленіе за предѣлы чувственнаго къ идеальному, Перипатетическая размѣренность дѣйствій—всегда должны быть плодомъ бо́льшаго или ме́ньшаго знакомства съ требованіями нашей природы нравственно-разумной. Безъ правильнаго понятія о сихъ требованіяхъ, самая твердость можетъ быть упрямствомъ, возвышенность — мечтательностію; и вообще нельзя вѣрно знать, въ какихъ предѣлахъ должны быть содержи-

мы извѣстныя наклонности, въ какой мѣрѣ должно слѣдовать какимъ желаніямъ и чувствамъ. — Жизнь безъ твердыхъ, основательныхъ началъ, жизнь на обумъ, прилична человѣку только на низшей степени его развитія. Поднимаясь выше, онъ не можетъ не искать единства съ собою. — При томъ же по устройству природы, лица рода нашего, опередившія другихъ въ развитіи своего сознанія разумнаго, дѣлаются всегда вождями прочихъ; слѣдовательно, наука Философіи, возводя къ высшему сознанію первыхъ, можетъ утверждать значеніе нравственныхъ законовъ и въ быту гражданскомъ.

Конечно, если бы человѣкъ могъ и долженъ былъ вѣчно оставаться на одной степени умственнаго образованія: онъ могъ бы обойтись безъ изслѣдованій о началахъ дѣйствій. Стоя на одной степени, не знаютъ сомнѣній; не видятъ нужды въ изысканіяхъ. Но одинъ шагъ, сдѣланный въ развитіи, непримѣтно увлекаетъ насъ въ разнородныя направленія. Долго умъ человѣческій можетъ блуждать въ сихъ распутіяхъ: но наконецъ не можетъ не утомиться своимъ уклоненіемъ отъ путей естественныхъ; не можетъ не

пожелать приблизиться къ истинѣ. Тогда необходимо признаетъ онъ извѣстныя мысли непреложными правилами, пожелаетъ въ свою очередь переработать себя по симъ началамъ, или найденный образъ мыслей выразить въ своихъ частныхъ дѣйствіяхъ. Естественно, что сіи дѣйствія болѣе или менѣе должны соотвѣтствовать тѣмъ усвоеннымъ мыслямъ. Теперь наука, которая утвержденіемъ правильнаго взгляда на нравственныя требованія нашей природы сокращаетъ для всякаго длинный путь утомительныхъ изысканій, или руководитъ къ правильному разумѣнію нуждъ своего сердца, по необходимости должна имѣть важность въ глазахъ всякаго, кто желаетъ, чтобы родъ человѣческій такъ дѣйствовалъ, какъ ему предназначено его природою и ея Виновникомъ.

21. Не столь очевидна важность вопросовъ о происхожденіи и достоинствѣ нашихъ познаній. Увѣренность, что мыслями своими мы можемъ постигать предметы, какъ они есть, столь для всякаго изъ насъ естественна, что сомнѣніе въ семъ многимъ можетъ показаться смѣшнымъ, и изслѣдованіе, справедлива ли сія увѣренность, из-

лишнимъ.—Можно было дѣйствительно обходиться безъ изысканій по симъ вопросамъ, доколѣ частныя ошибки нашихъ умственныхъ способностей не колебали общей увѣренности въ нашемъ разумѣніи истиннаго; доколѣ среди всѣхъ споровъ оставалось нѣчто для всѣхъ вѣрное. Но когда въ сомнѣніяхъ простерлись до того, что стали не довѣрять самымъ первымъ убѣжденіямъ нашего разумнаго чувства; когда многія системы, составляясь противъ увѣренности общаго чувства, готовы обвинять самое наше сознаніе въ коренной тайной лжи (*πρωτον ψευδος*): тогда нельзя уже остановиться на одномъ изложеніи понятій; а надобно пройти изслѣдованіемъ всю систему мыслей человѣческихъ, чтобы найти, если можно, твердый пунктъ, на которомъ бы можно было надежно опираться въ своихъ умственныхъ соображеніяхъ. Теперь, какъ всѣ мысли во всемъ ихъ разнообразіи всегда сходятся въ нашемъ умѣ, въ нашемъ сознаніи: то естественно изслѣдованіе онаго не только неизбѣжно, но и требуетъ самой тщательной обработки.

Съ сей точки зрѣнія самые отдаленные, труднѣйшіе философскіе вопросы, получаютъ

тѣмъ большую важность, чѣмъ глубже лежатъ въ основаніи нашимъ представленіямъ. Обойти сіи вопросы значило бы строить зданіе философскихъ мыслей на пескѣ, не имѣть въ готовности послѣдняго опыта на свои сужденія.—Послѣ сего и изысканія о такихъ вопросахъ, каковы напр., какъ могу я быть увѣренъ въ истинѣ своихъ представленій, не обманываютъ ли меня мои чувства, мой взглядъ на міръ не есть ли только выраженіе моей природы, меня обольщающей, какъ составляются мои понятія объ мірѣ — и такіе вопросы, какъ они ни странны кажутся съ перваго взгляда, какъ ни далеки отъ общаго смысла, открываются уже во всей своей важности. Мы не можемъ смѣло быть увѣрены, что мыслимъ вѣрно, доколѣ не рѣшимъ: въ какомъ отношеніи стоятъ наши познанія къ природѣ, внѣ насъ представляющейся. Желая уразумѣть жизнь природы, мы не хотимъ мыслить объ ней, какъ можемъ мыслить по своимъ представленіямъ, а желаемъ постигнуть, какъ строитъ природа сама по себѣ, независимо отъ нашихъ понятій.

Такимъ образомъ хотимъ ли мы достигнуть отчетливости въ своихъ убѣжденіяхъ, мы въ самомъ согласіи природы съ нашими представленіями, въ которомъ никто почти не сомнѣвается, не въ правѣ быть увѣрены, пока предварительное строгое изслѣдованіе природы нашихъ познаній не подтвердитъ основательности сего убѣжденія.

Естественность порывовъ къ рѣшенію задачъ философскихъ, и достоинство Философіи, не унижаемое, ни незаконченностію ея изслѣдованій, ни неумѣренными требованіями, какія на нее дѣлаютъ.

22. Теперь, соображая всю высоту предметовъ, которые Философія подвергаетъ разсмотрѣнію, всю глубину изысканій, въ какую нужно пуститься, чтобъ получить что-либо опредѣленное для своего уясняемаго сознанія, легко понять, что при всей естественности вопросовъ философскихъ, изысканія объ нихъ, рѣшеніе раскрытыхъ задачъ умозрѣнія, сопряжены съ большими трудностями. Съ одной стороны вышеопытное разумѣніе всего бытнаго требуетъ такихъ об-

ширныхъ соображеній, а постиженіе первой Вины предполагаетъ такое развитіе ума, требуетъ такой чистоты сердца; съ другой едва вознаградимое отдѣленіе нашей разумности отъ природы, преграждая всякую возможность безпосредственнаго соприкосновенія съ нею для сличенія своихъ представленій въ жизнію дѣйствительною, поставляетъ насъ на такой зыбкой стезѣ къ истинѣ; наконецъ само разумѣніе законовъ нашихъ нравственныхъ, сколь легкое для взгляда простаго, при учебномъ разборѣ оныхъ представляетъ столько запрудненій, что, соображая всѣ сіи трудности, едва не переходишь на сторону тѣхъ, кои сомнѣваются въ важности самой Философіи и успѣшности ея изслѣдованій.

Но тамъ, гдѣ дѣло идетъ о рѣшеніи самыхъ послѣднихъ вопросовъ человѣческаго вѣдѣнія; тамъ, гдѣ утверждается краеугольный камень умственнаго величія человѣческаго: тамъ нельзя имѣть довольно готовности ко всѣмъ возможнымъ усиліямъ, даже повидимому безполезнымъ. Ибо, хотябъ усилія наши въ рѣшеніи философскихъ вопросовъ не привели насъ къ выводамъ удовлетворительнымъ, же-

лаемымъ: все и одно уже знакомство съ тѣмъ, что въ нашихъ познаніяхъ есть слабаго, непроясненнаго, значитъ очень много. Человѣка достойно имѣть уясненное сознаніе и о томъ, чего не можетъ онъ достигнуть своими силами. Основательное, опытное убѣжденіе въ слабости своего знанія можетъ предохранить отъ такихъ ошибокъ въ сужденіяхъ и поступкахъ, кои послѣ не могли бы быть довольно оплаканы. Сухи конечно изысканія о природѣ нашего ума и достоинствѣ нашихъ познаній: но одна уже *осторожность*, по которой мы, изслѣдывая природу, не предаемся слишкомъ довѣрчиво своимъ представленіямъ, а стараемся повѣрить оныя возможнымъ сближеніемъ съ природою, достаточно награждаетъ насъ за труды понесенные. Извѣстно, что ничто столько не удаляетъ насъ отъ истины, какъ слѣпая довѣрчивость къ мыслямъ, однажды принятымъ, или случайно родившимся въ головѣ нашей. —

Между тѣмъ и собственное влеченіе духа мыслящаго и успѣхи опытныхъ изслѣдованій — все заставляетъ насъ надѣяться, что усилія (философски) прояснить природу существъ не могутъ и не должны быть усиліями су-

ешными, — безплодными. Сколько наши познанія часъ отъ часу ближе подходятъ къ природѣ, и полнѣе выражаютъ оную зависимо отъ усилій узнать ея явленія, всякой знаетъ. Наше положеніе среди сего міра, частію даетъ догадываться о единствѣ законовъ ума и природы, частію какъ бы невольно нудитъ къ извѣстному образованію своихъ мыслей сообразно съ нуждами сердца. При такихъ намѣкахъ на возможность философскаго разумѣнія природы, отказаться отъ усилій, по крайней мѣрѣ ускоряющихъ сіе разумѣніе, значитъ не имѣть довольно твердости, бодрости духа, чтобы самому приготовлять свою увѣренность; значитъ съ сознаніемъ оставаться однимъ пріемникомъ чужаго; значитъ недовѣрять внушеніямъ собственнаго разума, радушному вызову природы къ убѣжденію развитому. — Я чужой въ этомъ мірѣ, если образъ моего мышленія не согласенъ съ твердыми законами цѣлой природы, меня окружающей.—Я безутѣшенъ, если природа существуетъ случайно, или нѣтъ высшей цѣли для моего существованія. — Униженіе человѣчеству, если оно на ряду съ другими тварями должно, питаясь отъ праха,

возвратишься въ прахъ, безъ всякой новой надежды. — Нѣтъ мѣста наукамъ, коль скоро наше стремленіе къ истинѣ напрасно, и мы нисколько не можемъ уразумѣть природы въ ея непреложномъ отношеніи къ намъ.

23. Сколь ни благотворныя впрочемъ истины проясняетъ для насъ философская изыскательность; къ какому твердому, непреоборимому убѣжденію въ основныхъ мысляхъ ни возводятъ насъ мудролюбивыя изслѣдованія: ни одна наука, можно сказать, не подвергалась такимъ противорѣчущимъ сужденіямъ, какъ Философія. Высотѣ вопросовъ, кои составляютъ предметъ ея изысканій, не всегда оказываютъ надлежащее уваженіе; вліянію самой науки на развитіе человѣческаго самочувствія рѣдко отдавали полную справедливость. — Съ одной стороны нѣкоторая незаконченность философскихъ умозрѣній, и разность во мнѣніяхъ самыхъ великихъ Философовъ, съ другой необыкновенныя ожиданія, какимъ ищутъ удовлетворенія отъ Философіи въ самомъ уже первомъ ея развитіи, простѣе, неумѣренныя требованія на Философію составляли и составляютъ самый богатый источникъ порицаній и укоризнъ,

произносимыхъ на беззащитную науку. — Но правильное сужденіе о достоинствѣ науки Философіи, какъ всякаго предмета вообще, зависитъ отъ правильнаго понятія объ ея состояніи и цѣли, ею достигаемой.

Всякой согласится, что Философія въ идеальномъ своемъ видѣ, какъ удовлетворительное рѣшеніе коренныхъ задачъ нашего мышленія — имѣетъ право на полное уваженіе наше; но не менѣе справедливо и то, что и несовершенное развитіе оной въ настоящее время, не должно вести къ ея презрѣнію. Мы не презираемъ юноши, недостигшаго еще крѣпкихъ лѣтъ мужескаго возраста: но, довольные его благородными порывами, съ нетерпѣніемъ ожидаемъ, когда богатыя жизнію силы его примутъ твердый ходъ и постоянное направленіе. — Конечно философскія изысканія доселѣ не совершенно прояснили тѣ истины, уясненіе коихъ обыкновенно отъ нихъ ожидается: но сія безуспѣшность отнюдъ не даетъ права на пренебреженіе или порицаніе Философіи. Сколько прекрасныхъ покушеній и намѣреній въ родѣ человѣческомъ оспалось по видимому безъ исполненія, и высказано безъ плода? И—кто не

пишаетъ къ истинѣ должнаго уваженія, даже тогда, когда она не является во всей своей чистотѣ, во всемъ ея дѣйствіи?—Успѣемъ ли мы хотя приближенно постигнуть истину, уразумѣть бытіе сущаго въ его корнѣ: мы оправдаемъ такую мысль, которой и одно уже чаяніе достойно всякаго уваженія, тѣмъ болѣе стараніе развить и уяснить ее.—Нѣтъ нужды, что открытіе сей истины идетъ медленно. Чѣмъ медленнѣе въ природѣ существъ развивается какой либо организмъ: тѣмъ онъ долговѣчнѣе; тѣмъ онъ благороднѣе.—И старанія мужей мыслителей, мало по малу приближающія насъ къ истинѣ, по самой уже сей медленности, заставляютъ ожидать чего-то благороднаго, заставляютъ уважать сіе великое въ самомъ его несовершенствѣ.

Старались ослабить и унизить важность философскихъ изслѣдованій указаніемъ на *суемудрые толки* людей, извѣстныхъ подъ именемъ Философовъ. — Не отвергаемъ, что имя Философа усвояли нѣкоторымъ лицамъ не много трудившимся надъ прояснѣніемъ истины,—иногда даже помрачавшимъ оную по тщеславію: — но имя не дѣлаетъ

Философомъ. Бѣглыя, поверхностныя, но остроумною восхищающія мысли не суть Философія. Въ нихъ можетъ быть высказано много хорошаго, но кто примѣтъ смѣсь истины съ ложью за чистую истину? —Только безразсудный, не умѣющій, или не желающій соображать самостоятельно.

24. Вообще можно замѣтить, что самыя требованія, какія дѣлаютъ на Философію, не всегда умѣренны и обдуманны. Оспенимъ ихъ и отразимъ укоризны на Философію, болѣе или менѣе тѣсно съ ними связующіяся.—Ожидаютъ обыкновенно, чтобы Философія вдругъ рѣшила всѣ главнѣйшія задачи человѣческаго вѣдѣнія, безъ дальнихъ соображеній, безъ всякаго возможнаго разногласія въ сужденіяхъ. — Напрасно. Уму человѣческому не дано постигать вещи съ перваго взгляда. Ему нужно долго *образоваться*, чтобъ получить свѣдѣнія основательныя, пріуготовиться къ сужденіямъ вѣрнымъ, догадкамъ правдоподобнымъ. Путь къ истинѣ лежитъ для него отъ области невѣдѣнія, чрезъ многообразныя стропы заблужденій. — Только посредствомъ ошибокъ научаемся мы отличать истину отъ лжи. —

Правда, истина представляется такъ близкою душѣ нашей; когда высказываютъ ее: она, кажется, была на языкѣ нашемъ; мы, кажется, давно уже знали ее. Но сіе показываетъ только, что она, такъ сказать, родная духу нашему; что намъ естественно видѣть вещи въ собственномъ ихъ свѣтѣ.—Конечно кто бы не желалъ, объять истину съ перваго разу? Не многіе рѣшатся пуститься въ лабиринтъ разнородныхъ изысканій безъ надежды выхода. Какое Государство не пожелало бы однажды такъ устроить свои общественныя отношенія, чтобы не имѣть въ послѣдствіи нужды ни въ какихъ измѣненіяхъ? — Но въ состояніи, въ дѣйствіяхъ и мысляхъ человѣческихъ нѣтъ непреложнаго постоянства; во всемъ мірѣ дѣйствіе закона постоянства растворяется силою закона подвижности. Самъ родъ человѣческій при всей опредѣленности силъ поставленъ подъ законъ возрастанія.— Послѣ сего желать и стараться, чтобы высшій степень возможнаго совершенства разумныхъ опредѣленій постигнутъ былъ, какъ можно, скорѣе,—совершенно естественно и справедливо; но требовать отъ людей мыслящихъ опредѣленій непреложныхъ, и до появле-

нія оныхъ презирать, или подавлять всякія мнѣнія несовершенныя, довольно опрометчиво: какъ погрѣшительно съ другой стороны, утвердивши, или имѣя въ готовности, одно и совершенное, думать, что оно должно на вѣки остаться безъ дополненій, измѣненій и поясненій. — Природа и свойства даже частныхъ вещей открываются въ нихъ не вдругъ, не въ одно время, не въ одномъ мѣстѣ; мы не всегда можемъ наблюдать вещь, когда намъ угодно; а чаще должны пользоваться обстоятельствами, кои подастъ сама природа. Понятно, что для того, чтобъ опредѣлить образъ бытія всѣхъ вещей,—цѣлаго міра нужно уже нѣсколько людей съ наблюдательнымъ духомъ, и то при средствахъ благопріятствующихъ, и при всѣхъ пособіяхъ нужно не только нѣсколько лѣтъ, а цѣлыя столѣтія.

25. Теперь, хотя можетъ показаться, что безъ полнаго запаса предварительныхъ наблюденій и опытовъ хотѣть однимъ соображеніемъ дойти до вѣрнаго опредѣленія: какъ существуетъ цѣлый міръ вещей, значитъ браться дойти до истины скороспѣшно, безъ свѣточа, какъ бы произвольно отдаваясь въ

объятія заблужденію; что такая самонадѣянность достойна всякаго порицанія.—Но на основаніи одной сей видимой неизбѣжности заблужденія ужели можно уничижать усилія ревностныхъ искателей истины? Безъ самозабвенія, безъ нѣкотораго самопожертвованія не сдѣлаешь ничего великаго.—При томъ же и стремленіе къ истинѣ столь естественно; приблизиться къ ней, кажется, столь легко; и малыя открытія на семъ поприщѣ такъ подстрекаютъ дѣятельность силъ человѣческихъ, что, сдѣлавшій одинъ только опытъ въ открытіи истины неизвѣстной, непреодолимо уже увлекается къ гаданію истинъ дальнѣйшихъ, высшихъ.—Благоразуменъ конечно, кто высказавъ нѣсколько истинъ, можетъ еще думать, что онѣ не суть единственныя, непреложно вѣрныя, самыя послѣднія. Но надобно имѣть значительную, можно сказать, огромную опытность, чтобъ умѣть ограничивать свою самонадѣянность при довольныхъ успѣхахъ въ изслѣдованіяхъ. — Тотъ, надобно сказать, мало употреблялъ силы своего разумѣнія, кто думаетъ, что можно отказаться отъ довѣрія къ своимъ мыслямъ, сдѣлавъ нѣсколько ошибокъ. Но тотъ

оказываетъ и совершенное неуваженіе къ дарамъ Творческимъ, кто гоповъ воспрепишь всякія изысканія, ссылаясь на слабость человѣческихъ усилій уразумѣть испину. Какъ будто силы человѣческія не растутъ отъ самаго ихъ употребленія; какъ будто всякому заблужденію суждено жить вѣки, и испина можетъ развиться въ человѣчествѣ безъ усилій лицъ недѣлимыхъ, а сіи усилія, по самой слабости недѣлимыхъ въ сравненіи съ цѣлымъ, не должны быть по необходимости ограниченны.—Только слабый душею опъ слабаго смертнаго будетъ требовать и ожидать вѣщаній непреложныхъ. Одинъ человѣкъ не даетъ ихъ: онѣ плодъ вѣковыхъ усилій цѣлаго человѣчества.

Состояніе Философіи, несовершенное въ каждомъ субъектѣ, взятомъ порознь, и усовершающееся въ сознаніи цѣлаго человѣчества.

26. Философія въ томъ видѣ, въ какомъ мы находимъ ее доселѣ, есть не что иное, какъ только рядъ попытокъ, сдѣланныхъ мужами даровитыми, приблизиться къ испинѣ. Она еще только въ своемъ образованіи,

какъ и самъ человѣкъ въ настоящемъ видѣ своего бытія, есть еще только, можно сказать, будущій человѣкъ. — Мы видимъ его развитіе и не встрѣчаемъ развитія сего законченнымъ; не можемъ указать предѣла, на коемъ бы человѣкъ достигалъ послѣдней степени своего усовершенія. Какъ ни совершенными встрѣчаемъ мы людей нѣкоторыхъ: все полнаго осуществленія идеала человѣчности въ нихъ не видимъ. — Такъ и Философія, какъ произведеніе человѣка, какъ высшее развитіе его разумѣнія, ни въ какомъ видѣ проявленія, принятомъ ею доселѣ, не облеклась въ свое идеальное совершенство.

Въ такомъ совершенствѣ мы могли бы видѣть ее развѣ тогда, когда бы кто нибудь составилъ въ умѣ своемъ такой очеркъ всего сущаго, въ которомъ бы всѣ недѣлимыя давали легко усматривать держащее ихъ общее, въ коемъ бы ясно представлялось все дивное строеніе мірозданія, рѣзко выражалось разліяніе жизни отъ первой Вины по всѣмъ частнымъ центрамъ существъ, твердо обезначались, какъ бы обнаженные стояли законы и внутренняя жизнь Природы. — Тогда оставалось бы только, утвердивъ на

семъ образѣ взоръ свой, со всею вѣрностію отпечатка перевести представляемое имъ на слова, выразить въ понятіяхъ;—и совершенная Философія была бы готова. — Но какой смертный при одной собственной опытности можетъ составить подобный образъ вселенной, возможный въ мысли одного Божества? Много еще должно пройти родовъ, много должно еще смѣниться недѣлимыхъ на чредѣ проясненія жизни міра, пока умъ человѣческій успѣетъ возвестись къ подобному разумѣнію природы.

27. Полная истина, совершенная Философія не есть достояніе одного ума недѣлимаго.— Всякій человѣкъ, и самый образованный, по своему развитію есть произведеніе своего мѣста и времени и собственнаго настроенія силъ душевныхъ. Сіи условія времени, мѣста и особенности лицъ недѣлимыхъ всегда болѣе или менѣе имѣютъ вліяніе и на ихъ пониманіе и представленіе истины. И чистая, нераздѣльная истина въ переходѣ своемъ чрезъ призму недѣлимости — неизбѣжно слабѣетъ въ своемъ напряженіи, необходимо выходитъ изъ состоянія своего нераздѣльнаго единства. — Истина, перешед-

шая къ намъ чрезъ сознаніе лица частнаго, не есть уже истина полная, чистая; не удерживаетъ какъ бы того свѣта, коимъ сіяетъ она въ умѣ Божественномъ; и ни какой умъ, въ отдѣльную цѣлесность погруженный, не можетъ быть хранилищемъ вѣрнаго съемка, представляющаго природу. — Верхъ совершенства, возможнаго для лица частнаго, есть только вмѣстить въ себѣ жизнь умственную, какъ она развилась до него въ другихъ недѣлимыхъ; проспѣе: стать на равнѣ съ образованіемъ своего вѣка, и изъ своей недѣлимой точки зрѣнія сдѣлать пересмотръ полученныхъ понятій и открыть, если можно, новыя въ нихъ отношенія. — Не споримъ, что являются въ родѣ нашемъ люди геніяльные, которые опереживаютъ свой вѣкъ зрѣлостію сужденій и высотою мыслей; далеко оставляютъ за собою своихъ современниковъ: но вообще развитіе мысли, предметно разсматриваемой, идетъ своимъ путемъ. При той недосязаемой таинственности бытія и законовъ его, о которую сокрушаются порывы самаго смѣлаго ума, ни одинъ смертный не можетъ когда либо безъ нѣкотораго самообольщенія смѣло сказать: я постигъ

жизнь природы. Каждый можетъ высказывать только другому то, къ чему дошелъ онъ въ своихъ изысканіяхъ, или гаданіяхъ.—Философія, какъ произведеніе умственныхъ соображеній одного лица, всегда останется несовершенною.

28. То, что природа оставляетъ недостижимымъ для всякаго ума частнаго, предоставляетъ она уразумѣвать уму всеобщему, — уму цѣлаго человѣчества. Время совершаетъ здѣсь все. То, что осталось неразвитымъ, или не возникло въ сознаніи лицъ, предварившихъ на поприщѣ мышленія созерцательнаго, открывается въ сознаніи лицъ, вступившихъ на сіе поприще за другими. Познаніе въ человѣчествѣ растетъ именно отъ смѣси недѣлимыхъ; и извѣстное развитіе мыслей всякаго частнаго субъекта въ семъ отношеніи есть не что иное, какъ только звѣно въ переходѣ мысли (предметно взятой) къ совершеннѣйшему образованію. — Сами люди непримѣтно для себя совершаютъ въ себѣ сіе развитіе мысли. Каждый голосъ, каждое открытіе въ области мышленія — передаютъ они въ хранилище общаго сознанія; здѣсь новыя лица подвергаютъ оныя новой обработкѣ, и

также передаютъ родамъ слѣдующимъ. Въ сей переработкѣ усиліями различныхъ родовъ, истина, какъ въ горнилѣ, мало по малу отрѣшается отъ примѣси недѣлимыхъ представленій, — получаетъ чистоту. Здѣсь же возвращается она, если не къ своему прежнему нераздѣльному единству, то къ своей цѣлости. Люди примѣчаютъ, пересматривая извѣстную мысль, что видъ, въ какомъ предложилъ ее одинъ ученый мужъ, не совсѣмъ вѣренъ; что онъ долженъ быть исправленъ, или дополненъ замѣчаніемъ другаго. Чѣмъ больше пересматриваютъ теперь извѣстную мысль: тѣмъ больше примѣчаютъ ея связь и соотношеніе съ другими, мѣру, въ какой она вѣрна и должна быть высказана, и гдѣ переходитъ она въ ложное понятіе.

Такимъ образомъ дѣло разумѣнія природы, начатое одними, продолжается другими, и обличіе возможныхъ взглядовъ на вселенную въ рукахъ различныхъ мужей, высшихъ другъ друга образованіемъ, проводится дальше и дальше. Нѣтъ нужды, что отъ смѣны недѣлимыхъ на чредѣ проясненія жизни вселенной, во взглядахъ на сію жизнь оказывается разность, даже нѣкоторое противоборство. Самая сія разность

и бореніе различныхъ системъ способствуетъ только ко всестороннему проясненію задачъ философскихъ. Тогда какъ неопытный глазъ въ возрастающемъ разногласіи Философовъ усматриваетъ разрушеніе, или мнимую суетность самой Философіи: око дальновидное прозираетъ здѣсь только приближеніе единства и тайное склоненіе ума человѣческаго къ одной мысли вѣрнѣйшей.

Возможность успѣховъ Философіи и умѣстность новыхъ усилій къ рѣшенію коренныхъ вопросовъ умозрѣнія.

29. Симъ объясняется возможность успѣховъ Философіи и умѣстность новыхъ усилій къ совершеннѣйшему рѣшенію коренныхъ задачъ ея. Понятіе о жизни вселенной, недостаточное въ умахъ мыслителей, начавшихъ рядъ философскихъ умозрѣній, мало по малу восполняется и исправляется въ системахъ Философовъ позднѣйшихъ. Философія, несовершенная во всякомъ представленіи частномъ, безпрерывно, хотя медленно, усовершается въ сознаніи цѣлаго человѣчества.—Правда, какъ бы въ отмщеніе за то превосходство, которое беретъ умъ надъ природою, столь рѣзко от-

дѣляя себя отъ оной, Природа дорого и неуступчиво продаетъ ему свои тайны; долго держитъ насъ въ преддвѣріи и медленно вводитъ во святилище. Но—что бы ни говорили о неподвижности рода человѣческаго въ его восхожденіи къ совершенству,—родъ нашъ, скажемъ словами Галилея, движется, поступаетъ впередъ, и умъ человѣческій, хотя непримѣтно, за то постоянно растетъ въ уразумѣніи жизни вселенной; и кто скажетъ: гдѣ положенъ предѣлъ сему возрастанію?

30. Всѣ условія для сего возрастанія есть.—Возможность его лежитъ въ устройствѣ самой природы ума и въ состояніи философскихъ умозрѣній о жизни природы.—Возможность успѣховъ Философіи и тогда еще не могла бы быть подвергнута сомнѣнію, когда бы рѣшительно было подтверждено, что мысли духа нашего никогда не выражаютъ и не могутъ выражать дѣйствительнаго быта природы; что онѣ суть только игра нашего ума; что самое то, что мы называемъ природою и предметами, есть не что иное, какъ только образы, творимые силою нашего Я. Ибо и тогда можно было бы еще успѣвать, если не въ разумѣніи природы, какъ

чего-то внѣ насъ дѣйствительнаго, то по крайней мѣрѣ въ разумѣніи законовъ, по которымъ должно развивать свою умозрительную дѣятельность.—Въ томъ случаѣ, когда на точкѣ зрѣнія общаго смысла (какъ она естественно должна быть первоначально принята), утверждается бытіе природы, какъ чего-то дѣйствительно внѣ насъ находящагося, возможность успѣховъ Философіи, какъ исполнительницы жизни вселенной, еще менѣе можетъ быть подвергнута сомнѣнію. Сколько въ первомъ случаѣ основаніе Философіи шатко, всѣ опредѣленія зыбки, и повѣрка мыслей безъ существенности конкретной, тѣлесной, невозможна: столько въ послѣднемъ все помогаетъ развитію философскаго разумѣнія природы. — Здѣсь — успѣхи наши въ восхожденіи отъ частныхъ событій къ понятіямъ общимъ, неподавимое въ духѣ нашей стремленіе угадывать, какъ законы, по коимъ природа дѣйствуетъ въ извѣстныхъ явленіяхъ, такъ и основныя, первоначальныя свойства силъ, кои всему въ мірѣ даютъ жизнь и движеніе, и нерѣдко удачныя покушенія въ семъ постиженіи Природы, — все подаетъ мысль, что законы ума человѣческаго

получили настроеніе, согласное съ законами Природы, такое, по которому мы умомъ своимъ можемъ угадывать внутренній составъ самой Природы. Примемъ ли сію мысль, которая оправдывается большею частію явленій, безъ увѣренности въ коей мы не могли бы жить и дѣйствовать, за вѣрную: мы уже въ правѣ надѣяться вѣрныхъ успѣховъ въ своихъ философскихъ соображеніяхъ, только бы не оставляли своихъ умственныхъ силъ въ бездѣйствіи; только бы нелѣностно наблюдали за жизнію вселенной, какъ она открываетсп въ явленіяхъ и событіяхъ.

31. Съ другой стороны и состояніе Философіи въ настоящемъ ея развитіи оставляетъ еще довольно простора для новыхъ умозрительныхъ соображеній. Еще не во всѣхъ отношеніяхъ Природа для насъ прояснилась; еще не прекратились недѣлимые, надѣляемые отъ природы особеннымъ даромъ прозирать въ ея тайны и открывать въ предметахъ давно извѣстныхъ новыя стороны; — не всѣ народы успѣли еще выставить отъ себя подвижниковъ на поле познаній, открытій и завоеваній Философскихъ; еще не со всѣхъ возможныхъ сторонъ обсмотрѣны задачи

философскія; можетъ быть, еще не всѣ проложены, по крайней мѣрѣ не всѣ еще направленія хорошо набиты, какія могутъ быть приняты при философскихъ изслѣдованіяхъ. Даже въ томъ случаѣ, когда бы уму человѣческому не оставалось больше, что дѣлать *вновь:* и тогда для него оставалась бы еще длинная задача, — пересмотрѣвъ всѣ особые виды возможныхъ явленій Природы съ ихъ законами и условіями, — сличить съ ними мысли, или взгляды, составленныя прежними, или современными мыслителями, чтобъ открыть: въ которомъ изъ сихъ умственныхъ взглядовъ мы дальше проникли въ существо міра, въ какой созерцательной мысли ближе подошли къ Природѣ, въ какой системѣ вѣрнѣе выражена, или угадана жизнь вселенной. —

Не льзя думать, чтобы при семъ сличеніи не родилось какихъ либо новыхъ мыслей, кои могутъ быть зародышами дальнѣйшаго образованія Философіи. Какъ въ природѣ, такъ и въ умственныхъ произведеніяхъ на останкахъ жизни старой развивается новая. Опыты другихъ не могутъ и не должны оставаться для насъ безполезными. Не большой еще успѣхъ, когда познаніе ихъ предостерегаетъ

насъ опъ повторенія снова давно высказанныхъ погрѣшностей; изъ нихъ можетъ и должна быть извлечена бо́льшая польза, именно при разборѣ ихъ мы должны открыть мысль наиболѣе совершенную и достаточную къ объясненію вселенной. По крайней мѣрѣ Писатель съ своей стороны твердо увѣренъ, что основательный разборъ разнородныхъ взглядовъ, доселѣ образованныхъ различными мыслителями, — и сличеніе сихъ взглядовъ съ дѣйствительнымъ бытомъ Природы, какъ мы знаемъ сей бытъ по достовѣрнымъ наблюденіямъ и опытамъ, и какъ думать о немъ заставляютъ насъ непреложные законы ума, должно вести къ важному открытію въ области Философіи, къ открытію: которая изъ составленныхъ Философами системъ, больше согласуется съ законами Природы и ума, и слѣдовательно надъ развитіемъ которой остается еще упражнять силы умственныя. — Подобнымъ пересмотромъ системъ философскихъ обыкновенно пользуются въ руководствахъ учебныхъ: но имъ же можно смѣло пользоваться и для приготовленія себя къ самостоятельному міроразумѣнію.

Возможность уразумѣнія жизни вселенной, умѣстность довѣрія въ семъ дѣлѣ къ силамъ нашего ума, и пріемъ, посредствомъ коего можемъ мы больше успѣвать въ уразумѣніи природы.

32. Но возможно ли намъ, скажутъ, уразумѣть жизнь цѣлой вселенной, когда умственныя способности наши такъ ограниченны, а объемъ вселенной столь обширенъ, что при всемъ усовершеніи наукъ физическихъ, мы не успѣли открыть и предѣла природы; при всѣхъ усиліяхъ мужей ученыхъ не успѣли уразумѣть хорошо самой природы человѣка; еще больше, самая жизнь нижшихъ существъ, на нашей землѣ живущихъ, столь непрояснима, что съ атомъ малое животное составляетъ еще для насъ загадку? При такихъ доказательствахъ несоразмѣрности средствъ съ предполагаемою цѣлію, кто можетъ еще ожидать успѣховъ въ разумѣніи жизни цѣлой вселенной?

Но на основаніи одной слабости нашей недѣлимой природы въ сравненіи съ объемомъ цѣлой вселенной мы не можемъ еще прибѣгнуть къ такой отчаянной мѣрѣ, какова: отка-

заться отъ всѣхъ покушеній къ уразумѣнію Природы. И малыми средствами въ Природѣ совершаются великія событія.—Притомъ же къ уразумѣнію цѣлаго пространственнаго и временнаго не всегда нужно имѣть объемъ и продолженіе, равныя ихъ объему; довольно имѣть способность окинуть оныя взоромъ. Такъ и къ уразумѣнію огромной вселенной не совсѣмъ нужно пересмотрѣть однимъ глазомъ все бытное, прожить всѣ періоды его существованія. При той твердости законовъ, какая должна господствовать въ столь стройномъ цѣломъ, при томъ единствѣ Верховной Вины сущаго, довольно внутри себя имѣть силу съ извѣстной, болѣе или менѣе отдаленной, точки окидывать сущее однимъ взоромъ, и по опыту своему, или другихъ, знать исторію Природы за нѣсколько столѣтій ея развитія; — условія, кои всѣ родъ нашъ выставить можетъ.—Теперь, хотя бы, опираясь на недостаткѣ довольнаго количества былей для вѣрныхъ выводовъ, мы и отказались отъ усилій къ уразумѣнію жизни природы: симъ мы отдалили бы только время своихъ философскихъ успѣховъ, а нисколько не успѣли бы освободить себя отъ желанія

знать Природу ближе. — Рано ли, поздо ли, природа сама увлечетъ къ разумѣнію себя: ибо лѣнивыхъ она сама страданіями нудитъ покорять ее.

Но Вина всего облегчила для насъ и успѣхи въ разумѣніи природы, надѣливъ насъ силами для сего нужными. Нѣтъ нужды раскрывать подробно, что дабы прояснить для себя жизнь вселенной, намъ не столько нужно знать, частичность пространственнаго, сколько внутреннюю жизнь Природы; съ другой стороны понятно и то, что для прояснѣнія сей жизни нужна не другая какая сила, какъ именно также внутренняя.—Что подобная сила въ насъ есть, въ семъ еще никто, кажется, не сомнѣвался; что посредствомъ сей силы мы разумѣемъ многія явленія природы и важныя, умѣемъ объяснять происхожденіе событій въ ней совершающихся, успѣваемъ даже столько ознакомиться съ ея ходомъ, что можемъ предсказывать многія изъ ея оборотовъ со всею точностію, — также знакомымъ съ науками довольно извѣстно.

33. Теперь, если съ одной стороны внутренняя, основная жизнь Природы, въ цѣломъ взятой, яснѣе или сокровеннѣе, должна вы-

ражаться въ каждомъ особенномъ ея явленіи, чего нельзя подвергнуть сомнѣнію; если съ другой въ сію внутреннюю сторону Природы, сокрывающуюся подъ ея явленіями, мы, больше или меньше, всегда успѣваемъ проникнуть, и—не закончивъ всего хода испытаній и разумѣнія природы, никто не въ правѣ безошибочно указать, дальше чего взоры нашего ума досягать не могутъ: то, опираясь на достовѣрное согласіе настроенія нашего ума съ устроеніемъ Природы, въ дѣлѣ разумѣнія жизни міра можно уже съ *большею довѣрчивостію* пользоваться *силами своего ума.* Ибо все показываетъ, что мы не осуждены, какъ животныя, принимать въ чувство одно то, что открываетъ она въ своихъ явленіяхъ взору тѣлесному. Это — одна наружная сторона природы, которая только даетъ намѣки на то, что находится внутри и движетъ всею машиною. Разумъ, насъ отличающій, усиливается проникнуть къ внутренней основѣ вселенной; духъ нашъ, чтобъ удовлетворить стремленію и призванію собственному долженъ разгадать внутреннюю жизнь сущаго.

34. И надобно сказать, что усилія, какія употребляетъ умъ нашъ для проясненія

внутренней жизни природы, не оканчиваются и не могутъ оканчиваться ничѣмъ. Надобно быть слишкомъ упорнымъ въ своемъ предубѣжденіи, чтобъ не смотря на все возрастающее преспѣяніе человѣческихъ знаній утверждать, что мы осуждены на вѣчное круговращеніе въ тѣсныхъ, неразширимыхъ предѣлахъ разумѣнія. Стоитъ только со всѣмъ безпристрастіемъ вникнуть въ исторію рода человѣческаго, чтобъ убѣдиться, что проявленіе разумности въ мірѣ человѣческомъ въ настоящее время гораздо обширнѣе, нежели за нѣсколько столѣтій назадъ. Сіе возрастаніе силъ разумѣнія можетъ служить достаточною порукою того, что сими силами со временемъ мы успѣемъ еще дальше проникнуть въ тайны природы и уразумѣть жизнь ея.—Не споримъ, что наши разумныя силы слабы, не безконечны: но не можемъ и думать, чтобъ раздѣльное понятіе о жизни природы было дѣло одной силы безконечной; чтобъ упражненіе силъ разумныхъ не способствовало ихъ развитію, укрѣпленію. Съ теченіемъ столѣтій опыты человѣчества необходимо умножаются, и всякая сила отъ упражненія растетъ въ своей дѣйственности, или въ своемъ напряженіи.

Теперь, если возрастаніе нѣкоторыхъ силъ, влекущее за собою упадокъ другихъ, и не можетъ быть допущено въ природѣ; все въ разрядъ силъ сего рода не можетъ быть отнесена сила мыслящая. Ея возрастаніе не можетъ извлекать изъ природы, или подавлять въ оной другія силы необходимыя для ея жизни. — Она можетъ расти въ безконечность, не разрушая жизни природы своимъ разумѣніемъ оной.

Слабъ конечно умъ въ настоящемъ его положеніи, согласимся съ нашими противниками; но—какой плодъ, еслибъ мы, ссылаясь на сію временную слабость силъ разумѣнія, вздумали оставить всякое упражненіе оныхъ, сопряженное съ нѣкоторою безуспѣшностію? Такое облѣненіе не должно ли было бы окончиться рѣшительнымъ ослабѣніемъ самыхъ силъ? И—еслибъ и не воспослѣдовало сего ослабленія, по жизненности и природной растимости силъ, все не поступили ли бы мы противъ требованій, какія сопрягаетъ Природа съ самимъ сообщеніемъ силъ? Наше дѣло, получивъ силы, упражнять оныя, въ твердой увѣренности, что дѣйствіе въ природѣ не остается безъ плода. — Можно и должно

разумному существу быть осторожнымъ въ развитіи своей дѣятельности: но и слишкомъ быть робкимъ въ семъ дѣлѣ не совсѣмъ умѣстно. Легко переходя въ нашъ умъ, и слагаясь въ немъ въ бытіе идеальное, природа какъ бы насильно вызываетъ насъ къ свободнѣйшему дѣйствованію въ усиліяхъ ея разумѣнія. — То же подтверждаетъ и исторія развитія умозрительныхъ порывовъ. Умъ нашъ, не смотря на мнимую безуспѣшность философскихъ умозрѣній, никогда не оставлялъ усилій проникнуть въ сердце природы; всегда снова пускается онъ въ умозрѣнія, какъ будто Природа тайно говоритъ ему, что сей путь къ ея разумѣнію для насъ есть совершенно естественный.

35. Какъ теперь упомянутое согласіе ума съ природою заставляетъ надѣяться, что мы со временемъ успѣемъ уяснить для себя и сію внутреннюю сторону, и какъ въ семъ случаѣ нельзя ограничиться однимъ бездѣйственнымъ ожиданіемъ: то мы въ правѣ употребить здѣсь всѣ возможныя усилія къ разрѣшенію важнѣйшихъ задачъ своихъ; можемъ пользоваться всѣми способами, прибѣгать даже къ догадкамъ, или тому, что въ Логикѣ и Физикѣ называется

обыкновенно предположеніемъ, только бы нѣсколько подвинуться впередъ въ проясненіи, или разумѣніи природы. — Въ самомъ дѣлѣ не всѣ же догадки—ошибочны, и изъ многихъ догадокъ одна всегда можетъ подходить къ жизни природы ближе другой. Да и многія мысли, бывшія первоначально догадками, перешли въ послѣдствіи въ рядъ истинъ и оказались вѣрными взглядами на природу.

Призывать на помощь подобныя мысли при философскихъ изслѣдованіяхъ отнюдь не новость. Всѣ философскія рѣшенія первой задачи, въ первоначальномъ видѣ своемъ (многія и въ послѣдующемъ своемъ развитіи), суть не что иное, какъ только попытки объяснить загадочное существованіе вселенной,—суть догадки. Но сіи догадки не только не суть одна игра ума: напротивъ того должны быть признаны необходимыми произведеніями творческой способности духа нашего и составляютъ, какъ въ послѣдствіи увѣримся, необходимый, единственный надежный для насъ способъ уразумѣть природу сущаго. Чрезъ нихъ только подвигается философское познаніе Природы впередъ; чрезъ нихъ только возможны успѣхи самой Философіи.

Необходимость и исключительная умѣстность догадокъ въ Философіи, открывающаяся 1) изъ возвышенности предметовъ философскаго изслѣдованія, 2) изъ природы движенія, какое бываетъ въ нашихъ мысляхъ и 3) изъ того развитія умозрительныхъ взглядовъ, къ какому усиливается вознестись Философія.

36. Мы сказали, что въ изысканіяхъ философскихъ позволительно даже прибѣгать и къ догадкамъ, что и большая часть представленныхъ различными Философами рѣшеній первой задачи о жизни вселенной не инымъ чѣмъ должны быть почитаемы, какъ догадками, или предположеніями. Сія мысль можетъ быть или неправильно понята, или въ превратномъ видѣ представлена. — Объяснимся.

По настоящему положенію духа нашего, по закону, коему подлежитъ развитіе нашихъ силъ умственныхъ, первую очевидность имѣютъ для насъ ощущенія нашего тѣла и усмотрѣнія (Wahrnehmungen) предметовъ міра чувственнаго. То, что составляетъ основу сихъ предметовъ, что даетъ жизнь явле-

ніямъ, не открывается въ нихъ чувственнымъ взорамъ нашимъ съ тою же очевидностію. Не рѣдко самая необходимость, или потребность сего высшаго какъ бы заперивается въ человѣческомъ сознаніи и открывается только при большемъ развитіи силъ разумѣнія. Причина довольно близка и очевидна. — Мы не видимъ сей основы дѣйствительнаго, какъ видимъ самыя явленія природы. Только, одаренные особою силою кромѣ силъ своего тѣла, и въ природѣ внѣшней въ извѣстныхъ явленіяхъ подозрѣваемъ дѣйствованіе сокровенныхъ силъ. Теперь дѣйствительность сихъ силъ утверждается для насъ только на дѣйствительности явленій, кои мы почитаемъ отъ нихъ зависящими; а самая природа, или внутреннее существо сихъ основъ все остаются для насъ неопредѣленными и тогда еще, когда мы довольно уже видѣли явленій, ими производимыхъ. И вообще можно сказать:—то, что не подлежитъ постиженію опытному, всегда для насъ темнѣе. Духовное, вышеопытное для человѣка всегда составляло и составляетъ первоначально предметъ чаянія (Ahnung).

37. Но на одномъ семъ чаяніи человѣкъ ни-

какъ остановиться не можетъ. По влеченію своей разумности онъ рано или поздо всегда пожелаетъ возвыситься къ такому же ясному представленію сверхчувственнаго, какъ имѣетъ онъ о предметахъ чувственныхъ: задача важная, едва разрѣшимая, но тѣмъ не менѣе нераздѣльная съ характеромъ разумности.— Кто припомнитъ, что сверхчувственнаго не льзя подвести подъ взоръ чувственный, какъ мы дѣлаемъ сіе съ предметами вещественными: тотъ легко пойметъ, что разумъ здѣсь, если долженъ выдержать свой характеръ, долженъ необходимо прибѣгнуть къ какимъ нибудь особеннымъ пріемамъ. Исторія развитія человѣческой разумности довольно показываетъ пріемовъ, посредствомъ коихъ человѣкъ усиливается приблизить къ своему разумѣнію духовное. — Мы имѣемъ въ виду покушенія разума философскія: и онѣ довольно, если не болѣе другихъ, достойны замѣчанія.

Въ самомъ дѣлѣ при томъ стремленіи къ полнотѣ и ясности познаній, которое столь естественно духу нашему, не могши съ одной стороны довольствоваться однимъ видимымъ, а съ другой безъ посредства сего видимаго проникнуть въ существо незримаго, умственна-

го, что дѣлаетъ умъ? Останавливаетъ взоры свои на видимомъ, испытываетъ его, сколько можно, основательнѣе, и собравъ съ него всѣ возможныя свѣдѣнія, спрашиваетъ себя: какова должна быть основа сихъ явленій, судя по дѣйствительному ихъ изложенію въ жизни? Отвѣтъ естественно выражается въ извѣстной мысли, или представленіи о силѣ, производящей явленія, или о способѣ происхожденія сихъ явленій, — мысли, не взятой съ опыта, но тѣмъ не менѣе опирающейся на опытѣ. Сія мысль въ первомъ своемъ образованіи будетъ имѣть видъ догадки, или предположенія, но въ послѣдствіи по сличеніи съ явленіями опытными можетъ перейти въ рядъ самыхъ истинъ.

Такимъ образомъ для изъясненія извѣстной совокупности явленій, мы всегда придумываемъ болѣе или менѣе важное предположеніе. Такъ мы поступаемъ при изысканіяхъ физическихъ; не другимъ какимъ способомъ можемъ пользоваться при объясненіяхъ Природы философскихъ. Надъ частными предметами, когда нужно проникнуть ихъ природу, мы можемъ еще дѣлать наблюденія, опыты: онѣ предъ глазами, ихъ внутренняя

основа не можетъ, кажется, ускользнуть изъ подъ рукъ нашихъ. Но что можемъ мы употребить для проясненія образа бытія цѣлой вселенной, тамъ,—гдѣ оставляютъ насъ опыты и самыя наблюденія передъ объемомъ предмета становятся ничтожны? — Здѣсь уже ничего намъ больше не остается, какъ предаться силѣ своего ума, полету и творчеству своего воображенія. Здѣсь уже мы должны долго только гадать, тогда какъ въ области опыта, во многихъ случаяхъ мы можемъ восходить до вѣдѣнія.

38. Но слово догадка, или предположеніе имѣетъ двѣ стороны; одну, подъ которою разумѣется темнота и неясность мысли; другую, подъ которою заключается ея произхожденіе для извѣстной цѣли, и измѣняемость въ значеніи по достиженіи сей цѣли. Говоря о предположеніяхъ философскихъ, мы имѣемъ въ виду и ту и другую сторону, и хотимъ теперь раскрыть исключительную умѣстность догадокъ, или предположеній въ Философіи, во всемъ ихъ значеніи.

Стоитъ только приглядѣться ближе къ движенію нашего мышленія, чтобъ увѣриться, что область, въ которую мы вступаемъ,

пускаясь въ философскія умозрѣнія, есть область гаданій.—Извѣстно, что мы не навсегда оспаемся неразвязными рабами Природы, то есть, наша мыслительная способность не всегда занимается простымъ пріятіемъ или образованіемъ въ себѣ одного того, что даетъ намъ усматривать природа; напротивъ, при пособіи *памяти*, *слысла и воображенія* отъ однихъ представленій переходимъ мы къ другимъ; и, имѣя нѣкоторый запасъ полученныхъ усмотрѣній, или представленій начинаемъ и сами болѣе или менѣе свободно разширять съ ними кругъ своего знанія. Сіе разширеніе совершается посредствомъ различныхъ пріемовъ и способовъ. Но вообще, *противоположность*, *соотвѣтственность* и *стройное согласіе* суть главныя основанія, по коимъ мы отъ одной мысли переходимъ къ другой. По противоположности на прим. мы утверждая одно, разширяемъ свои представленія увѣренностію въ неумѣстности или недѣйствительности другаго. Утвердивъ: есть, мы разумѣемъ, что значитъ нѣтъ; — много — что значитъ мало; — хорошо — что будетъ худо. — Равно и по соотвѣтствію отъ явленія мы переходимъ мыслію къ *силѣ*, отъ

дѣйствія къ *причинѣ*, отъ положенія къ *цѣли* онаго. Но легко примѣтишь, что переходъ сего рода не имѣетъ уже той достовѣрности, какъ прежде. Хотя и при первомъ движеніи мыслей, мы можемъ ошибаться; но гораздо больше ошибаемся при второмъ. —

Еще меньше становится вѣроятность въ мысляхъ нашихъ, еще больше возрастаетъ въ нихъ темнота, когда среди *перелитьнаго* мы догадываемся о *постоянномъ;* при видѣ *случайнаго* требуемъ *необходимаго*, и отъ *дѣйствительнаго* возвышаемся до возможнаго, или *нормальнаго.* Здѣсь уже мысль, къ которой мы переходимъ, или которой требуемъ, не есть простое отрицаніе того, что мы видѣли, или нашли въ другомъ понятіи; не есть одно положеніе соотвѣтствующаго первой сторонѣ: напротивъ есть усовершеніе перваго представленія, усовершеніе, для котораго во внѣшней природѣ мы не имѣемъ опредѣленнаго и достаточнѣйшаго руководства, кромѣ тѣхъ намѣковъ, кои содержатся въ самыхъ предметахъ, переводящихъ насъ къ мыслямъ возвышеннѣйшимъ. — Очевидно послѣ сего, что сіи мысли возвышеннѣйшія должны имѣть

для насъ извѣстную темноту и неопредѣленность;— что обыкновенно и примѣчается надъ всѣми представленіями идеальными.

39. Теперь, еслибы мы не могли дѣлать никакихъ повѣрокъ своимъ представленіямъ и чрезъ то переводить ихъ въ рядъ истинъ дѣйствительныхъ: мы должны были бы, или вовсе оставаться безъ истины, или всѣ представленія всегда и равно признавать истинными. — Но мы имѣемъ средство повѣрять свои представленія однѣ другими. И тамъ, гдѣ сія повѣрка совершена можетъ быть скорѣе, скорѣе открывается намъ и истина; такъ на пр. при переходѣ по противоположности, часто и соотвѣтствію (см. § 38). Не такъ при переходѣ по стройному согласію, гдѣ нужно уже совершенно достаточно знать скудные виды опытнаго, чтобъ по нимъ правильно образовать представленіе умозрительное. Здѣсь, поелику наше познаніе дѣйствительнаго, какъ руководства къ разумѣнію заопытнаго, въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ быть признано законченнымъ: естественно и мысли высшія, созерцательныя долго, хотя не на всегда, могутъ оставаться въ видѣ темномъ, представляться въ свѣтѣ загадоч-

номъ. — Нужно ли еще послѣ сего досказывать, что Философія, для полнаго развитія сознанія, возносясь до самыхъ крайнихъ предѣловъ мышленія, устремляясь къ окончанію опредѣленій въ нашихъ понятіяхъ, заходитъ чрезъ то по необходимости въ область догадочнаго?

40. Впрочемъ и въ послѣднемъ движеніи мыслей все еще доколѣ мысль совершаетъ одинъ переходъ на пр. отъ случайнаго къ безусловному; доколѣ совершивъ сей переходъ, довольствуется симъ однимъ успѣхомъ, *простымъ требованіемъ* постояннаго, или нормальнаго, — нѣтъ большой темноты. Дѣйствительность условнаго не оставляетъ сомнѣнія въ необходимости безусловнаго. Еслибъ Философія могла останавливаться на одномъ семъ переходѣ, или требованіи: ея выводы моглибы всегда имѣть значительный степень ясности.—Но въ живомъ стремленіи къ полному разумѣнію сущаго, она не можетъ довольствоваться сказаннымъ успѣхомъ. Усиливаясь же провести мысли умозрительныя до послѣднихъ ихъ предѣловъ, Философія необходимо и непримѣтно заходитъ въ область темную. Ибо къ чему больше, какъ только къ одному гаданію, ос-

тается прибѣгнуть, какъ скоро для завершенія нашихъ познаній умъ хочетъ утвердить рѣшительную дѣйствительность и опредѣлить *самую природу* того безусловнаго, развить то постоянное, ясно высказать то нормальное, потребность которыхъ для него содѣлалась несомнѣнною? — Если уже для изъясненія частныхъ объемовъ сущаго мы принуждены бываемъ прибѣгать къ предположеніямъ, или догадкамъ, такъ это бываетъ въ Физикѣ: то тѣмъ больше должны прибѣгнуть къ сему средству въ Метафизикѣ, когда хотимъ достаточно объяснить загадочное бытіе цѣлаго міра. Жизнь цѣлаго міра составляетъ конечно загадку не меньше тайнаго произхожденія многихъ физическихъ явленій, подходящихъ къ извѣстному роду.

41. Кто припомнитъ, какія приготовленія нужны для того, чтобъ составить основательное предположеніе и физическое: тотъ легко согласится, что осторожность, съ какою должно составлять догадки метафизическія, должна быть усилена еще больше. Извѣстно, что самыя физическія предположенія, тогда только подходятъ ближе къ истинѣ, когда число былей, или опытовъ, по кото-

рымъ онѣ сопставляются, обширнѣе, и наблюденіе оныхъ точнѣе, словомъ, когда самыя проясняемыя предположеніемъ явленія познаны многостороннѣе, совершеннѣе. Послѣ сего понятно, какія трудности должна встрѣчать при сопставленіи предположеній Физика, или и Исторія. — Мысль, которую мы составляемъ себѣ съ отдаленною цѣлію прояснить рядъ явленій, въ началѣ своего образованія не можетъ быть ясна; ясна конечно цѣль, для которой мы ее вымышляемъ, но не свѣтло еще въ душѣ обличіе, какое сама мысль должна принять, дабы стать во главу многообразной совокупности явленій, или событій. Сей видъ, который должна имѣть мысль, чтобъ служить для объясненія предполагаемаго, проясняется мало по малу въ умѣ нашемъ только тѣмъ, что мы, какъ художникъ, утвердивъ представленіе, въ его первой необдѣланной основѣ, обдѣлываемъ мало по малу подъ предметы объясняемые. — Хотя сію работу, геній умѣетъ сокращать, а талантъ выдерживать съ терпѣніемъ едва вѣроятнымъ: все впрочемъ только полное и вѣрное познаніе частныхъ явленій, по наблюденіямъ и соображеніямъ составленное, помогаетъ раз-

вишію правильнаго взгляда на основу сихъ явленій внутреннюю.

42. Такъ точно и въ Метафизикѣ, нужно уже гораздо яснѣе уразумѣть природу условнаго, которое служило для насъ переходомъ къ безусловному, чтобъ со всѣмъ убѣжденіемъ и со всею ясностію разумнаго сознанія сказать: —есть Богъ; *такъ* дѣйствуетъ Онъ въ мірѣ, таково существо Его. — Конечно въ томъ случаѣ, когда бы образованіе и уясненіе мысли о природѣ Самосущаго зависѣли отъ одного дѣйствованія умственныхъ силъ нашихъ, безъ отношенія сего дѣйствованія къ самосостоятельному бытію природы, можно было бы скорѣе закончить дѣло образованія мысли, завершающей разумѣніе бытнаго: — все впрочемъ и въ семъ случаѣ, поелику никто не можетъ похвалиться совершеннымъ развитіемъ силъ своего разумѣнія, постиженіе существа Верховнаго и Его отношенія къ міру долго могло бы оставаться скуднымъ. Но, какъ не льзя не согласиться, что въ настоящемъ настроеніи разумныхъ силъ нашихъ, уясненіе идеи существа Верховнаго отъ силъ не одного ума, а приготовляется и восполняется познаніями явленій самаго сущаго,

въ которомъ Первосущее являетъ свою силу: но естественно, нужно уже имѣть предварительно познаніе природы внѣшней, и познаніе, сколько можно, правильнѣйшее, чтобъ вознестись до разумѣнія того способа, какимъ проливается въ нее жизнь отъ Самосущаго. Такъ что чѣмъ совершеннѣе кругъ нашихъ мыслей и правильнѣе наше познаніе явленій природы: тѣмъ развитіе мысли о Первосущемъ будетъ совершеннѣе.

43. Послѣ сего стоитъ только окинуть взоромъ всю совокупность нашихъ бѣдныхъ познаній, и сравнить съ нею объемъ цѣлой вселенной: и вся необъятность существа Верховнаго открывается сама собою, вся непостижимость Его властвованія въ природѣ представляется со всею ясностію. Нѣтъ нужды разъяснять, что мысль о Самосущемъ составляется для прояснѣнія жизни вселенной во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ. Для подобной цѣли, мысль сія должна бы быть образована также во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ, и слѣдственно нужно было бы наперед уразумѣть всѣ отношенія самой природы, чтобы по нимъ развить ту высокую идею. — Но теперь спрашивается: кто изъ смертныхъ

могъ когда похвалиться подобнымъ познаніемъ и внѣшней стороны природы?—Познаніе всѣхъ частностей сущаго для духа конечнаго есть дѣло безконечное. Если же яснымъ разумѣніемъ и частныхъ явленій природы никто похвалиться не можетъ: то тѣмъ болѣе выспренія мысли, сосставленныя силою ума нашего о такихъ предметахъ, каковы: отношеніе Божества къ міру; внутренняя природа сего Верховнаго существа, и вообще всѣ предметы горніе,—должны быть отнесены къ числу представленій темныхъ, надолго оставаться въ ряду однѣхъ догадокъ, пока большее уясненіе всего нашего сознанія не переведетъ ихъ, или въ рядъ чистыхъ истинъ, или явныхъ заблужденій. сл. § 48.

Переходъ догадокъ философскихъ въ рядъ дѣйствительныхъ истинъ.

44. Можно уже видѣть послѣ сего, что, считая умозрительныя поясненія природы въ первомъ ихъ видѣ догадками, мы не утверждаемъ, чтобы сіи гаданія — были одна роскошь нашего воображенія и вовсе не могли быть истинами. — Жалкое состояніе было бы состояніе человѣка, еслибы при томъ сильномъ стремленіи къ законченному вѣдѣ-

нію онъ осужденъ былъ довольствоваться однѣми догадками. Напротивъ, и опытъ подтверждаетъ, и въ предъидущемъ изложеніи можно было видѣть, что сіи умозрѣнія могутъ переходить въ рядъ истинъ достовѣрныхъ. Переходъ сей, столь обыкновенный въ догадкахъ физическихъ, совершенно естественъ и въ догадкахъ метафизическихъ. —

Если основательна та мысль, что духъ нашъ получилъ такое настроеніе, по которому можетъ вѣрно возпроизводить въ себѣ виды природы, и по своимъ понятіямъ удачно дѣйствовать на предметы его окружающіе: — то естественно въ умѣ нашемъ не можетъ не быть нѣкотораго предрасположенія къ правильному взгляду на вселенную. И сіе одно заставляетъ уже въ гаданіяхъ, къ коимъ мы невольно прибѣгаемъ, или переходимъ, подозрѣвать нѣчто вѣрное. Но вѣрность сихъ гаданій не на одномъ семъ общемъ основаніи опирается. По одному сему основанію всякое гаданіе можетъ только объявлять притязанія на вѣрность и не должно быть опвергаемо безъ осторожнаго изслѣдованія.

Вѣрность предположеній, или догадокъ умозрительныхъ опирается окончательнымъ обра-

зомъ на ихъ *согласіи съ опытомъ*, на ихъ полной достаточности къ объясненію тѣхъ явленій, для проясненія коихъ онѣ придуманы. — На основаніи сего согласія, какъ многіе физическіе взгляды, бывшіе сначала одѣми догадками, признаны въ послѣдствіи истинами: такъ и нѣкоторыя философскія созерцательныя мысли могутъ перейти въ рядъ истинъ вполнѣ достовѣрныхъ. сл. § 39.

45. Извѣстно, какъ утверждается истинность предположеній физическихъ. Ихъ вѣрность тогда только становится для насъ несомнѣнною, когда 1) онѣ легко, безъ натяжки, безъ новыхъ предположеній объясняютъ всѣ видоизмѣненія извѣстной совокупности событій; 2) когда къ сему объясненію оказываются недостаточными, или не столь достаточными, всѣ другія предположенія, для той же цѣли придуманныя; и 3) когда наконецъ намъ извѣстны будутъ всѣ проявленія, долженствующія произходить отъ силы предполагаемой, или всѣ событія, какія должны оказываться при извѣстномъ условіи. Всякое предположеніе, всякая высшая мысль, придуманная для проясненія извѣстной совокупности явленій, сей часъ перестаетъ быть предпо-

ложеніемъ и дѣлается для насъ несомнѣнною истиною, коль скоро она удовлетворяетъ всѣмъ симъ требованіямъ. — Можно смѣло сказать: многое, что теперь въ Физикѣ излагается въ видѣ рѣшительной истины, въ первоначальномъ видѣ своемъ было не что иное, какъ только предположеніе. Какой либо взглядъ на причины и происхожденіе извѣстныхъ явленій, сначала составлялъ только догадку геніяльнаго наблюдателя природы; въ послѣдствіи, подтвердившись многими опытами сего же наблюдателя, или и другихъ, и оказавшись согласнымъ съ другими явленіями, перешелъ въ рядъ истинъ. Къ числу таковыхъ истинъ принадлежитъ, на пр. давленіе воздуха, обращеніе земли вокругъ солнца, единство трехъ главныхъ физическихъ движителей (agens), подтверждающееся новѣйшими открытіями Фарадая и проч. Кто теперь изъ образованныхъ людей смотритъ болѣе на сіи дѣйствительныя физическія истины съ тоюже недовѣрчивостію, съ какою обыкновенно принимаютъ, и слѣдуетъ принимать какія нибудь предположенія? —

46. Точно тоже самое возвышеніе въ рядъ истинъ, какимъ оканчивается жизнь предпо-

ложеній физическихъ, совершилось и можетъ совершиться и съ нѣкоторыми предположеніями философскими.

Говоримъ: съ нѣкоторыми предположеніями, потому что не всѣ и физическія предположенія оправдались; и архивы физическихъ изслѣдованій богаты догадками, преданными забвенію, и непоминающимися болѣе при усовершенствованномъ состояніи науки. Тѣмъ болѣе сіе можетъ и должно быть въ изысканіяхъ философскихъ: потому что въ Метафизикѣ и легче и естественнѣе удалиться отъ дѣйствительной жизни природы, нежели въ Физикѣ. Сколько въ опытахъ физическихъ въ образованіи предположеній руководитъ, кажется, человѣка сама природа; сколько здѣсь ему часто легко возстановить прошедшія явленія, и заставить природу снова начать процессъ своихъ измѣненій: столько въ умозрѣніяхъ метафизическихъ человѣкъ предоставляется самъ себѣ; намѣки, какіе даетъ природа, становятся здѣсь слабѣе; она оставляетъ насъ, едва проведя половину пути къ ея разумѣнію. Оставленный на половинѣ пути съ естественнымъ стремленіемъ вдаль, человѣкъ по необходимости предается уже

водительству ума: но сіе водительство не всегда направляетъ насъ по пути, указанному природою. Часто умъ, не успѣвъ довольно возвыситься, чтобъ составить вѣрный взглядъ на всю Природу, прилагаетъ представленія, схваченныя скороспѣшно съ явленій частныхъ, ко всей массѣ сущаго. Естественно, что плодъ такаго приложенія—одно не вѣрное разумѣніе природы;—догадки такаго рода всегда останутся въ ряду полуистинъ.

47. Теперь, хотя людямъ, настроеннымъ къ созерцательности и можетъ показаться, что Природа своею внѣшнею оболочкою только задерживаетъ мысль въ ея стремленіи къ горнему, вышеопытному; что въ Метафизикѣ, какъ нѣтъ подобной задержки, мысль можетъ дѣйствовать свободнѣе, поспигать истину легче. Но, чтобъ вполнѣ оцѣнить подобное мнѣніе, стоитъ только припомнить, что мысль наша въ разумѣніи природы безъ всякаго ея руководства не только не обходится, но и обойтись не можетъ (ибо и сама развиваетъ свои силы, только пробуждаясь дѣйствіемъ Природы); что далѣе упомянутая задержка не столько должна быть почитаема остановкою, сколько поучительнымъ

намѣкомъ, не слишкомъ поспѣшно высвобождаться изъ подъ необходимаго и всегда нужнаго руководства матери— Природы. Конечно, если бы наши представленія не имѣли цѣлію прояснения сущаго *внѣ насъ*: собственное творчество могло бы, какъ мы и прежде уже замѣтили, созидать произведенія совершенныя. Не льзя имѣть такихъ успѣховъ быстрыхъ и высокихъ, когда закономъ для Философіи поставляется (какъ и должно быть постановлено) близость въ опредѣленіяхъ съ самою природою. — Въ семъ случаѣ только уже болѣе обширное и правильное разумѣніе частныхъ явленій и различныхъ сторонъ природы должно руководить насъ къ вѣрнѣйшей догадкѣ о внутренней ея жизни. Такимъ образомъ, хотя при составленіи предположеній философскихъ не требуется тѣхъ мѣлкихъ, отрывочныхъ опытовъ надъ явленіями природы: за то объемы, въ какихъ берется природа, и на какіе простирается предположеніе, гораздо обширнѣе, — и зависимо отъ сей удаленности отъ былеваго (слагающагося изъ фактовъ) и *слитлость*, съ какою догадки могутъ быть предлагаемы и обсуживаемы, должна быть умѣряема, какъ можно больше. — Самое довѣріе

къ уму можетъ иногда переходить свои границы.

48. При всемъ впрочемъ видимомъ раздѣленіи съ опытомъ (ср. § 46), умъ человѣческій успѣлъ высказать нѣсколько такихъ мыслей, которыя имѣютъ право на полное наше довѣріе, и могутъ быть считаемы полными истинами. И общій уже смыслъ принимаетъ и употребляетъ многія мысли въ семъ достоинствѣ: и философское изслѣдованіе можетъ нѣкоторымъ изъ нихъ усвоить всю ихъ значимость. — Обратимся ли къ опыту, онъ дѣйствительно подтверждаетъ, что нѣкоторыя мысли, которыя по правильному истолкованію природы нашего разумѣнія, первоначально должны имѣть видъ однѣхъ догадокъ, въ общежитіи употребляются совершенно въ видѣ истинъ. Такова на пр. увѣренность въ безсмертіи человѣка. — Что бы ни дало такой вѣсъ и значимость представленіямъ сего рода: съ ними совершилось тоже самое, что совершилось съ тѣми физическими предположеніями, о которыхъ мы выше упомянули, т. е. первый ихъ видъ забытъ.—Вникая ближе въ кругъ созерцательныхъ представленій, находящихся въ ходу въ образованномъ обществѣ,

и усвоенныхъ общимъ смысломъ, легко можно отличить довольно умозрительныхъ мыслей, которыя потеряли уже видъ предположеній, или догадокъ. Общій смыслъ употребляетъ уже ихъ въ видѣ истинъ,—впрочемъ не по тому, чтобъ люди съ яснымъ сознаніемъ были убѣждены въ ихъ вѣрности, а окончательнымъ образомъ по той необходимости (и, надобно сказать, для общаго смысла довольно ощутимой), что во многихъ случаяхъ человѣкъ долженъ былъ бы безъ нихъ потеряться; по тому, прибавимъ далѣе, что со многими изъ нихъ мы знакомы уже по вѣрѣ, что отъ постояннаго повторенія, отъ ежедневнаго употребленія онѣ потеряли для насъ свою неясность.

49. Какъ долженъ обращаться съ мыслями сего рода *Философъ?* Вопросъ сей можетъ имѣть значеніе практическое, устранимъ его до времени. — Предварительно можемъ сказать, что не въ такомъ конечно видѣ могутъ умозрительныя мысли, и освященныя уже общимъ довѣріемъ, являться предъ наукою, когда она предпринимаетъ отдѣлить непреложно вѣрное отъ догадочнаго только; когда она хочетъ получить истину во всей ея чистотѣ и пережечь имѣющіеся въ ходу матеріалы,

чтобъ получить изъ нихъ чистое золото. Философъ не можетъ принимать сіи мысли въ томъ видѣ, въ какомъ необразованный въ мышленіи принимаетъ оныя простымъ вѣрованіемъ.—Онѣ должны предстать предъ нимъ во всей чистотѣ ихъ происхожденія. Но сіе не мѣшаетъ имъ въ и въ глазахъ Философа также стать въ рядъ истинъ, какъ онѣ поставлены въ число оныхъ общимъ употребленіемъ.

50. Не истреблять же истины — цѣль Философовъ, но отыскивать, очищать оныя. — Какъ изыскатель природы можетъ повторять снова тѣже опыты, на основаніи коихъ принято давленіе воздуха, и можетъ искать новыхъ доказательствъ на сіе явленіе природы, не дѣлая симъ насилія самой истинѣ и общей въ ней увѣренности: такъ и Философъ можетъ разбирать основанія, по коимъ извѣстныя умозрѣнія выданы, или признаны за истинныя и доискиваться новыхъ доказательствъ на сіи умозрѣнія, не ослабляя чрезъ то самой ихъ истины. Дѣйствіемъ своимъ только возвращаетъ онъ, какъ Химикъ, въ первобытное состояніе многое такое, что давно вышло изъ онаго и едва носило слѣды своего произхожденія. — И не льзя основательно

бояться, чтобъ симъ способомъ Философъ какъ бы лишалъ истину опоръ ея. Напротивъ онъ пріискиваетъ для ней сіи опоры.

Философъ ищетъ убѣжденія въ истинѣ уясненнаго, основательнаго. Для него слишкомъ дорога истина, чтобъ онъ сталъ отвергать ее безъ соображенія. Тогда, какъ недовольно образованный готовъ признавать истинною всякую мысль, высказанную съ какимъ либо авторитетомъ, довольствуется объясненіями жизни природы самыми смѣшными и неудовлетворительными: Философъ хочетъ всякой мысли усвоить приличное достоинство, и изъясненія жизни вселенной признать достовѣрными только такія, кои выдерживаютъ строгое испытаніе ума разборчиваго, и даже недовѣрчиваго. Только желая разлить на истину новый свѣтъ, Философъ изыскиваетъ отношенія извѣстнаго сужденія къ другимъ мыслямъ, доказательства, на коихъ оно опирается, мысли, вѣрность коихъ въ немъ предполагается. Если такимъ образомъ для него становится задачею многое такое, въ чемъ смыслъ обыкновенный никогда не сомнѣвался; если такимъ образомъ многія мысли, кои обыкновенный смыслъ принимаетъ со всѣмъ убѣж-

деніемъ, въ глазахъ его теряютъ видъ аподиктической вѣрности: то только на время, доколѣ не докажутъ ему своихъ правъ на довѣріе.

51. Философъ, не какъ врагъ истины, но какъ поборникъ чистоты и твердости ея, нисходитъ до послѣднихъ основаній нашего разумѣнія, слѣдитъ за мыслями высшими отъ самаго ихъ темнаго произхожденія до яснаго изложенія въ системахъ, усиливается самъ представить оныя въ развитіи болѣе правильномъ. Не отдавая прежде времени преимущества ни одному мнѣнію, онъ соображаетъ достоинство всѣхъ мыслей, созданныхъ въ родѣ человѣческомъ силою воображенія для изъясненія жизни сущаго, разбираетъ простоту, или сложность, необходимость и естественность каждой и отношеніе къ событіямъ. Так. обр. возобновляя въ себѣ со всею недовѣрчивостію переходъ выспреннихъ мыслей отъ зыбкаго чаянія до живаго убѣжденія, Философъ болѣе или менѣе всегда можетъ, скажемъ даже, долженъ узнать: какое достоинство можетъ быть усвоено каждой умозрительной мысли по всей справедливости.

Такимъ образомъ можетъ случиться, какъ не рѣдко и бываетъ, что Философъ долженъ

будетъ признать несомнѣнно вѣрною туже самую мысль, которая первоначально имѣла только видъ предположительный; — и признаетъ ее съ сознаніемъ уясненнымъ, съ убѣжденіемъ раскрытымъ. Такимъ образомъ таже догадка въ умѣ и простаго и размышляющаго можетъ переходить въ рядъ истинъ. Ибо Философъ находитъ, что при извѣстныхъ условіяхъ и отдаленныя догадочныя мысли должны быть признаны столько вѣрными, какъ и другія живыя убѣжденія нашего сознанія.

Способъ упомянутаго перехода предположеній философскихъ въ рядъ истинъ.

52) Достаточныя основанія для сего признанія, или условія онаго, какъ мы сказали предъ симъ, Философъ находитъ въ сличеніи мыслей дѣйствительно предположительныхъ, или поставленныхъ до времени въ рядъ предположеній — съ бытомъ дѣйствительнымъ. Въ самомъ дѣлѣ для чего возходимъ мы до тѣхъ надопытныхъ представленій при разсмотрѣніи жизни вселенной, если не для того же, для чего обыкновенно составляемъ всѣ предположенія въ Физикѣ? т. е. для объясненія

природы, какъ извѣстной совокупности явленій (сл. § 40 и 41). Для сей цѣли мы ищемъ законы событій, въ ней совершающихся и добираемся до правильнаго понятія о силахъ, въ ней дѣйствующихъ, о жизни, по ней разлитой. Теперь по сему единству цѣли, къ которой мы стремимся въ изслѣдованіяхъ того и другаго рода, по одинаковости пріемовъ, кои мы употребляемъ для достиженія сей цѣли, и *способъ повѣрки* нашего успѣха можетъ быть усвоенъ тотъ же: — *сличеніе догадокъ* умозрительныхъ *съ бытіемъ дѣйствительнымъ*. Признать какую либо мысль за вѣрную безъ сего сличенія, съ достаточною осмотрительностію сдѣланнаго, значило бы итти противъ собственной задачи: прояснить свое сознаніе,—задачи, которую Философъ необходимо тайно или явно поставляетъ для себя при началѣ своихъ изслѣдованій. —

53. Сближеніе разнородныхъ, или однородныхъ мыслей всегда больше или меньше служитъ къ ихъ прояснению. Самое темное и непонятное скоро проясняется въ умѣ нашемъ сближеніемъ съ тѣмъ, что очевидно. И вообще можно сказать: всѣ мысли, обыкновенно не только проясняются, но и подтверждаютъ-

ся сближеніемъ, какъ бы соприкосновеніемъ одной съ другою; — разность только въ томъ, что соприкосновеніе это бываетъ въ одномъ случаѣ тѣснѣе, въ другомъ отдаленнѣе. Въ одномъ случаѣ извѣстное представленіе, или событіе совершенно *поставляется въ объемъ* мысли высшей, какъ бы заключается въ нее; въ другомъ двѣ мысли *сопоставляются одна съ другою*, чтобъ судить, можно ли принять одну при дѣйствительности другой; стоятъ ли онѣ совмѣстно. Всѣ мысли подчиненныя, стоящія въ ряду другихъ истинъ, проясняются первымъ образомъ, какъ можно видѣть въ логическомъ ученіи о силлогизмахъ (*). Но мысли вышшія, кои придумываются для объясненія обширнаго ряда событій, не иначе могутъ быть прояснены, какъ однимъ сопоставленіемъ съ извѣстнымъ рядомъ явленій — для сличенія предполагаемаго съ дѣйствительно извѣстнымъ.

54. Высшія философскія мысли, придумываемыя для объясненія извѣстныхъ обширныхъ

(*) Въ *Урокахъ Логики*, кои также надѣюсь со временемъ выдать, сіе назначеніе и образованіе силлогизмовъ я старался изложить яснѣе, нежели какъ находилъ въ обыкновенныхъ Логикахъ. *Пр. Соч.*

объемовъ событій, не иначе могутъ быть прояснены и подтверждены, какъ симъ послѣднимъ способомъ. — Сіе совершается такимъ образомъ, что, составленная въ умозрѣніи мысль поставляется въ соотвѣтственность съ самымъ бытомъ дѣйствительнымъ, и спрашивается: строго ли соотвѣтствуетъ мысль философская бытію дѣйствительному. Изыскивается, все ли въ бытію дѣйствительномъ такъ и стоитъ и живетъ, какъ должно стоять и жить, еслибы онъ дѣйствительно былъ построенъ по идеи придуманной; переводитъ ли и легко ли еще переводитъ мысль созданная ко всѣмъ тѣмъ событіямъ и явленіямъ, какія мы знаемъ въ дѣйствительности въ извѣстной совокупности феноменовъ? — Разногласіе вида, какой принимаетъ дѣйствительность, покорившись дѣйствію идеи придуманной, съ тѣмъ видомъ, какой она имѣетъ, живя подъ дѣйствіемъ своихъ идей, есть вѣрный и рѣшительный признакъ, что идея, нами образованная не созрѣла до той идеи, которая оживляетъ и проникаетъ природу.

Такое сличеніе, есть единственный возможный и въ тоже время совершенно надеж-

ный и вѣрный способъ повѣрки нашихъ умозрѣній. — Правда въ семъ сличеніи берутся тѣже мысли, сопоставляются съ тѣмиже явленіями, какія и первоначально переводили къ представленіямъ созерцательнымъ: но вмѣстѣ привходитъ и новый элементъ: болѣе основательное познаніе дѣйствительнаго съ отчетливостію въ умственной работѣ, съ недовѣрчивостію къ порывамъ своего воображенія. Съ сими предосторожностями дорогъ и одинъ новый пересмотръ. — Но открывающееся при семъ сличеніи согласіе предусматриваемаго гаданіемъ съ самою дѣйствительностію такъ сильно дѣйствуетъ на умъ нашъ, что заставляетъ гадаемое доселѣ принимать за истинну дѣйствительную. — Сей способъ повѣрки умозрѣній тайно, или явно допускали всѣ Философы. Ибо всѣ Философы всегда старались прилагать свое ученіе къ жизни и приводить въ согласіе съ бытомъ дѣйствительнымъ. И вліяніе всякой Философіи по толику только возрастало и усиливалось, поколику она, скажемъ такъ, хорошо умѣла укладываться въ рамки дѣйствительнаго, или искусно покаряшь оное своей формѣ. —

Совершенство вѣдѣнія доступное для Философіи; незаконченность ея изысканій, и достижимость истины для Философа.

55. Изъ того, что мы сказали о необходимости догадокъ въ Философіи и объ ихъ переходѣ въ рядъ истинъ, можно довольно ясно видѣть и доступную для насъ степень истины въ Философіи, или, можно судить и о совершенствѣ, къ какому мы можемъ восходить въ дѣлѣ разумѣнія природы. — Именно, хотя наши умственныя взгляды на жизнь вселенной должны быть считаемы предположеніями: но они не всегда могутъ оставаться при одномъ семъ неопредѣленномъ значеніи. Сличая ихъ съ бытомъ дѣйствительнымъ, мы всегда наконецъ принуждены бываемъ признать ихъ, или правильными взглядами на природу, или суетными вымыслами своего воображенія. Так. обр. для изыскателей Философовъ представляется полная возможность приблизиться къ истинѣ, предметно разсматриваемой: — только сію возможность не должно превращать, какъ бываетъ нерѣдко въ ясное умственное созерцаніе. Указанны-

ми пріемами мы никогда не въ состояніи будемъ завершить дѣло своего познанія, вознесшись до вѣдѣнія въ строгомъ смыслѣ созерцательнаго. Наши изысканія по дѣлу разумѣнія природы никогда не могутъ быть закончены: хотя многое истинное можетъ быть нами познано и давно уже Философами проясняется.

56. Въ самомъ дѣлѣ, казалось бы, что упомянутымъ способомъ человѣкъ могъ вполнѣ уразумѣвать истину, завершать дѣло своего познанія. Но не такъ находишь по строгомъ разсмотрѣніи. Того завершенія можно было бы по всѣмъ соображеніямъ ожидать тогда только, когда бы мы съ перваго раза могли обрѣсти мысль вѣрную, достаточно проясняющую сущее, или ясно и живо усмотрѣть жизнь природы, и больше не имѣли нужды стремиться къ вышшему развитію своего знанія. Сличивъ сію мысль съ бытіемъ дѣйствительнымъ, и увѣрившись чрезъ сіе въ ея истинѣ, — мы бы спокойно пошли въ жизнь съ ея сознаніемъ. Не такъ на опытѣ.— Уже то одно, что человѣкъ не вдругъ попадаетъ на сію мысль вполнѣ вѣрную, не вдругъ узнаетъ мѣру, въ какой мысли и сужденія должны быть утверждаемы; — ставитъ насъ на

разстояніе отъ истины очень немаловажное, разстояніе, которое сама Философія не въ силахъ уничтожить, а развѣ только сократить. Нѣкоторая неясность границъ, какія человѣкъ долженъ положить своимъ изслѣдованіямъ, еще больше раздѣляетъ насъ съ надеждою полнаго, всеобщаго согласія на истинность извѣстныхъ мыслей. Извѣстно, какъ люди довѣрчивы къ самимъ себѣ, какъ упорны въ мысляхъ, ими созданныхъ, по ихъ же и увлекшихъ. Не рѣдко сами Философы, создавъ мысль умозрительную, и полнымъ проведеніемъ оной поставляясь въ противорѣчіе съ бытомъ дѣйствительнымъ, скорѣе согласны бываютъ подвергать сомнѣнію вѣрность обыкновеннаго и общаго нашего сознанія, нежели разстаться съ упругими мыслями, произведеніемъ ихъ живой фантазіи. — И на сіе еще жаловаться не будемъ. Въ полѣ умозрѣній, или изысканій должны быть терпимы до жатвы и плевелы (вѣроятно и безъ нихъ обойтись не возможно); только бы частный взглядъ или поступокъ въ дѣлѣ общемъ не имѣлъ большаго, прямо разрушительнаго дѣйствія.

Укажемъ на другое обстоятельство, которое должно примирить съ естественною Философамъ кропотливостію—людей скорыхъ на все, хвалящихся полнымъ разумѣніемъ истины. Это нѣкотораго рода *незаконченность* умозрительныхъ изысканій при всѣхъ успѣхахъ, какіе могутъ дѣлать и дѣлаютъ Философы въ открытіи и прояснении истины.—Въ томъ сближеніи философскихъ догадокъ съ дѣйствительнымъ, о коемъ мы предъ симъ говорили, не льзя конечно не открыть, что̀ предположенною мыслію вполнѣ и достаточно объясняется, и что̀ остается еще безъ прояснения. Изъ предыдущаго можно было видѣть и то, что чѣмъ больше и легче событія, или явленія объясняются придуманною мыслію, тѣмъ больше возрастаетъ ея достовѣрность. — Но здѣсь-то и завязывается узелъ изысканій снова. Легко усмотрѣть, что для полноты и строгости въ сличеніи предположенія съ дѣйствительнымъ требовалось бы, чтобъ рядъ дѣйствительныхъ событій, объясняемыхъ составленною мыслію былъ законченъ; — тогда цѣлость былеваго (thatsachliche) способствовала бы совершеннѣйшему образованію мы-

сли объяснительной и самое сличеніе сей мысли могло бы быть дѣломъ рѣшительно завершеннымъ. Но кто незнаетъ, что на опытѣ сей рядъ событій дѣйствительныхъ, для проясненія коихъ придумывается первая мысль философская, ни въ какое время не заканчивается и долго еще, вѣроятно, на закончится? Понятно, что за симъ и вѣрность придуманной мысли не можетъ быть окончательнымъ образомъ, просто на отрѣзъ, доказана;—и что слѣдоват. судя строго, — для человѣка дѣло подобнаго сличенія незакончаемо, и вмѣстѣ съ тѣмъ и полная истина недоступна.

57. Теперь, хотя, не могши жить безъ истины, и для ея полученія дожидаться полнаго, законченнаго наведенія (inductio), мы и пользуемся тѣмъ, что доставляютъ намъ наши ограниченныя способности, и усвояемъ, какъ непреложную истину то, что наиболѣе имѣетъ на своей сторонѣ вѣроятности: но симъ способомъ усвояется только истина, а не заканчивается ея повѣрка. Правда, что не рѣдко мы угадываемъ истину и безъ полнаго наведенія; правда, что число фактовъ для объясненія жизни міра, какое мы имѣемъ, довольно уже значительно въ срав-

неніи съ тѣмъ числомъ, какое нужно было бы для испроверженія предположенія, нами придумываемаго по теперешнему ходу развитія вселенной: все однакожъ подтвержденіе истины столь же рѣское нами здѣсь не совершается, какъ оно совершается въ доказательствахъ логически строгихъ (*).

Согласимся даже, что догадки, подтвердившія теперь свою вѣрность, и въ слѣдующемъ развитіи вселенной будутъ только больше и больше подтверждать оную. — Уступимъ, что истинность мысли не зависитъ собственно отъ большаго или меньшаго числа фактовъ, ее подтверждающихъ, а зависитъ отъ сего только наше убѣжденіе въ оной; и что слѣдоват. мысль предполагаемая можетъ безошибочно признана быть истинною и при маломъ числѣ фактовъ, что наконецъ наши надежды догадками уразумѣть жизнь вселенной, совершенно основательны: все строгость мышленія требуетъ — не вдругъ выдавать свои философскія умозрѣнія за истины непреложныя, и свои выспренніе рѣше-

(*) Какимъ образомъ истины высшія, и не вполнѣ доказанныя, мы можемъ принимать со всѣмъ убѣжденіемъ, увидимъ ниже. *Пр. Сог.*

нія долго еще считаешь догадками.—Онѣ неизбѣжны; скажемъ даже, нѣкоторыя изъ нихъ истинны, потому что удерживаютъ за собою поле сраженія послѣ длинной борьбы съ другими догадками подобнаго произхожденія: но истинны вполнѣ только для тѣхъ, кои не знаютъ всѣхъ требованій строгой науки; а дѣло Философа безпрестанно прояснять ихъ истинность. Онъ знаетъ, какъ часто ошибаемся мы въ самыхъ ясныхъ и очевидныхъ по видимому случаяхъ. Ему не безъизвѣстно, какъ нужно быть медленну на заключенія въ изысканіяхъ учебныхъ; какъ въ повѣркѣ извѣстнаго предположенія можно, и послѣ оказавшейся достаточности онаго, опасаться, не возникнетъ ли еще предположеніе новое столь же достаточное; и—видимое согласіе предположенія повѣреннаго съ дѣйствительностію не есть ли плодъ неправильнаго взгляда на самое дѣйствительное?

Конечно, еслибы познанія человѣческія не расли постоянно, или бы вдругъ перестали усовершаться: то всякій изъ насъ, поставленный, или остановившись на извѣстной степени вѣдѣнія, на всегда остался бы на оной, не зналъ бы, или забылъ бы потреб-

ность изслѣдованія, не могъ бы спрашивать самаго себя объ основаніяхъ извѣстнаго убѣжденія: тогда цѣль Философіи была бы подъ рукою, истинное въ готови. Но человѣкъ находится въ состояніи движенія; его способности въ состояніи развитія; зависимо отъ сего развитія и вмѣстѣ съ нимъ возрастаетъ и стремленіе къ большей точности въ мысляхъ, къ большей ясности вѣдѣнія. Поднимаясь и одною ступенью выше въ своемъ умственномъ развитіи, человѣкъ дѣлаетъ уже новые вопросы, видитъ открытымъ предъ собою новое и всегда обширнѣйшее поле изслѣдованія. Не рѣдко утомленный своими изысканіями, онъ готовъ бы былъ закончить оныя: но стоитъ только освѣжиться покоемъ силамъ его; и снова оживетъ его бодрость. Даже дѣятельность разумная, съ упадкомъ силъ ослабѣвшая въ одномъ изъ насъ, пробуждается, какъ бы воскресаетъ съ новою свѣжестію въ другомъ недѣлимомъ. Такимъ образомъ племя Философовъ и каждый Философъ въ частности, суть какъ бы невольные мученики человѣческой жажды истиннаго. Для нихъ *какъ бы нѣтъ* истины: ибо они заняты однимъ и безпре-

рывнымъ опыскаиіемъ оной (сею истиною за по пользуются другіе). Философъ—первый предусмотрѣлъ истину, уразумѣлъ ее; но онъ не наслаждается ея сознаніемъ, заняпый подтвержденіемъ и проясненіемъ оной, умѣщеніемъ ея въ ряду мыслей, сочетаніемъ ея съ другими, бзконечнымъ ея развитіемъ.

58. Впрочемъ на сіе состояніе безпрерывнаго исканія онъ не навѣки осужденъ своимъ геніемъ; бываютъ и для него минуты отдыха, когда изъ своей выспренней сферы опускается онъ въ быпъ жизнейскій. Здѣсь онъ не можепъ уже слѣдовапь своей безпрерывной поревземости къ большей, идеальной ясности разумѣнія. Недостижимый для него идеалъ истиннаго здѣсь уже всегда, шайно или явно предполагаепся достигнутымъ; самъ уже даепъ здѣсь жизнь и силу многимъ проявленіемъ души нашей. Поставляясь природою въ необходимости дѣйствовапь, люди не могупъ сдѣлапь шага, не предполагая того идеала по крайней мѣрѣ достижимымъ. Да и благороднѣйшія лица рода нашего слишкомъ твердо высказали въ словахъ и дѣлахъ своихъ увѣренность свою въ горнихъ истинахъ, чтобы могли усомнишься въ нихъ нижшіе, не

столь щедро надѣленные дарами природы, и потому самому предоставленные водительству другихъ. — Вступивъ такимъ образомъ въ ликъ непрудившихся, но вошедшихъ въ чужой трудъ, обладателей истины, Философъ раздѣляетъ и общую всѣмъ вѣру въ извѣстныя, болѣе или менѣе высокія и вѣрныя истины,—до новаго отдѣленія своего въ горнія выси умозрѣнія.—Вообще въ Философѣ для правильнаго объ немъ суда должно отличить человѣка и изыскателя. Какъ изыскатель, онъ всегда будетъ занятъ безконечнымъ дѣломъ развитія истины, бо̀льшимъ и бо̀льшимъ проясненіемъ понятій о природѣ; какъ человѣкъ, онъ всегда усвоитъ извѣстныя представленія общія, какъ непреложныя.

59. И не симъ еще однимъ способомъ *достигается* истинное; можемъ мы по довѣрію принимать нѣчто за истинное: но можемъ доходить до истиннаго и изслѣдованіемъ всесообразительнымъ. Не пускаясь въ подтвержденіе сей истины, принадлежащее Гносеологіи, мы на точкѣ зрѣнія общаго смысла можемъ смѣло сказать, что какъ всѣ люди въ своихъ мысляхъ о дѣйствіяхъ и явленіяхъ природы успѣваютъ составить представле-

нія довольно вѣрныя: такъ и Философъ, не можетъ въ своихъ объясненіяхъ сущаго не попадать на идеи правильныя. Нельзя представить себѣ; никакой скептицизмъ не успѣетъ убѣдить, или основательно доказать, чтобъ всѣ наши умозрѣнія, особенно правильно составляемыя подъ руководствомъ опыта, были одинъ обманъ. Ту вѣру и вѣру справедливую, что наши мысли иногда близко выражаютъ бытъ природы, долженъ раздѣлить и Философъ съ тою только разностію, что онъ, больше упражняясь въ мышленіи, и имѣвъ случай больше примѣчать уклоненія нашихъ понятій отъ природы, меньше можетъ довѣрять себѣ. Но, — большія объявляя требованія на вѣрность познаній, и меньше полагая истины во всемъ кругѣ своего разумѣнія,—Философъ не можетъ въ своихъ изысканіяхъ не дойти къ той мысли, что сомнѣній и недовѣрчивости къ своему знанію не льзя простирать въ безконечность, не испровергая своей разумности; что есть моменты, достаточно указующія, когда мы поступаемъ сообразно съ нормальнымъ нашимъ положеніемъ; что если можно опровергать вѣрность многихъ нашихъ понятій, то не льзя

испровергнуть ихъ всѣ. Кромѣ тѣхъ намѣковъ на истинность нашихъ познаній, кои мы уже указали (см. стр. 48 и § 30),— въ сознаніи себя остается для всякаго непререкаемый ручатель въ истинѣ.

60. И примѣчая неизбѣжную недостаточность въ познаніи истиннаго, Философъ не можетъ, по крайней мѣрѣ не долженъ считать себя, отчужденнымъ отъ истины; найдетъ неосновательною мысль, что въ нашихъ представленіяхъ нѣтъ ничего дѣйствительно вѣрнаго. Подобное мнѣніе подходило бы довольно близко къ образу мыслей спекти-ческому, отъ коего истинный Философъ далекъ по разсудительному (besonnen) стремленію къ истинѣ. Въ семъ стремленіи къ чистой и полной истинѣ, хотя должно быть недовѣрчивымъ къ своимъ представленіямъ: но въ тоже время можно быть и излишне недовѣрчивымъ. Кто пожелаетъ зайти къ подобной крайности?—Философъ смѣло можетъ утверждать, что и неполная истина такъ же есть истина;— и справедливо. То, что истина извѣстная не вполнѣ нами постигнута, что не вполнѣ прояснилось наше сознаніе оной, не мѣшаетъ ей имѣть нѣкоторую вѣр-

ность въ нашемъ представленіи, не даетъ и той мысли, чтобъ въ нашемъ понятіи о предметѣ не было и тѣни истиннаго. Часть истиннаго есть тоже истинное; правда, она не полная истина, но все взята отъ истины, и можетъ въ развитіи своемъ отдѣлиться отъ примѣси ложнаго и прояснится до полной чистоты. Этимъ-то, скажемъ мимоходомъ, собственно и должно пользоваться, когда хотимъ неуспѣвшаго поднятся до совершенныхъ и полныхъ понятій возвысить къ представленіямъ вѣрнымъ. Истинное должно быть сбережено, уважено среди всей примѣси, какою оно бываетъ обложено.—Ту мысль, что и неполная истина все есть истина, можно прояснить еще болѣе—общимъ взглядомъ на бытъ природы.—Гдѣ въ природѣ полнота жизни и силъ въ недѣлимыхъ и явленіяхъ частныхъ?—Не всякое ли недѣлимое слабо; еще ближе, все наше бытіе, если смотрѣть на него съ идеальной высоты, не есть ли нѣчто неполное? Со всѣмъ тѣмъ всякое недѣлимое и наша жизнь вполнѣ имѣютъ своего достоинство. — Конечно достоинство это не есть достоинство, какое имѣетъ жизнь во всецѣломъ ея суще-

свѣ: но шѣмъ не менѣе есть достоинство существъ, не отступившихъ отъ своего корня благороднаго, хотя отдѣлившихся отъ жизни общей, чтобъ получить весъ самобытный.

61. Еще болѣе въ своей увѣренности, что истина и вышеопытная для насъ доступна, Философъ долженъ убѣдиться шѣмъ, что самый общій, простой смыслъ, дѣйствуя по видимому безъ всякихъ предосторожностей, высказываетъ иногда вышшія мысли столь же вѣрно, какъ и самое строгое, разборчивое соображеніе ума образованнаго. Спрашивается, изъ какаго источника проистекаетъ это истинное, по видимому столь блиское смыслу простому? — Вникая въ сіе явленіе, не находишь лучшаго объясненія кромѣ того, что въ умѣ нашемъ, какъ мы и прежде по соображенію нашли, должно быть предрасположеніе угадывать вѣрный образъ — представленій и объясненія природы. Въ семъ-то предусмотрѣніи (προληψις) находится причина, по чему безъ полнаго наведенія мы угадываемъ уже мысль общую, прежде яснаго изложенія доказательствъ вѣримъ уже мысли, изъ нихъ вышекающей. — Послѣ сего еслибы въ области мыслей мірообъяснительныхъ и

нашлись представленія, на которыя и усильныя изысканія не успѣли представить еще всѣхъ доводовъ, или свидѣтельствъ: все можно принимать оныя за истины непреложныя, и должно, какъ скоро внутренній голосъ нашъ требуетъ оныхъ неотмѣнно; какъ скоро онѣ столь тѣсно связуются со всею системою нашихъ убѣжденій, что, отвергая ихъ, мы испровергаемъ по всѣмъ соображеніямъ прямое наше счастіе. — Так. обр. хотя въ разумѣніи вещей почастномъ — намъ должно будетъ простираться въ безконечность: разумѣніе міра, въ цѣломъ взятаго, можетъ быть достигнуто довольно скоро.

62. Конечно были лица въ родѣ нашемъ и теперь, можетъ быть, найдутся, которыхъ легко восполнимый недостатокъ нашего разумѣнія истины заставлялъ отвращаться отъ бѣднаго нашего рода познаній, искать достовѣрности вышшей: но подобное забвеніе своего человѣческаго всегда оканчивалось—или неудовлетвореннымъ жаждaніемъ, или довольствомъ обольстительнымъ. — Истина, какая доступна уму при настоящемъ его развитіи, хотя не есть полная, все должна быть уважена, признана въ своемъ достоинствѣ. Надобно

помнишь, что не всегда можешь и должно быть цѣнимо одно идеальное совершенство; что, положивъ противное сему правиломъ, надобно будетъ осудишь себя на жизнь въ мірѣ, какъ въ пустынѣ. Только не совсѣмъ понимающее себя умозрѣніе можетъ ставишь закономъ и цѣлію подобнаго рода преувеличенныя требованія. — При постиженіи природы, не переводя въ себя вполнѣ мыслей Божіихъ, зиждущихъ все бытное, мы шѣмъ не менѣе можемъ довольно приближенно составлять въ себѣ обликъ дѣйствительнаго: только въ дорисовкѣ сего очертанія природы можемъ и должны трудиться безъ конца по безконечному разнообразію недѣлимыхъ надѣленныхъ жизнію общею. —

Посему, строго говоря, для Философа нѣтъ истины законченной; ибо въ своемъ стремленіи къ окончательному подтвержденію извѣстной мысли онъ находитъ, что рядъ событій или былей, кои могутъ подтверждать ту мысль, не законченъ, какъ и никогда не кончается. Но *есть истина* незаконченная, неполная, которую простой смыслъ принимаетъ и не можетъ не принимать за истину полную. Философъ чувствуетъ сію неполноту позна-

нія, ощущаетъ въ себѣ призваніе восполнить оную, озаритъ истину новымъ свѣтомъ; усиливается довести совершенство разумѣнія до ясности завершительной и доводитъ только до временнаго и то своеличнаго *не льзя больше.*

Степень довѣрія, какой можно имѣть къ философскимъ системамъ, — и предварительный намекъ на необходимость самостоятельности въ обдѣлкѣ самосознанія философскаго.

63. Послѣ сего то явленіе въ области человѣческаго мышленія можно считать значительнымъ недоразумѣніемъ, когда или самъ извѣстный Философъ мнитъ, что онъ обрѣлъ вполнѣ истину, или его послѣдователи думаютъ, что наконецъ возникла въ родѣ человѣческомъ совершеннѣйшая Философія. Разумѣніе истиннаго для насъ никогда не кончится, какъ вообще всякая мысль растетъ въ своемъ образованіи, и развивается больше или меньше зависимо отъ приложенія нашего къ ней вниманія, или отъ приложенія ея самой къ другимъ предметамъ знанія. По сей-то причинѣ и на всѣ вышшія мысли, приду-

манныя Философами для объясненія жизни вселенной и проведенныя въ ихъ системахъ во всемъ своемъ развитіи, во всѣхъ своихъ слѣдствіяхъ, не иначе должно смотрѣть, какъ на умозрительныя предположенія, болѣе или менѣе искусно приспособленныя къ жизни, и болѣе или менѣе вѣрно опразившія ее въ понятіяхъ. Мы раскрыли уже происхожденіе и образованіе высшихъ философскихъ мыслей; всѣ онѣ въ первомъ своемъ видѣ суть предположенія, или гаданія ума, устремляющагося къ яснѣйшему созерцанію вышсопытнаго. Теперь, если не всѣ догадки могутъ быть ложны: то на оборотъ не всѣ же должны быть признаны и вѣрными. Многія изъ нихъ (можно было бы даже сказать тоже обо всѣхъ) содержатъ въ себѣ довольно истиннаго, но никогда не выражаютъ всей истины. Люди постепенно только восходятъ къ большему и большему разумѣнію истины; и никакое умозрѣніе никогда не успѣетъ измѣрить однимъ умомъ (разумѣю частнымъ) весь объемъ бытія и жизни, проникнуть однимъ взглядомъ, и самымъ глубокимъ, весь чертежъ бытнаго, открыть таинственное соприкосновеніе твари съ Зиждителемъ всяческихъ —Богомъ.—

64. Особенно въ томъ случаѣ, когда рѣшаешься съ отчетливостію составить систему своихъ убѣжденій, не льзя ничего принимать безъ доказательства, и всѣ объясненія вселенной должны быть поставлены въ одинъ рядъ, даже истинныя. Когда нужно обрѣсти чистую истину: тогда можно во всемъ усомниться, кромѣ собственнаго бытія и сознанія. И сіе тѣмъ болѣе, что для объясненія вселенной, Философами придумана не одна мысль, а нѣсколько. При той разности, какая встрѣчается и столь обыкновенна въ философскихъ системахъ, не можетъ быть, чтобъ всѣ мнѣнія одинаково были вѣрны, равно достойны вѣроятія; которая нибудь мысль, естественно, имѣетъ большее право на нашу вѣру, ближе другихъ подходитъ къ истинѣ. Но какъ это узнать, если не строгимъ испытаніемъ,—подвергнувъ предварительно всѣ мысли, вѣрныя и невѣрныя, одинаковому пересмотру, всѣ поставивъ въ рядъ предположеній, объявляющихъ притязанія на вѣрность, и могущихъ перейти въ число истинъ! —

Такой только взглядъ на системы и познанія другихъ совмѣстенъ съ духомъ философскимъ. Всякая слѣпая, или слишкомъ уступчи-

вая довѣрчивость неумѣстна въ Философіи. Самостоятельное изслѣдованіе есть отличительный характеръ философскихъ изысканій. Прежде нежели раскроемъ сей характеръ и по сему опредѣлимъ отношеніе самой Философіи къ другимъ областямъ человѣческаго вѣдѣнія, прояснимъ наши мысли касательно цѣли и успѣха философскихъ изысканій, и устранимъ нѣкоторыя опасенія и возраженія, какія могутъ представиться намъ, послѣ нашего объясненія природы и происхожденія вышшихъ философскихъ мыслей.

Цѣль философскихъ изысканій — отдаленная, едва достижимая; и ближайшій плодъ оныхъ — развитіе сознанія.

65. Какая же, могутъ сказать намъ, цѣль и какой плодъ философскихъ изысканій, когда всѣ умозрѣнія Любомудровъ не имѣютъ другаго достоинства, кромѣ достоинства догадокъ, когда при всей напряженности не доставляютъ намъ полнаго разумѣнія, не вводятъ имъ въ свѣтозарное царство истины? Та самая, скажемъ въ отвѣтъ недальновиднымъ, незнающимъ, — что можно трудиться со всѣмъ рвеніемъ для цѣли отдален-

ной, едва достижимой когда-либо, — та самая цѣль и есть, чтобъ ввести въ область истины, доставить зрѣлое разумѣніе сущаго. Мы чувствуемъ призваніе узнать природу бытнаго, возможность объяснить жизнь собственную; и сего довольно для того, чтобъ признать умѣстными всякаго рода изслѣдованія. Еслибъ даже изслѣдованія сіи и не привели насъ къ слѣдствіямъ яснымъ: все надобно помнить, что человѣкъ не — Божество; самъ собою не созидаетъ вѣрнаго, и истина не почиваетъ въ его лонѣ. Его дѣло— искать истины, искать вѣчно; находить ее, но не всю, а отчасти. Покоримся же устройству своего бытія, — и не будемъ, жаждая несоразмѣрнаго совершенства, съ недовольствомъ смотрѣть на свою участь, оставлять дѣятельность, съ ней совмѣстную. Будемъ въ безконечность возходить въ разумѣніи истины, хотя бы уразумѣть ее въ почастномъ ея составѣ не удалось намъ никогда! — Полное созерцаніе истины есть состояніе покоя; имъ можетъ наслаждаться одно Божество; тварь вся призвана къ движенію, сй дано только приближаться къ тому покою; ее еще ждетъ священная суббота!—

Стоя на семъ общемъ поприщѣ возхожденія къ истинѣ, — кто будетъ осуждать собратій, ревнующихъ облегчить участь смертныхъ, сократить время ихъ воздыханія о вѣчномъ; кто будетъ дерзновеннымъ, неблагодарнымъ ропотомъ возмущать священную тишину, царствующую вокругъ скромныхъ искателей истины; кто будетъ порицать безкорыстную, чистую любовь къ наукѣ, съ самоотверженіемъ жертвующую лучшими днями и дарами счастія исканію невѣрнаго, отдаленнаго, съ самозабвеніемъ теряющуюся для выгодъ общества, и радостей жизни? — Миръ тебѣ, благодарность тебѣ отъ всего человѣчества, труженикъ святой истины, при ночной лампѣ погруженный въ глубокія думы о назначеніи человѣчества, о его бѣдности и грядущей славѣ! Да облегчатъ и усладятъ твое бдѣніе тихія мечты о неземномъ блаженствѣ! —

66. Но благородное стремленіе Философіи къ отдаленной, едва достижимой цѣли, если не всегда доводитъ къ ней: за то доставляетъ другой плодъ не менѣе значительный. — Люди не совсѣмъ способные къ возвышенности мыслей, люди, привыкшіе ува-

жать и цѣнить одно близкое, въ разумѣніи предметовъ довольствоваться однимъ знаніемъ всѣхъ ихъ опытныхъ проявленій, взносили на Философію неосновательное нареканіе въ исканіи того, что отдаленно — въ небесахъ, и забвеніи того, что подъ ногами, въ безполезности въ быту житейскомъ. Несправедливо. Умъ человѣческій въ напрасныхъ усиліяхъ подняться до вѣдѣнія совершеннаго, успѣваетъ развить свое человѣческое самосознаніе; и одно сіе самосознаніе, необходимо выражающееся изъ философскихъ изысканій, есть такой плодъ, который стоитъ вѣковыхъ усилій цѣлаго человѣчества. —

Самосвѣденіе, самосознаніе есть корень человѣчности; оно связуетъ насъ съ Божествомъ, оно устремляетъ насъ за предѣлы чувственнаго. То, что въ насъ сознаетъ себя, въ тайномъ но тѣмъ не менѣе непреоборимомъ чувствѣ, силится всегда вознестись до горняго, не можетъ удовлетворить себѣ ничѣмъ нижшимъ, опытнымъ. Хотимъ ли мы развить свое бытіе въ нормальномъ его направленіи: мы должны уяснить требованія сего своего самосознанія. Изъ сего уже изложенія можно видѣть, что здѣсь мы не раз-

умѣемъ подъ самосвѣденіемъ того, что разумѣютъ обыкновенно подъ сознаніемъ. Сознаніе въ обыкновенномъ его проявленіи есть только слабый начатокъ и отблескъ того самосвѣденія, на которомъ зиждется все величіе нашей природы. Съ развитымъ самосознаніемъ мы уразумѣваемъ свою зависимость и тѣсную связь съ Божествомъ, свое значеніе въ ряду существъ, насъ окружающихъ, и образъ дѣйствій намъ естественный. Возвести обыкновенное сознаніе до сей высоты самосознанія нормальнаго есть цѣль, достойная усилій самыхъ напряженныхъ.

Природа вложила человѣку различныя стремленія, и часто дѣйствуетъ онъ хотя по своему влеченію, но противъ ясныхъ требованій зрѣлаго разумѣнія; завлекается въ распутія, заходитъ къ уничиженію того, что въ насъ есть чисто человѣческаго? Часто конечно какой-то тайный голосъ даетъ себя слышать, когда мы готовы бываемъ совратиться съ святаго пути добродѣтели, къ которому предназначены по самой своей природѣ: но не рѣдко и мы дѣйствуемъ противъ его чистыхъ внушеній. Не отъ незрѣлости ли это сознанія чисто человѣческаго? — При

семъ недостаткѣ уваженія къ спасительному гласу своего сознанія, при томъ разрушительномъ для цѣлаго міра вліяніи поступковъ, совершенныхъ безъ разумнаго самосвѣденія, при томъ величіи, какое отпечатлѣвается на самомъ челѣ человѣка, вступающаго въ сознаніе самаго себя, своихъ силъ и назначенія, — кто не возблагоговѣетъ предъ усиліями, неотъемлемый плодъ коихъ есть высшее развитіе нашего человѣческаго сознанія?— Согласимся, что человѣку не всегда суждено уразумѣвать истинное: но то самое, что онъ, посвятивъ себя изысканіямъ философскимъ, убѣдится въ своемъ назначеніи восходить къ богоподобному величію святости, увѣрится, что само устройство природы нашей даетъ намъ надежду больше и больше постигать разумѣніемъ мысли Божественныя, изреченныя въ природѣ, и симъ входить какъ бы въ участіе таинъ Божественныхъ, и дѣлаться сознающимъ орудіемъ Божественныхъ плановъ и цѣлей — одно убѣжденіе въ сихъ истинахъ достаточно можетъ сравниться съ выгодами, какія доставляютъ другіе труды людей мыслящихъ. — Раскрытіе нашего единенія съ Первосущимъ, прояснение достоин-

ства нашего бытія, нашего значенія въ семъ мірѣ и возможности постепенно усовершать первое, возвышать второе, не могутъ не приносить благословенныхъ плодовъ и въ быту житейскомъ.

67. Многое знаетъ человѣкъ, многія понятія и мысли по руководству природы составляемъ мы какъ бы невольно и непримѣтно для самихъ себя; еще больше могутъ возрастать наши познанія отъ большаго упопребленія силъ разумѣнія, отъ опытовъ жизни, поставлявшихъ насъ въ различныя отношенія съ природою и людьми, завлекавшихъ наше вниманіе: — но можно имѣть много силъ, и не имѣть правильнаго сознанія, имѣть обширный запасъ представленій, ощущеній и желаній и — не подняться до яснаго разумѣнія того, что происходитъ и какъ относится къ тому, что должно происходить—внутри твоего существа. На такой степени разумѣнія видимъ мы многихъ, очень многихъ въ быту обыкновенномъ. Сознаніе въ той нормальной высотѣ совершенства встрѣчается очень рѣдко; къ нему должно намъ еще только возвышаться. — Большею частію наше самосвѣденіе духовное заглушено

и подавлено бываетъ образованіемъ и развитіемъ въ насъ чувственнаго. Знать многое, прилагать во многихъ случаяхъ ревность, горѣть всѣмъ пламенемъ чувства и не имѣть яснаго сознанія своего человѣчества — есть обыкновенный удѣлъ людей, неподнявшихся до яснаго ощущенія своей небесной высоты. Въ семъ состояніи человѣкъ есть обучившееся животное. Всего чаще дѣйствуетъ онъ по страстямъ, хотя всего чаще мнитъ угождать самому Богу, — нѣтъ у него закона долго разсуждать, одно и тоже нѣсколько разъ передумать, чтобъ, приведши мысль въ дѣйствіе, самому не раскаеваться, въ оскорбленіи жизни — по всему разлитой. Если онъ не рѣдко совершаетъ и хорошее, то только подъ вліяніемъ хорошаго руководителя, порядочнаго воспитанія, счастливаго настроенія сердца. — Силы воли, ясно сознающей все свое величіе здѣсь не ожидайте; — свѣтлаго разумѣнія, выпекающаго изъ сознанія чисто человѣческаго, здѣсь не встрѣтите. Если вы вознеслись до него, знайте и помните, что вы принадлежите къ числу не многихъ, коихъ Небо ввело въ разумѣніе своихъ таинъ, и—сообразно съ симъ дѣйствуйте. —

Но, хотя не многіе возносятся до яснаго разумѣнія своего человѣчества: — цѣмъ не менѣе общее назначеніе, а за симъ и общая обязанность всѣмъ: возноситься до сего прояснѣннаго самосвѣденія! — Сознаніе есть наше сокровище небесное, имъ мы отличены предъ всѣми земными тварями, оно — палладіумъ нашего величія. Его возращать, его очищать, просвѣтлять въ себѣ, возводить на ту степень ясности, на которой выражалось бы въ немъ самое небо; — зрѣлся на земли образъ Божества, — вотъ обязанность всякаго человѣка, надѣленнаго разумностію!—

68. И если какая либо наука можетъ помогать развитію сего сознанія и ускорять оное, то именно Философія! Человѣку не дано прояснять въ себѣ высшее сознаніе безъ размышленій глубокихъ. Та высота, на которую возносимся мы симъ сознаніемъ — не даромъ намъ достается. Если когда и встрѣчаются примѣры, что человѣкъ становится на сію высоту по видимому безъ длиннаго ряда мыслей, безъ большаго запаса познаній, и образованія: то здѣсь мы не видимъ только медленнаго восхожденія въ одномъ лицѣ, — за то оно совершено другими. Здѣсь усвоено

шолько постигнутое другими. Тотъ, кто захотѣлъ бы развить въ себѣ свое человѣчество самостоятельно, долженъ былъ бы пройти длинный и утомительный путь соображеній и опытовъ.— Не первая мысль, въ насъ родившаяся, увѣряетъ насъ, что наше назначеніе выше чувственнаго. Только глубокія соображенія могутъ развить въ насъ чувство собственнаго превосходства; шолько высшія умозрѣнія даютъ истинное понятіе о нашемъ величіи. Къ симъ глубокимъ размышленіямъ и соображеніямъ если возводитъ насъ какая наука: то именно Философія. Ея вліянія на развитіе самочувствія не можетъ имѣть ни одна наука изъ круга наукъ естественныхъ, ни изъ круга положительныхъ, если исключить Богословіе. —

Науки естественныя знакомятъ насъ шолько со внѣшнимъ положеніемъ природы, излагаютъ природу, какъ она даетъ себя видѣть; здѣсь есть намѣки на наше высшее значеніе, но науки сіи, оставаясь въ своихъ предѣлахъ, не могутъ разъяснить сихъ указаній. — Науки положительныя — дѣло больше памяти, нежели разсудка, наполняютъ больше голову разнообразными условными по-

нятіями и представленіями. Въ нихъ не всегда, скажемъ, даже рѣдко обращаются къ чисто человѣческому основанію и спрашиваютъ, согласно ли это съ тѣмъ, что говоритъ разумъ; и здѣсь хотя представляются опредѣленія, произшекшія изъ правильнаго развитія человѣчества: но и сіи науки, оставаясь въ своихъ предѣлахъ, не могутъ разъяснить оныхъ достаточно, показать ихъ естественное произхожденіе изъ природы нашей. Еслибы человѣкъ останавливался на нихъ однихъ, и при нихъ посредствѣ не возносился къ вопросу о внушеніяхъ своего разума: — онъ навсегда могъ бы оспаться неразвязнымъ рабомъ ума, или и принязательности другихъ.— Между тѣмъ свѣточь ума природа возжгла не въ одномъ недѣлимомъ; къ ясному сознанію назначаетъ она и руководитъ всѣхъ надѣленныхъ разумностію, каждому говоритъ она: входи въ себя; разумѣй себя.

Теперь, тогда какъ другія науки всѣ водятъ человѣка по внѣшнему, какъ бы не собственному для духа,— одна Философія изторгаетъ его изъ порабощительныхъ объятій положительнаго и опытнаго; возноситъ его на самую горнюю высоту, съ которой не вид-

на уже земля, на коей изчезаютъ опъ взоровъ цѣлыя частныя системы мірозданія, и — говоритъ ему: теперь пытай свои силы, рѣшай высочайшіе вопросы пвоего разумѣнія! — Забудь, что внушали тебѣ другіе, самъ развей изъ себя чистыя и ясныя представленія.—Достаточно предуготовивъ его къ правильности мышленія, и съ той высоты указавъ на опытныя явленія міра чувственнаго и разумнаго, прямо развиваетъ въ немъ живое убѣжденіе, что жизнь міра есть отсвѣтъ жизни Божественной, что жизнь самаго человѣка есть даръ Вышняго, и наше назначеніе — быть Его сынами, ходить въ свѣтѣ Его повелѣній? —

69. Здѣсь снова невольно приходишь къ мысли о высокомъ достоинствѣ философскихъ изслѣдованій. Сколь ни мало, по видимому, обѣщаетъ пріемъ, къ которому должно прибѣгать въ сихъ изслѣдованіяхъ: все плоды онаго при внимательнѣйшемъ разсмотрѣніи дѣла оказываются весьма важны. Сей путь изысканій скоро приближаетъ и прямо ведетъ насъ къ истинѣ, къ предметному разумѣнію природы. — Всякій согласится, что въ нашихъ познаніяхъ много есть понятій неос-

новательныхъ; что, если есть много и вѣрнаго, то или принимается безъ яснаго сознанія основаній, или не прилагается во всей силѣ, во всѣхъ надлежащихъ случаяхъ; отъ чего и происходитъ нѣкотораго рода шаткость всей совокупности представленій, нецвердость самой дѣятельности. — Посему, если бы явилась наука, которая бралабъ на себя опредѣлить въ нашемъ сознаніи истинное отъ невѣрнаго, и, сличивъ гаданія ума съ вѣщаніями природы опредѣлить, что должно отнести въ рядъ истинъ дознанныхъ, и что оспается считать однимъ предположеніемъ чисто неосновательнымъ, или игрою ума: никто конечно не призналъ бы усилій такой науки безполезными, или незаслуживающими вниманія. Если уже для ума человѣческаго при самостоятельной его дѣятельности нѣтъ другаго пути къ уразумѣнію истины вообще, и особенно истинъ сверхчувственныхъ, кромѣ длиннаго пути гаданій и пересмотра: то не иначе, какъ съ благодарностію должно пользоваться опредѣленіями такой науки. Философія дѣйствительно есть такаго рода наука. Она, какъ мы видѣли, береть различныя предположенія, сдѣланныя мужами геніальными

для прояснения природы сущаго, свѣряетъ ихъ съ тѣмъ, что дѣйствительно извѣстно; и — по ихъ согласію или разногласію съ симъ извѣстнымъ опредѣляетъ: которыя изъ нихъ должны перейти въ рядъ истинъ, и быть признаны вполнѣ вѣрными, и которыя должны остаться предположеніями неосновательными. Понятно, что работы ея въ семъ отношеніи могутъ и должны оканчиваться всегда не инымъ чѣмъ, какъ именно переходомъ основательныхъ мыслей изъ области предположеній въ рядъ истинъ. Философія слѣд. гаданія ума нашего мало по малу можетъ прояснять до вѣдѣнія, — послѣдней цѣли всякаго мышленія. — Достаточное основаніе на то, чтобъ дать ей почтенное мѣсто въ числѣ предметовъ, коимъ даровитость можетъ посвящать усильное вниманіе.

Устраненіе опасеній касательно слѣдствій философской изыскательности.—

70. А что, скажутъ, если Философія не успѣетъ перевести въ рядъ истинъ всего вѣрнаго, особенно такихъ мыслей, кои весьма плодовиты по своимъ послѣдствіямъ и важны для человѣка? Тогда сомнѣніе, разрушивъ

основу увѣренности человѣческой старую и не создавъ новой, — не погрѣшитъ ли противъ спокойствія человѣческаго? —

Правда, скажемъ въ отвѣтъ, человѣкъ любитъ спокойствіе; онъ любитъ почивать на законѣ: но эта наклонность къ покою не есть основа человѣческаго счастія и блаженства. Руководясь сею одною, человѣкъ никогда не узналъ бы ни выгодъ, ни самыхъ удобствъ жизни: ибо стремленіе къ симъ удобствамъ всегда есть плодъ недовольства настоящимъ, сомнѣнія въ его доспаточности къ полной мѣрѣ наслажденія. При всей наклонности къ покою, есть въ родѣ нашемъ и стремленіе къ дѣйствію, къ чему то лучшему, идеальному, стремленіе, которому все настоящее, состоявшееся кажется недостаточнымъ; оно только и освѣжаетъ жизнь общественную и подвигаетъ впередъ наши познанія.—Правда, и сему одному стремленію предаваться невозможно; должно и его удерживать иногда въ извѣстныхъ границахъ умѣренности: но подавлять его опасно, невозможно, противно самой цѣли жизни и обязанности развивать жизнь не только въ себѣ но и въ другихъ. Такимъ образомъ, если можно идти противъ спокойствія человѣческаго

погрѣшительно: но можно идти и не погрѣшительно.—И указать человѣку, что въ кругу его познаній есть чистая, неопровержимая истина, и на что онъ долженъ еще отыскивать подтвержденіе, — не значитъ еще погрѣшать противъ его спокойствія; значитъ только возбуждать къ умѣренной дѣятельности его разумныя силы.

Не всѣ же истины, важныя для человѣка, могутъ быть у него отняты. Самъ сомнѣвающійся не останется безъ извѣстной увѣренности. Такимъ образомъ опасенія, будто Философія можетъ лишить насъ какой либо истины, совершенно напрасны. — Истина стоитъ твердо, независимо отъ нашихъ изысканій; чувство ея слишкомъ сильно въ душахъ человѣческихъ, чтобы могло быть когда либо заглушено на долго. Да и Философія вѣдь не заглушать, а развивать его. Еще въ успокоеніе боязливыхъ можно сказать здѣсь и то, что общая увѣренность въ извѣстныхъ мысляхъ никогда не зависѣла отъ Философіи, что на оборотъ сама Философія въ различныхъ ея видахъ всегда была плодомъ нуждъ своего времени, или отголоскомъ образа мыслей своего вѣка!—

71. Конечно при строгомъ пересмотрѣ умозрительныхъ мыслей, какой нужно предпринять, чтобъ дойти до увѣренности основательной и справедливой, не всякая мысль философская можетъ перейти въ рядъ дѣйствительныхъ истинъ. Нѣкоторыя по необходимости должно будетъ оставить подъ сомнѣніемъ, потому что настоящее познаніе бытія дѣйствительнаго иногда не представляетъ еще столько былей или опытовъ, сколько нужно для того, чтобъ рѣшительно опровергнуть, или принять мысль умозрительную, особенно отличающуюся геніальностію изобрѣтенія. Съ другой стороны нѣкоторыя мнѣнія, выданныя другими за непреложно истинныя, не выдержатъ и слабаго испытанія. Еще болѣе, судя по разнообразію мыслей, какія умъ необходимо долженъ порождать зависимо отъ различнаго образованія и направленія, не льзя и ожидать, чтобы всѣ, даже геніальныя мысли могли быть удержаны или отнесены къ числу истинъ. Умъ при усиліяхъ подняться до мысли, объясняющей извѣстныя рядъ явленій и въ одномъ лицѣ не рѣдко двоится, колеблется между двумя равносильными по видимому способами

объясненія. Хотя перевѣсъ доводовъ на одной сторонѣ можетъ одинъ умъ довольно скоро опредѣлить къ принятію того, а не другаго способа: но при другомъ объемѣ познаній можетъ уже благовиднѣе показаться уму другая сторона. — И то и другое лице между тѣмъ высказали свои убѣжденія; міръ ученый получилъ два противныхъ взгляда съ равными притязаніями на истинность; и умы второстепенные, вопрошая ближе природу, должны уже прислушиваться, доискиваться, или выжидать, не подастъ ли она голосъ, рѣшительно отдающій перевѣсъ одному представленію предъ другимъ. Так. обр. изъ двухъ мыслей одна какъ бы при самомъ рожденіи обрекается уже на смерть, послѣ того, какъ своимъ бореніемъ усилитъ мысль другую.

За то есть такія мысли въ системѣ человѣческихъ представленій, которыя столь необходимы, такъ важны для ума, что онъ нерѣдко, вынужденнымъ себя находитъ усвоить оныя, какъ чистыя, полныя истины и безъ полнаго ихъ прояснения, безъ яснаго ихъ подтвержденія. — Не могши подвести ихъ подъ законы обыкновенныхъ представленій, онъ удерживаетъ ихъ въ видѣ идей, не забы-

вая, и безпрестанно подстерекаясь прояснять оныя посредствомъ сличенія съ міромъ явленій. Таковы вышнія философскія мысли. При всей своей неясности, онѣ невольно покоряютъ себѣ умъ нашъ, и остаются въ немъ и послѣ того, какъ разысканія критическія увѣряютъ, что строгаго доказательства, въ логическомъ смыслѣ понимаемаго, представить на нихъ невозможно.

Значеніе философскаго сомнѣнія, — и естественность пріема, указаннаго для философскихъ изысканій. —

72. Но, опираясь на указанный нами медленный пріемъ, къ какому должна прибѣгать Философія для основательнаго и удовлетворительнаго рѣшенія задачъ своихъ, могутъ представить и другія недоумѣнія, или даже и укоризны на счетъ философскихъ изслѣдованій. — Чтобъ не оставить вводимой нами науки подъ неосновательнымъ нареканіемъ, и нашихъ мыслей безъ достаточнаго прояснения, постараемся устранить и мелочныя недоумѣнія и укоризны, могущія питать общую недовѣрчивость и усиливать довольно обыкновенное нерасположеніе къ Философіи. Поводъ

для сихъ недоумѣній и укоризнъ могутъ взять, во первыхъ съ неумѣстной по видимому недовѣрчивости съ вышнимъ истинамъ, какія обѣщаетъ прояснить и подтвердить Философія; во вторыхъ отъ кажущагося недостатка надежной опоры при философскихъ изысканіяхъ, и малозначительности успѣховъ, какихъ можно ожидать отъ Философіи, судя по тому пріему, который указанъ нами, какъ необходимый въ ней и совершенно естественный. —

Руководясь первымъ поводомъ могутъ сказать: если въ самомъ дѣлѣ философскія изслѣдованія необходимо должны принимать такой ходъ: то въ нихъ значитъ спражденъ истина, поставляются и правильныя мысли или понятія на ряду съ многоразличными, нерѣдко грубыми ошибками, кои столь обыкновенны въ предположеніяхъ; выходитъ видъ: будто истины во все нѣтъ, — тогда какъ общая непреоборимая увѣренность всѣхъ и каждаго, что есть истины вышнія — непреложныя, въ коихъ и сомнѣваться никакъ не слѣдуетъ. — Ужели можно терпѣть и позволять подобнаго рода изысканія? Истина дорога человѣку; надобно блюсти ея не-

прикосновенность, не должно уничижать ее пустою, совершенно напрасною недовѣрчивостію.

Руководясь поводомъ послѣднимъ, спанутъ говорить: какой же плодъ теперь отъ Философіи? Обѣщаетъ она, по крайнѣй мѣрѣ мы ожидали, что она опредѣленно и рѣзко выскажетъ намъ нѣсколько вышнихъ мыслей, которыя разольютъ свѣтъ на всю область нашего вѣдѣнія, дастъ твердыя опоры всякаго рода изысканіямъ; вмѣсто того — что находимъ? — Таже самая Философія, на которую мы смотрѣли съ подобнаго рода ожиданіями, — такъ же нетвердо берется за тѣ вышнія истины, какъ нетвердо идешь въ незнакомомъ полѣ новыхъ открытій; не довѣряетъ, кажется, сама своему дѣйствованію; и вмѣсто того, чтобы смѣло воспарить къ горнимъ идеямъ — усиливается мало по малу подняться до нихъ на подмосткахъ опыта.— Послѣ сего ожидайте отъ нее успѣховъ, ожидайте надежнаго руководства! Не всеобщими, непреложными истинами надѣлитъ она васъ; напротивъ — только разовьетъ въ душѣ вашей сѣть сомнѣній, разрушитъ послѣднія убѣжденія, остававшіяся доселѣ

непреоборимыми. Нѣтъ и не можетъ быть лучшаго плода. Самый пріемъ ея въ своемъ началѣ разрушителенъ. Вмѣсто того, чтобъ усиливаться раскрыть и подтвердить столь важныя истины, Философія что дѣлаетъ? — Береть весь запасъ мыслей, которыя столь для насъ драгоцѣнны, разлагаетъ его на рядъ догадокъ, и подвергаетъ — нескончаемому пересмотру. Вы хотѣли бы узнать отъ нее истинное,—вся совокупность истинъ разрѣшена ею въ фантастическія гаданія, — которыя, кто знаетъ, когда еще успѣютъ въ рукахъ ея изъ облака Юноны превратиться въ видъ твердый, стройный? —

73. Но — ужели можно, скажемъ въ отвѣтъ на послѣдній видъ возраженія,—ужели можно обвинять Философію за то, что она, желая достигнуть твердаго, непреоборимаго убѣжденія, разлагаетъ мысли на составныя ихъ части, подвергаетъ строгому пересмотру, испытанію проницательному?—Если вы можете принимать извѣстныя мысли особенно выспреннія безъ яснаго сознанія ихъ основаній: вѣрьте имъ, но не призывайте уже на помощь Философіи, когда какъ нибудь пробудившійся въ васъ разумъ потребуетъ отъ васъ от-

чепа въ вашихъ убѣжденіяхъ. — Если же вы получили отъ природы сполъ важныя преимущества, что можете схватить и ясно высказать истинное не думавши, не извлекая его изъ массы мыслей ошибочныхъ, изъ вида необдѣланнаго: — то раздѣлите съ нами ваше богатство. Но мы знаемъ, что въ той самой области, въ которой вы столько хвалитесь своими успѣхами, въ области познаній опытныхъ, истинное открывается не вдругъ; и чѣмъ обширнѣе объемъ, на который простирается мысль изъяснительная: тѣмъ больше нужно приготовленій, опытовъ, чтобъ получить ее; чѣмъ она возвышеннѣе: тѣмъ неверже ходъ къ ней. Приглядываясь къ развитію мысли изъяснительной и въ опытныхъ наукахъ, всегда находишь, что она первоначально представилась только въ гаданіи, подтверждалась въ послѣдствіи опытами больше случайно только, нежели намѣренно устроенными.—Теперь, кто можетъ столько стѣснить свой взоръ (а это очень легко и бываетъ не рѣдко въ изысканіяхъ опытныхъ), что будетъ довольствоваться одними отношеніями и явленіями опыта: тому конечно и пріемъ философскихъ изслѣдованій долженъ

показаться такъ же скуднымъ, мало обѣщающимъ; тотъ можетъ, даже по направленію мыслей долженъ съ презрѣніемъ смотрѣть на усилія подняться къ выводамъ бо́льшимъ, вышшимъ. Но онъ не въ правѣ думать, чтобы умъ нашъ не могъ объявлять большихъ требованій, кромѣ желанія знать достаточно жизнь природы въ ея явленіяхъ. Есть вышшія требованія ума, требованія, коимъ умъ можетъ съ большею смѣлостію искать удовлетворенія, и—медленный, зато болѣе надежный путь къ удовлетворенію коихъ можетъ указать одно долговременное разсмотрѣніе путей, пролагаемыхъ себѣ разумомъ. — Если мы, раскрывая сей пріемъ, дали въ немъ важное значеніе опыту: то симъ отнюдъ не хотѣли ограничить паренiе ума, или заставить умъ забыть свои, такъ называемыя, идеи, а нашли въ немъ единственное средство внести въ философскія опредѣленія или развитія больше основательности. Не важная была бы выгода, когда бы мы уступили уму право составлять свои догадки не справляясь съ опытомъ, или вздумали утверждать, что умъ, предавшись однимъ своимъ выспреннимъ идеямъ, могъ бы построить міръ наиправильнѣйшимъ образомъ.

Вѣковые опыты умозрѣній, кажется, достаточно доказали, что идеальныя представленія чище и яснѣе развиваются въ насъ только помѣрѣ возрастанія и улучшенія познаній опытнаго. Но симъ опытамъ мы не даемъ завлекать себя къ той крайности въ мысляхъ, будто истинное лежитъ въ одномъ опытѣ. Есть основа истиннаго и въ умѣ; есть думаемъ, въ самомъ умѣ нашемъ предрасположеніе уразумѣвать истину: но сіе предрасположеніе требуетъ содѣйствія природы (ср. § 42) для своего развитія въ дѣйствительное открытіе истиннаго. — Сколько разрушителенъ предложенный нами пріемъ, дѣйствительно ли онъ только развиваетъ сѣть сомнѣній, увидимъ ниже: но что ходъ, присужденный нами Философіи для открытія надопытнаго не твердъ, какъ бы шатокъ, сего не льзя сказать, ни поставить въ вину. Общій смыслъ конечно не много имѣетъ основательныхъ познаній о природѣ въ сравненіи съ познаніями о природѣ учебными: но и онъ довольно твердо переходитъ къ тѣмъ вышшимъ истинамъ, кои усиливается разкрыть Философія. Между тѣмъ руководство къ чаяніямъ перваго, и къ ясному убѣжденію послѣдней — одно:

быпъ міра дѣйспвипельный. Если же и въ самомъ дѣлѣ недовольно твердъ окажется ходъ сей при вышшихъ пребованіяхъ науки: то вина сему будетъ не въ самомъ пріемѣ, нами указанномъ, но въ состояніи познаній опытныхъ. Усовершите намъ разумѣніе природы опытное: и мы довершимъ ваше разумѣніе мыслями вышеопытными. — Философія можетъ преуспѣвать не иначе, какъ объ руку съ успѣхами наукъ естественныхъ.—Если сія мысль можетъ показаться уничижительною для Философіи и слишкомъ возвышающею преимущество наукъ физическихъ: то мы замѣтимъ наоборотъ, что въ свою очередь и сіи науки, не иначе могутъ подвигаться и завершаться въ своемъ развитіи, какъ обратнымъ воздѣйствіемъ на нихъ Философіи. — Сіе взаимное ихъ отношеніе яснѣе разкроемъ впрочемъ ниже. —

74. Что-жъ касается до первой половины возраженія, то отвѣтъ на нее слѣдующій: и сомнѣваться въ истинѣ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ прояснить ее для своего сознанія—не значитъ еще уничижать истину недовѣрчивостію, или имѣть прямое, хотя можетъ быть, скрываемое намѣреніе опровергнуть оную. — Если поставить сію мысль непреложнымъ

правиломъ, тогда конецъ всякаго рода изысканіямъ: ибо всякаго рода изысканія, если онѣ должны имѣть надлежащій учебный видъ свой, должны болѣе или менѣе сопровождаться недовѣрчивостію, (*) начинаться съ полною готовностію отвергнуть свое убѣжденіе, какъ скоро нѣсколькократно повторенныя изслѣдованія увѣряютъ въ мысляхъ противныхъ. Начиная изслѣдованіе мыслей извѣстныхъ съ довѣрчивостію къ нимъ, съ желаніемъ удержать оныя, легко притти къ заключеніямъ превратнымъ, кои будутъ только поддерживать увѣренность въ мнѣніяхъ, можетъ быть и ложныхъ. (Правда могутъ быть мысли важныя, высоты коихъ недосягаетъ по видимому самая сила доказательства: но сей случай требуетъ особаго прояснения, и мы придемъ къ нему въ концѣ сей статьи; тамъ увидимъ, что и ихъ принимаетъ разумъ не безъ прояснения.) Конечно са-

(*) Изысканій не должно смѣшивать съ изложеніями, въ коихъ увѣренный въ извѣстныхъ мысляхъ излагаетъ оныя со всѣми основаніями. Послѣднія т. е. изложенія полезны для несвѣдущихъ, но не столько распространяютъ кругъ истиннаго, сколько первыя т. е. изысканія.

мыя изслѣдованія должны быть совершаемы съ нѣкотораго рода недовѣрчивостію къ своимъ выводамъ; особенно когда слѣдствія, какія даютъ онѣ, новы, необыкновенны. Но, простирая сіи недовѣрчивость далѣе надлежащихъ предѣловъ, можно оставлять слишкомъ много мѣста несправедливымъ предубѣжденіямъ, терпѣть дольше надлежащаго ясно опровергающіяся заблужденія.—Согласенъ, что есть истины важныя, кои не хотѣлось бы подвергать и минутному сомнѣнію: но—если уже убѣжденіе человѣческое не иначе можетъ развиваться и усиливаться, какъ только посредствомъ недовѣрчиваго испытанія: то—можно и должно позволить и нѣкотораго рода недовѣрчивость, какъ зло необходимое, неизбѣжное. Чтобъ ограничить дѣйствіе сего зла: слѣдуетъ только поощрять изысканія истиннаго и поощрять достаточно; иначе человѣческое предрасположеніе ко злу разовьется въ наклонность къ испроверженію вѣрнаго, тогда прямо препятствовать распространенію зла будетъ значить только помогать его разширенію.

Съ другой стороны сомнѣніе такъ возникаетъ естественно, такъ образуется легко,

и вмѣстѣ приноситъ такую пользу, что и подавлять его иногда было бы неблагоразумно. Небольшой навыкъ сближать мысли только дѣйствительно близкія между собою; небольшой опытъ исправленія своихъ старыхъ мнѣній посредствомъ сего сближенія — раждаетъ уже сильное желаніе отыскать достаточное основаніе на все, чему доселѣ вѣрилъ, или что считалъ вѣрнымъ. — Само собою разумѣется, что первые порывы подобнаго перебора своихъ мыслей не всегда бываютъ скромны; въ слабости своихъ познаній и силъ всему скоро находитъ достаточныя основанія, человѣкъ увѣряется довольно поздо. Завсѣмъ тѣмъ однажды пробудившаяся изыскательность рѣдко засыпаетъ снова на старомъ. Жажда основательности безпрестанно увлекаетъ человѣка дальше и дальше въ глубь изслѣдованій. Часто самъ пустившійся въ изысканія бываетъ нерадъ своему предпріятію: предъ нимъ часъ отъ часу открываются новыя бездны; мысли и звѣнья, дотолѣ тѣсно связанныя распадаются; сомнѣніе, какъ острый ножъ въ рукахъ Анатомика, знаетъ только разсѣкать бывшее дотолѣ по видимому стройнымъ; какъ огонь или кислота

Химика разрѣшаетъ самые плотные составы представленій: со всѣмъ тѣмъ какъ безъ химическихъ опытовъ, безъ анатомическаго разложенія мы не знали бы ни состава тѣлъ неорганическихъ, ни строенія тѣлъ органическихъ; какъ только посредствомъ сихъ опытовъ надъ природою мы узнаемъ ея работу и вещества, коими она образуетъ тѣла, — узнаемъ жизнь сихъ существъ: такъ и безъ разбора системы мыслей, безъ изысканія ихъ связи, взаимнаго соотношенія, не льзя узнать истинную систему мыслей намъ естественныхъ, дойти до коренной мысли, легко объясняющей бытіе и жизнь. Сомнѣніе необходимо и вмѣстѣ полезно. Изыскательность ведетъ къ исправленію нашихъ мыслей невѣрныхъ, собранныхъ подъ руководствомъ общаго смысла; и можетъ служить къ большему убѣжденію въ необходимости и неприкосновенности самыхъ истинъ вѣры. Подавлять его при изысканіяхъ философскихъ значилобы обнаруживать малодушную боязливость тамъ, гдѣ нужно развивать всю свѣжесть силъ разумѣнія.

75. Сомнѣніе можетъ имѣть два направленія, какъ всякая вещь двоякое употребленіе. Мы

одобряемъ сомнѣніе, какъ начало усилій духа человѣческаго прояснить и разширить для себя область истиннаго: — но отвергаемъ сомнѣніе безъ вѣры, которое не знаетъ ничего священнаго, которому не на чѣмъ и остановиться. — Если нѣкоторыя философскія мысли мы до времени и называемъ предположеніями: то отнюдь не потому, чтобы желали испровергнуть всякую истину, все знаніе человѣческое превратить въ однѣ гаданія, но потому, что должны были показать, какъ вышшія мысли, возникая въ умѣ, мало по малу приходятъ въ немъ въ ясность. — Не можетъ быть, въ этомъ мы увѣрены вмѣстѣ съ другими, не можетъ быть, чтобъ нѣкоторыя философскія мысли, не были вѣрны сами по себѣ, независимо отъ нашего представленія. Но иное дѣло вѣрность мысли внѣ нашего сознанія; иное дѣло ясность сознанія истины, основательность убѣжденія въ ней. Если бы мы могли усвоять только однѣ мысли вѣрныя, а мысли неосновательныя не вкрадывались въ душу нашу: тогда не было бы нужды ни въ какихъ пріемахъ, сопрягающихся съ нѣкотораго рода недовѣрчивостію Но когда умъ при развитіи своемъ къ совершенству непримѣт-

но успѣваетъ самъ образовать, или отъ другихъ принять представленія невѣрныя; когда сами геніальные умы въ парѣніи своемъ за предѣлы чувственнаго созидаютъ мысли нестройныя: тогда раждается уже не только потребность, но и обязанность очистить высокія мысли, смѣшавшіяся въ душѣ съ понятіями ложными, перевести въ живое убѣжденіе однѣ представленія вѣрныя. Тогда нужно уже сдѣлать всецѣлую обработку своихъ представленій, чтобъ дать своимъ мыслямъ видъ естественный, оригинальный, усвоить взгляды на бытіе и жизнь — правильные. —

Какъ скоро начатъ сей учебный пересмотръ своихъ убѣжденій, какъ скоро родилась задача съ отчетливостію составить кругъ своихъ мыслей: всѣ мысли доселѣ принятыя въ сознаніе становятся сомнительными; сознаніе, какъ бы отдѣляетъ себя отъ нихъ, чтобъ снова образовать кругъ понятій, но совершенно основательныхъ. Въ семъ случаѣ самыя возвышенныя мысли до рѣскаго ихъ подтвержденія могутъ оставаться въ общемъ ряду представленій, только имѣющихъ еще притязаніе на довѣріе. Онѣ могутъ и должны перейти въ наше сознаніе, если онѣ ис-

шинны, но не раньше, какъ когда основательныя соображенія покажутъ ихъ непрѣкаемую достовѣрность. Сами мысли въ семъ случаѣ не измѣняются въ существѣ своемъ, измѣняется только ихъ отношеніе къ уму, который, усмотрѣвъ ихъ необходимость и связь съ другими убѣжденіями сознанія, переводитъ изъ ряда гаданій чужихъ въ рядъ убѣжденій собственныхъ, принимаемыхъ съ яснымъ сознаніемъ ихъ вѣрности. Въ семъ случаѣ изыскатель только на время спановится въ рядъ неувѣренныхъ, чтобъ открыть и проложить путь къ живой увѣренности. Наука не только позволяетъ, но необходимо требуетъ подобнаго взгляда. — Не споримъ, что прояснѣніе своихъ мыслей посредствомъ подобнаго пріема, совершается въ душѣ очень немногихъ; большая часть обыкновенно признаетъ мысли вѣрными безъ собственныхъ изслѣдованій, по довѣрію къ ихъ давности, иногда мнимой всеобщности. Можемъ даже сказать, что увѣренность въ нѣкоторыхъ вышнихъ истинахъ нераздѣльна съ бытіемъ души нашей: но все это никакъ не даетъ права считать критической пересмотръ нашихъ мыслей излишнимъ. Умъ человѣческій всегда бу-

деть смѣло возникать къ изыскательности, и всегда приходить чрезь нее къ живому убѣжденію; ибо сомнѣніе въ рукахъ Философовъ не есть цѣль; оно есть только средство, временный пріемъ, приготовляющій къ утвержденію своей увѣренности.

76. Послѣ сего можно судить, какъ основательно то опасеніе, будто раскрытый нами пріемъ разрушителенъ. Наоборотъ надобно сказать, имъ только собственно и усовершаются и очищаются наши познанія. Истина, поставленная въ рядъ предположеній конечно нисколько отъ того не потеряетъ, что ее подвергнутъ повѣркѣ, испытанію; въ семъ испытаніи только яснѣе откроется ея достовѣрность, только рѣзче отличится она здѣсь отъ лжи; очевиднѣе покажетъ превратный видъ сей послѣдней. Между тѣмъ для обличенія мыслей ложныхъ и слѣд. для предполагаемаго очищенія своей увѣренности нѣтъ лучшаго средства, какъ строгое испытаніе. Говорю: строгое испытаніе: ибо часто неумѣренная жажда познаній препятствуетъ принимать свѣдѣнія со всею осторожностію; желая узнать какъ можно больше, легко забываешь потребность предварительнаго со-

ображенія. — Допустивъ же оныя однажды, умъ слабый и совершенно увольняетъ себя отъ труда изслѣдованія вѣрности мыслей, какъ будто бы сила ума нашего содѣлывала ихъ дѣйствительными истинами. Тѣмъ недовѣрчивѣе долженъ быть умъ твердый, когда рано или поздо для него настанетъ пора самоспособительности. Тогда естественно онъ долженъ начать переборку собраннаго матеріала, со всею къ нимъ недовѣрчивостію. — Но спрашивается: какой вредъ можетъ причинить сей недовѣрчивый пересмотръ собранныхъ понятій; ближе къ нашему предмету, что опаснаго предоставляетъ критическій пересмотръ различныхъ Философскихъ поясненій на жизнь природы? Ничего, кромѣ той выгоды, что онъ покажетъ, который изъ высказанныхъ Философами взглядовъ естественнѣе, и который дальше отъ природы. ср. стр. 67. —

77. Согласенъ, тяжело было бы позволить подобный пересмотръ, когда бы онъ не инымъ чѣмъ могъ и долженъ былъ оканчиваться, какъ потерею увѣренности въ вышнихъ горнихъ истинахъ. Такъ сіи истины важны для укрѣпленія духа нашего, такъ нѣкоторыя изъ нихъ отрадны для сердца. Жалко, очень

жалко было бы позволить людямъ пускаться въ разысканія, необходимо имѣющія разувѣрить въ сихъ мысляхъ выспреннихъ. Но сколько сія сострадательная боязнь за спокойствіе человѣческаго сердца достохвальна: столько слѣдствія оной нежеланны, когда она переражденся въ желаніе долѣе надлежащаго удерживать разумъ отъ изысканій самостоятельныхъ.—Такъ, если бы не было никакихъ средствъ искупить бытіе и твердость тѣхъ вышнихъ истинъ, какъ скоро подвергаются онѣ разбору строгому; — если-бы истины выспреннія, проявясь неизвѣстно какъ въ родѣ нашемъ, стояли въ умѣ безъ всякаго соприкосновенія съ мыслями другими—неудоборазгадаемыя, важныя для системы нашихъ убѣжденій, но внѣ всякой возможности своего подтвержденія:—можно было бы одобрить усилія положить людямъ преграду, да не знаютъ они тяжкихъ сомнѣній, неизбѣжно влекущихъ за собою отверженіе всѣхъ высокихъ представленій. — Но Философская изыскательность имѣетъ подъ рукою очень достаточное средство и къ проясненію и къ подтвержденію тѣхъ истинъ. Подвергая оныя своему пересмотру, она только приближаетъ

ихъ къ нашему сознанію, разширяетъ ихъ вліяніе въ области мыслей, ставитъ ихъ руководными во главу нашихъ убѣжденій и тѣмъ приготовляетъ сильное проявленіе сихъ истинъ въ самомъ быту житейскомъ. Если тѣхъ истинъ не можетъ она подтверждать по законамъ мышленія подчинительнаго (логическаго): то можетъ подкрѣплять ихъ сближеніемъ съ міромъ опыта, — бытомъ дѣйствительнымъ, близости коего къ разумѣнію никто не оспоривалъ, важности коего для обсуда нашихъ мірообъяснительныхъ догадокъ не можетъ оприцать сама Философія. По правильному понятію о развитіи нашего мышленія она знаетъ, что дѣйствительность и видъ извѣстнаго ряда явленій служитъ для насъ достаточною порукою въ дѣйствительности и извѣстной природѣ силы, которую мы принимаемъ для ихъ проясненія, что еслибъ мы приняли за правило вѣрить однимъ своимъ чувствамъ тѣлеснымъ: кругъ нашей увѣренности могъ бы быть обширенъ, но мы не имѣли бы въ немъ точки опоры и единства, къ коему стремимся въ своихъ представленіяхъ. — По настроенію своей природы мы должны и можемъ довѣрять не

однимъ только своимъ чувствамъ, но и внушеніямъ, или лучше, требованіямъ ума своего. По симъ-то неопразимымъ требованіямъ ума возникаетъ и проясняется для насъ наряду съ дѣйствительностію міра видимаго дѣйствительность неподлежащаго чувствамъ; самъ Философъ по сему же основанію допускаетъ истины міра духовнаго— съ тою только разностію, что онъ яснѣе сознаетъ основаніе, на коемъ зиждется его убѣжденіе въ сихъ вышнихъ мысляхъ. Его изыскательность слѣд. ведетъ только къ прояснению нашего сознанія тѣхъ истинъ, а не къ отверженію ихъ, какъ обыкновенно подозрѣваютъ.

78. Притомъ же раскрытымъ пріемомъ Философія почти нисколько не отличается отъ другихъ наукъ. Если бы онъ дѣйствительно былъ опасенъ, давно бы рухнули другія науки. Въ самомъ дѣлѣ, не упоминая о Физикѣ, сравненіемъ съ пріемами которой мы проясняли и пріемъ умѣстный въ Философіи, во всякой положительной (Богословской или Юридической) Догматикѣ, главную задачу составляетъ открытіе мыслей умозрительныхъ, которыя бы достаточно проясняли всѣ мѣста памятниковъ (вѣры или права), принад-

лежащія къ одному роду. И открытію сихъ мыслей всегда предшествовали вначалѣ догадочныя только соображенія. Въ послѣдствіи мысли, составленныя посредствомъ сихъ соображеній, оказывшись ли дѣйствительно согласными съ мѣстами памятниковъ и вернымъ ихъ пониманіемъ, или только утвержденныя авторитетомъ лицъ, оныя образовавшихъ, легко и скоро переходятъ въ число истинъ непреложныхъ; бывъ сначала только зыбкимъ плодомъ усилій ума человѣческаго прояснить для себя былевое, положительное, съ теченіемъ вѣковъ утверждаются не рѣдко больше и больше: но глазъ разборчивый не можетъ не видѣть ихъ происхожденія. — Новыя лица съ свѣжими дарованіями, съ новымъ образованіемъ, могутъ повторять въ себѣ происхожденіе и утвержденіе тѣхъ мыслей и больше или меньше усматривать ихъ естественность. Такъ и не иначе могутъ зрѣть всѣ науки. Былевое вездѣ не подвижно; но взгляды на него могутъ измѣняться, съ большимъ или меньшимъ плодомъ для зрѣлости нашихъ познаній.

Наконецъ, чтобъ правильнѣе судить объ изысканіяхъ философскихъ, надобно сообра-

зить довольно обстоятельно и то, что предпріятіе, которое по необходимости берешъ на себя Философія, вступая въ поприще своихъ изслѣдованій, совсѣмъ не маловажное. Для того, чтобъ до основаній изслѣдовать и опредѣлить систему мыслей нашему роду естественныхъ, надобно отрѣшиться отъ всѣхъ представленій, какія образуются въ насъ подъ вліяніемъ условій времени и мѣста; только при такой отрѣшенности и прямомъ направленіи можно образовать въ себѣ представленія наиболѣе согласныя съ нашею природою. Людямъ не настроеннымъ для изысканій учебныхъ подобное какъ бы отверженіе мыслей можетъ показаться неуваженіемъ къ истинѣ: но, если гдѣ оказывается полное уваженіе къ ней, то именно въ семъ дѣлѣ сопряженномъ всегда съ нѣкотораго рода самопожертвованіемъ. Правильное разумѣніе и исполненіе сего пріема есть всегдашнее требованіе, и самая нелегкая задача Философіи. Отъ неудачи въ ней сокрушались собственно всѣ усилія мыслителей самостоятельныхъ (*).

(*) Абстракція послѣдней школы Гегеля, есть преухищренное требованіе сего же самаго пріема. —

79. Если послѣ сего покажется еще соблазнительнымъ, что мы умозрительныя мысли, поясняющія міръ, назвали гаданіями и усвоили Философіи право прибѣгать къ нимъ: то должно замѣтить, что съ словомъ предположеніе, догадка, мы соединяемъ понятіе гораздо благороднѣе, нежели какое соединяютъ обыкновенно. Догадкою обыкновенно зовутъ такую мысль, которой не хотятъ вѣрить. Естественно, что въ подобномъ смыслѣ не льзя назвать догадками всѣхъ умозрительныхъ мыслей. — Догадкою называемъ мы первоначальное проявленіе нашей разумности, первое движеніе идеи. Въ семъ смыслѣ мы гораздо чаще руководимся догадкою, нежели думаемъ. До развитія сознанія разумнаго въ полную ясность человѣкъ всегда дѣйствуетъ болѣе по темнымъ догадкамъ. Первыя понятія о духовномъ суть тѣже чаянія, только твердо принимаются нами потому, что на нижшей степени развитія темное чаяніе доводовъ замѣняетъ вполнѣ ихъ ясное изложеніе въ Философіи. И если по требованію сего же чувства иногда бываютъ слишкомъ неперпѣливы къ разномыслящимъ: то им опому, что на сей степени не знаютъ еще ошибокъ, слишкомъ довѣрчивы

къ лишь возникшымъ мыслямъ. Между тѣмъ надобно согласиться, что наше сознаніе необходимо подлежитъ развитію, — и сіе развитіе зависитъ не только отъ возрастанія тѣла, но и отъ упражненія въ мышленіи. Сіе-то раскрытіе созерцательности дѣлаетъ, что мысль, находящаяся въ умѣ одного въ видѣ гаданія, въ умѣ другаго проясняется до свѣтлаго разумѣнія. Теперь, хотя извѣстная мысль и въ томъ въ другомъ случаѣ можетъ быть вѣрною: все наука, занимающаяся развитіемъ мыслей въ сознаніи, можетъ первый видъ ихъ по всѣмъ правамъ называть своимъ именемъ.

80. При томъ же къ числу сихъ догадокъ мы относимъ не однѣ чаянія общаго смысла: но и цѣлообразительныя представленія мыслителей геніальныхъ. Мы дали мѣсто симъ умственнымъ догадкамъ въ дѣлѣ философствованія потому, что объясненіе міра не иначе можетъ подвигаться, какъ посредствомъ сихъ идеальныхъ созерцаній. Но вмѣстѣ съ симъ увѣрены, что онѣ не всегда могутъ быть истинны, что слѣд. нужна строгая критическая переработка, чтобъ судить, которая изъ нихъ ближе къ истинѣ. Сей пере-

смотръ принимаетъ на себя талантъ и не можетъ принять самъ философскій геній. Обсуживая свои мысли, сей послѣдній только усиливался бы больше и больше обдѣлать подъ нихъ понятія міра опытнаго. Извѣстно, какое сильное вліяніе на сихъ необыкновенныхъ людей (разумѣю геніевъ) имѣютъ ихъ оригинальныя догадки. Геній легко связываетъ и понимаетъ самыя далекія и перехищренныя мысли. Да и чадолюбивое око изобрѣтателей, какъ извѣстно, не доглядываетъ недостатковъ въ собственныхъ мысляхъ; только глазъ лицъ сторонних можетъ открывать оные. Не привыкши къ той высотѣ, на которой безбоязненно и твердо держится геній философскій, талантъ только медленно и слѣд. осмотрительно долженъ восходить на оную. Съ сею медленностію онъ скорѣе подмѣчаетъ ошибки генія, и, если имѣетъ довольно самостоятельности, чтобъ не покориться увлекающей силѣ какаго нибудь генія, лучше можетъ очертить, скажемъ такъ, путь мыслей намъ естественный. Ибо люди сего рода чужды запредѣльности мыслей, столь обыкновенной для геніевъ. Между тѣмъ не льзя бояться и того, чтобъ талантъ могъ когда

либо совершенно испровергнуть всѣ геніальныя созданія: ибо геніальное произшекло изъ тойже человѣческой природы, и всегда вынудишъ признашь и уважишь себя, какъ скоро происшекло изъ правильнаго развишія и паренія мысли. Но опишимше право суда о досшоинсшвѣ сихъ мыслей у людей, споящихъ на средней спуненш между общимъ смысломъ и высшреннимъ геніемъ, чшо будешъ? Всякое мнѣніе философское, или равно будешъ истина, чшо для самой истины едвали выгодно; или всѣ мысли дожны будушъ оспаваться для насъ въ безразличномъ неважномъ значеніи. Недовѣрчивая искашельность истины, приникая шеперь испышальнымъ окомъ къ мыслямъ вышшимъ, высказаннымъ геніями, и находя ихъ совершеннымъ оппечашкомъ, или лучше, чиспымъ первообразомъ досшупнаго для нее дѣйсшвишельнаго, съ радосшію пріемлешъ истину, дороже цѣнишъ ее, крѣпче держишся, больше усиливаешся прояснишь и развишь!— Плодъ горькаго сомнѣнія гораздо пріяшнѣе, гораздо пишашельнѣе произведеній слабодѣйсшвеннаго довѣрія! — Ибо сшрогое испышаніе при сшепенномъ, не вольномъ (Iricole) желаніи истины, всегда можешъ и должно

вести къ основательному суду объ извѣстныхъ мысляхъ, хотябы-что выходящихъ за предѣлы разумѣнія обыкновеннаго.

81. И если умъ обыкновенный не всегда можетъ представить въ ясномъ, полномъ видѣ то строгое согласіе предположительной мысли съ дѣйствительнымъ и симъ оправдать умозрительную догадку: то вина сему лежитъ не всегда на Философіи, которая не иначе, какъ только съ большою осторожностію должна прояснять дѣйствительное, а не говоритъ оракуломъ, какъ бы съ воодушевительнаго треножника; но иногда и на природѣ самаго ума ограниченнаго, для коего и истина ограниченна. (Философія виновна только тогда, когда она дерзко разрушаетъ тамъ, гдѣ бы слѣдовало только разбирать. При степенности и благонамѣренности она можетъ держать себя выше всѣхъ притязаній неумѣренныхъ, выше всякаго суда превратнаго.) Между мыслями предполагаемыми и бытомъ дѣйствительнымъ, — здѣсь устранимъ одно мнимое противорѣчіе, которое можетъ возбудить недоумѣніе въ людяхъ мало упражнявшихся въ мышленіи, могутъ выходить разногласія, вовсе недостаточныя къ опроверженію мысли философской. Въ такомъ случаѣ

источникъ разногласія составляетъ обыкновенно или неполное, невѣрное познаніе самаго дѣйствительнаго, или высота умозрѣнія, которая необходимо должна поставлять насъ въ нѣкоторое разногласіе съ обыкновеннымъ положеніемъ предметовъ. Въ первомъ случаѣ обязанность: доводить до возможнаго совершенства разумѣніе дѣйствительнаго, въ послѣднемъ — исправлять самое дѣйствительное.

82. Въ семъ послѣднемъ случаѣ можно бы даже повѣрку мысли перенести въ область самаго ума, и спрашивать, сколько мысль согласуется съ другими представленіями нашего ума, подтвердившими вполнѣ свою вѣрность, или и просто съ настроеніемъ нашего духа. Не льзя же представить умъ нашъ безъ извѣстныхъ законовъ, по коимъ онъ природою нудится образовать свои представленія. Сличеніе съ сими требованіями ума-слѣд. могло бы быть поставлено главнымъ судилищемъ (κριτηριον) философскихъ догадокъ, еслибъ оно не заключалось уже въ первомъ. Только поелику съ одной стороны самые законы ума нашего не столь еще для насъ очевидны и ясны, какъ исправныя представленія общаго смысла и слѣд. поелику повѣрка по онымъ всегда можетъ ка-

зашься, какъ и дѣйствительно бываетъ, нерѣшительною; поелику съ другой стороны, не льзя представить приуказанномъ нами согласіи ума съ природою, чтобы тѣмъ законамъ или требованіямъ нашего ума не отвѣчало что либо дѣйствительное въ самой природѣ: то гораздо естественнѣе удержать принятое нами судилище мыслей философскихъ, состоящее въ повѣркѣ оныхъ дѣйствительнымъ бытіемъ (природы и нашего сознанія). Близость къ сему быту мыслей умозрительныхъ, естественность его образованія и объясненія по мысли созерцательной — есть послѣдняя основа всякой достовѣрности. Подъ бытіемъ предметовъ дѣйствительнымъ не надобно понимать одно положеніе ихъ внѣ всякаго сознанія и независимо отъ нашего сознанія: но вмѣстѣ и необходимый для нашего ума образъ мышленія о сихъ предметахъ, или представленія себѣ оныхъ. Ибо бытіе вещей выражается не въ одномъ временномъ ихъ положеніи: но во всей совокупности ихъ отношеній, къ коимъ принадлежитъ и ихъ неизмѣнное отношеніе къ нашему сознанію.

83. Съ другой стороны бытіе предметовъ долженъ обозначать всю совокупность ихъ по-

ложеній и законовъ. Сія совокупность законовъ, какъ извѣстно, не выражается въ жизни предметовъ въ каждое мгновеніе ихъ существованія. Хотя въ сей жизни не можетъ ничего проявиться такаго, на пріятіе чего не было бы основанія въ самой природѣ предметовъ: однакожъ въ каждомъ положеніи предмета всегда выражается болѣе только одна сторона его, тогда какъ другая оспается болѣе сокровенною, и только опытное око можетъ прозирать ее. Теперь когда нужно взять всю жизнь, весь бытъ природы, какъ это должно быть въ упомянутомъ сличеніи, надобно будетъ уже не упустить изъ вида и такія стороны или явленія предмета, которыя проявляются въ немъ рѣже. Еще должно сказать, нѣкоторыя изъ сихъ сторонъ предмета имъ болѣе должны быть взяты въ соображеніе, что онѣ составляютъ какъ бы идеальное въ немъ, слѣдов. такое, къ чему онъ рѣдко поднимается. На примѣрѣ все яснѣе. Кто мысль о свободѣ человѣка захотѣлъ бы повѣрить бытомъ дѣйствительнымъ: разумѣется съ трудомъ могъ бы убѣдиться въ свободѣ человѣка, еслибы остановилъ свой взоръ на обыкновенныхъ вседневныхъ его поступкахъ. Тогда какъ

по моему мнѣнію, которое думаю раздѣлить можетъ всякой, въ семъ случаѣ и одинъ свободный поступокъ одного недѣлимаго въ цѣломъ родѣ человѣческомъ достаточенъ былъ бы подтвердить мысль о нашей свободѣ, и перевести ее въ рядъ истинъ непреложныхъ. Не говорю уже о томъ, что свобода есть нѣчто внутреннее, и съ трудомъ можетъ быть выведена наружу, что далѣе требованія и чувства нравственныя признаваемыя всѣми людьми и слѣд. разумомъ цѣлаго человѣчества суть вѣрная порука нашей свободы, порука имѣющая дѣйствительность неопровержимую.

Примѣчаніе. Постановленіемъ указанныхъ границъ для умозрительныхъ изысканій мы вполнѣ предохраняемъ себя отъ тѣхъ запредѣльныхъ взглядовъ, какими особенно въ новѣйшее время изобиловало Нѣмецкое любомудріе. Въ своемъ полетѣ за всѣ возможныя границы, новѣйшіе мыслители, чтобъ защититься отъ обвиненій въ уклоненіи отъ требованій здраваго смысла, вздумали утверждать, что наше сознаніе въ обыкновенномъ его положеніи, т. е. непроясненное Философіею, содержитъ въ себѣ первое обольщеніе (*πρωτον ψευδος*), представляетъ нѣчто дѣйствительнымъ, что опровергается развитіемъ мышленія философскаго. Бѣдная защита! — Опираясь на общемъ смыслѣ и поднявшись на его под-

ставкахъ, а послѣ подкапывая оный, Философія рушитъ только всецѣло саму себя. Чтобъ не остаться на высотѣ умозрѣнія безъ всякой подпоры Философія должна непремѣнно придержаться общаго смысла, первыхъ убѣжденій нашего сознанія, и не разрушать оныя въ послѣдствіи, а развѣ подкрѣпить новыми опорами. Впрочемъ къ сему предмету мы еще возвратимся. Теперь обратимся къ защитѣ умѣстности философскихъ изслѣдованій при всемъ господствѣ вѣры и общаго смысла.

Умѣстность философскихъ изслѣдованій при всемъ владычествѣ вѣры и неприкосновенности общаго смысла.

84. Найдутся, можетъ быть, какъ и дѣйствительно бывали, люди, коимъ изслѣдованія философскія покажутся излишними при томъ богатомъ запасѣ священныхъ истинъ, который доставляетъ намъ вѣра; или и вовсе несовмѣстными съ тѣмъ уваженіемъ, которое мы должны питать къ религіи и внушеніямъ общаго здраваго смысла. — Люди сіи разсуждаютъ обыкновенно слѣдующимъ образомъ: Исторія Философіи давно показала безсиліе ума обрѣсти истину; сама Философія, это, какъ говорятъ, вышшее развитіе ума, не рѣдко вмѣсто того, чтобы побороть по истинѣ, ниспровергала ее; не лучшели от-

вергнуть всякое философствованіе, какъ дѣло, препятствующее утверждаться въ истинахъ вѣры? Тогда, какъ Философія все подвергаетъ сомнѣнію, даже и такое, въ чемъ общій смыслъ человѣческій никогда не думалъ сомнѣваться; тогда какъ она такимъ образомъ, мало сказать, теряетъ, произвольно отказывается отъ истины, чтобъ открыть, кто знаетъ что? — не лучше ли, не знакомясь ни съ какими суетными сомнѣніями, изысканною недовѣрчивостію къ силамъ своего ума — въ простотѣ сердца держаться всякому ясныхъ истинъ вѣры и общаго смысла? —

Что сказать на сіи скромныя въ семъ видѣ предложенія и совѣты? — Прежде всякаго отвѣта то, что онѣ проистекаютъ изъ благородной конечно ревности по вѣрѣ, но вмѣстѣ и изъ невѣрнаго понятія о цѣли и проявленіяхъ философствованія, изъ нѣкоторой неясности взгляда на способъ нашего убѣжденія въ самыхъ истинахъ вѣры. Онѣ необходимо должны открываться при извѣстной любви къ спокойствію умственному и преимущественномъ расположеніи къ дѣятельнымъ подвигамъ, — при сильномъ желаніи убѣжденій твердыхъ, непреложныхъ и недовѣрчивости

къ силамъ собственнымъ. Мы должны постепенно только возвести недовѣрчивыхъ къ тому убѣжденію, что изысканія ума любомудраго не могутъ быть вовсе замѣнены простымъ усвоеніемъ вѣщаній вѣры и общаго смысла: что на основаніи сихъ послѣднихъ онѣ необходимо и естественно развиваются, и отнюдь не должны вести къ слѣдствіямъ опаснымъ для вѣры, какъ иногда думаютъ.

85. Такъ, скажемъ въ отвѣтъ: можно, даже должно имѣть полное довѣріе къ вѣщаніямъ вѣры и общаго смысла: не усвояя спасительныхъ внушеній первой, не руководясь послѣднимъ, человѣкъ не имѣлъ бы ничего твердаго, не зналъ бы, или не памятовалъ бы своего назначенія, не былъ бы въ состояніи подняться до прозрѣнія собственнаго сознанія. Ибо вообще тогда только и раскрывается въ насъ яснѣе обличіе человѣческой разумности, когда мы усвояемъ лучшія убѣжденія другихъ лицъ изъ рода нашего, которые по собственнымъ ли дарованіямъ души, или по особенному благопріятному стеченію обстоятельствъ, опередили насъ въ религіозномъ Боговѣденіи, высоко поднялись въ разумѣніи или живомъ ощущеніи нашей тѣсной связи

съ Божествомъ. Только на основаніи извѣстныхъ убѣжденій, принимаемыхъ по общему смыслу можетъ развиться и философскій взглядъ на вещи. — Но на сихъ вѣщаніяхъ вѣры мы тогда бы только могли останавливаться, далѣе внушеній общаго смысла мы тогда только могли бы не простираться: когда бы не находили въ себѣ непреодолимаго призванія къ ясности и созканію основательности своихъ убѣжденій; когда бы всякая вѣра въ родѣ человѣческомъ была истинная, только помогала торжественному развитію въ насъ человѣчскости. Но, если надобно согласиться съ одной стороны въ томъ, что въ родѣ человѣческомъ есть религіи несовершенныя, которыя не во всемъ помогаютъ развитію человѣческаго характера въ идеальномъ его совершенствѣ, что составляетъ неотмѣнное назначеніе всякой Религіи;— съ другой, что всѣ мы своею разумностію необходимо призываемся къ самоотчетливости въ своемъ образѣ мыслей и дѣйствій: то не только нужно будетъ позволить, но должно даже въ обязанность поставить, чтобъ всякой ближе вразумлялъ себя въ основанія своей увѣренности, усиливался развить естественный себѣ образъ убѣжденія со всею

ясностію разумнаго сознанія. Какъ скоро подобное самовразумленіе становится человѣку необходимостію: онъ не можетъ уже учебнымъ образомъ раскрывать своихъ убѣжденій, не поставляясь необходимо въ сферу мыслей вышшую, не стараясь вѣдѣніемъ разумнымъ обнять убѣжденія той Религіи, которую усвоялъ доселѣ безъ яснаго сознанія основаній. Мы видѣли уже, какъ совершается обыкновенно наше убѣжденіе въ истинахъ сверхопытныхъ. Для принятія извѣстной мысли сего рода нужно стать выше ея (см. § 74, 75), усмотрѣть связь ея съ другими и отношеніе къ тому ряду мыслей, въ соотношеніе съ коимъ она поставляется. Только опрѣшаясь изъ подъ власти сей мысли, дѣлая ее предположительною, мы можемъ усвоять ее послѣ со всѣмъ сознаніемъ уясненнымъ. Такъ и въ дѣлѣ усвоенія истинъ вѣры. Надобно имѣть столько возвышенности духа, чтобъ вознестись до разумѣнія основаній, по которымъ убѣжденія извѣстной вѣры ты дѣлаешь своими. — Теперь спрашивается: гдѣ же будешь искать *подкрѣпленія* въ основательности извѣстнаго религіознаго убѣжденія, если вздумаешь опвергнуть всякую Философію? Въ самыхъ мысляхъ человѣческихъ сего

подкрѣпленія положить не возможно, въ пребованіяхъ сердца еще менѣе; первыя безъ Философіи могутъ быть ошибочны; послѣднія— превратны; авторитетъ Религіи,—подлежитъ еще только подтвержденію. Так. обр. тамъ, гдѣ ищутъ отчетливаго убѣжденія въ вѣрѣ, только наука, помогающая вышшему развитію нашего самосознанія можетъ подавать надежную помощь. Только чрезъ посредство Философіи убѣжденія вѣры могутъ прививаться къ душѣ во всей чистотѣ; только собственная работа мышленіемъ— отличительный характеръ Философіи, какъ увидимъ ниже, обращаетъ намъ въ сокъ и кровь истины религіозныя, исправляетъ убѣжденія смысла общаго. Принятыя не чрезъ самостоятельное изслѣдованіе сіи истины, не всегда сильно питаютъ и обновляютъ жизнь души нашей.

86. Не напрасно природа вложила человѣку такое стремленіе къ благородной развязности мышленія, къ сему развитію самосознанія, въ которомъ мы указали верхъ человѣческаго совершенства. Противъ сего стремленія не идетъ никакая Религія. Религія можетъ только оспенять его, содѣйствовать ему.— Почему при всемъ глубокомъ уваженіи къ вѣщаніямъ вѣры и

внушеніямъ общаго смысла никакъ не льзя признать Философію или излишнею, или вовсе ненужною. Вѣра сообщаетъ человѣку истинное, но не лишаетъ его права отъискивать сіе истинное самостоятельно; вѣра сообщаетъ человѣку истинное, но не всякая; почему и предписывать человѣку довольствоваться одною вѣрою значилобы предписывать ему равнодушіе къ истинѣ.

Область мыслей человѣческихъ никакъ не ограничивается одною вѣрою. Пожелать подобнаго ограниченія и предписать оное возможно и естественно было бы развѣ тогда, когдабы умъ человѣческій не имѣлъ своего собственнаго настроенія, по коему онъ долженъ былъ дѣйствовать, когда бы не могъ раскрываться до значительной чистоты въ каждомъ недѣлимомъ. — Но безъ сего настроенія, безъ стремленія и предрасположенія къ изложенію его въ дѣйствіяхъ, мы не можемъ представить ни одного существа въ природѣ, если только не хотимъ во всѣ дѣйствія существъ ввести единаго дѣйствователя Бога, т. е. сдѣлать Его и орудіемъ чисто человѣческихъ поступковъ, и вмѣстѣ по послѣдовательности, виновникомъ дѣйствій не рѣдко пре-

ступныхъ, богохульныхъ. Далѣе—поставимъ за правило, чтобы, не дѣйствуя самостоятельно, умъ усвоялъ только, что сообщаютъ ему, руководился однимъ довѣріемъ; — что будетъ? Тогда способность дѣйствовать самостоятельно надобно будетъ оставить, если не одному лицу, то по крайней мѣрѣ только малому числу лицъ; умъ прочихъ долженъ будетъ составлять машину, движущуюся чужою силою, или стоять неподвижно на одной точкѣ образованія. — Довѣріе исключительно усвоенное влечетъ за собою мысленное рабство.

87. Конечно человѣкъ можетъ усвоять извѣстныя мысли вѣрою, можетъ разумѣть многое при одномъ руководствѣ общаго смысла, но пониманіемъ извѣстныхъ мыслей, пріятіемъ извѣстнаго представленія въ сознаніе не оканчивается дѣло человѣческаго вѣдѣнія. Вмѣстѣ съ самымъ пріятіемъ въ сознаніе извѣстныхъ мыслей при значительной степени разумнаго образованія раждаются уже такіе вопросы, рѣшеніе коихъ не возможно въ предѣлахъ общаго смысла, или простой вѣры. Ибо на всякое усвоеніе извѣстныхъ мыслей разумъ нашъ скоро начинаетъ требовать достаточ-

ныхъ основаній. — При малой степени образованности, при небольшой суммѣ соображеній конечно удовлетворяютъ иногда самыя слабыя основанія, самыя отдаленныя мысли, едва нѣсколько относящіяся къ разсматриваемому предмету. Не такъ бываетъ, когда человѣкъ подвигается въ своемъ образованіи, что необходимо воспослѣдываетъ, какъ скоро при благопріятствѣ внѣшнихъ обстоятельствъ свѣжесть силъ внутреннихъ оплодотворяется вышними истинами вѣры. Подъ благотворнымъ вліяніемъ Религіи человѣкъ необходимо возникаетъ къ развитію въ себѣ чисто человѣческаго характера. Тогда онъ не можетъ уже удовлетворяться основаніями слабыми, сближеніями невѣрными, выводами ошибочными. Притомъ же прежде нежели вполнѣ успѣетъ развиться сей характеръ, много должно воспослѣдовать видоизмѣненій въ мысляхъ, въ числѣ коихъ выходятъ и не совсѣмъ радующія. Это сомнѣнія — горькій, незрѣлый плодъ значительныхъ успѣховъ ума, и вмѣстѣ живой знакъ устремленія сердца къ удовлетворенію себѣ путемъ твердыхъ и основательныхъ убѣжденій! —

88. Какъ скоро началось подобное броженіе

въ мысляхъ, — его неблагоразумно уже останавливать отъятіемъ средствъ къ дальнѣйшему преспѣянію въ мысляхъ; умѣйте уважить это медленное развитіе мысли; въ немъ уготовляется плодъ зрѣлый, питательный. Не отклоняйте вопросовъ ума пытливаго однимъ указаніемъ на давность, общность: ибо въ семъ состояніи умъ не захочетъ имъ однѣмъ покоряться; мысль будетъ доисковаться основанія на самый авторитетъ. — Теперь, хотя по подобной временной непокоривости ума, возникающаго къ самостоятельности, и можетъ показаться благоразумнѣйшимъ дѣломъ та предосторожность, чтобъ не допустить мысли человѣческія до подобной степени развитія. Исторія дѣйствительно и представляетъ примѣры подобныхъ усилій: но сама же Исторія и показываетъ, что въ стереотипной неподвижности — понятій и взглядовъ вѣчно удержать не возможно. Это возможно только тогда, когда отъемлются всѣ средства, помогающія развитію организма мыслей, — условіе едвали удобоисполнимое. Тамъ, гдѣ ищутъ образованности, тамъ гдѣ Вѣра сама помогаетъ просвѣщенію, трудно не возникнуть къ степенному самомыслію. Тамъ и покорять вѣрѣ умъ, возникшій

къ такой свободѣ, не иначе уже должно, какъ раскрытіемъ чистаго философскаго взгляда на Религію, изложеніемъ всего запаса учености. Здѣсь уже нужно уму твердому, прошедшему весь періодъ изыскательности, низойти въ кругъ мыслей только еще образующихся, уяснить ихъ направленіе, показать несообразность сомнѣнія, всецѣло проведеннаго, и вести къ убѣжденію путемъ изысканій, а не предписаній своеличныхъ.(*) — Гдѣ нѣтъ такихъ мужей довольно зрѣлыхъ для того, чтобы руководить другихъ къ зрѣлости высшей: намъ въ твердой увѣренности, что истинное всегда побораетъ, гораздо лучше предоставить умъ самому себѣ. Мѣры, не со всѣмъ нужнымъ соображеніемъ взятыя въ дѣлѣ важномъ, могутъ больше повредить его ходу. — Противные елементы старой увѣренности и новаго убѣжденія всегда будутъ бороться, и чѣмъ откровеннѣе выступаютъ въ своей противоположности, тѣмъ ближе примиреніе. Лучшія слѣдствія сей борьбы можетъ предуготовлять

(*) Прекрасный отечественый образецъ учебнаго возведенія сомнѣвающихся къ основательному убѣжденію въ нашемъ православіи имѣемъ мы въ *Разговорѣ между испытующимъ и увѣреннымъ.*

полько здравая Философія! Ибо Философія, сама развившись на вѣрѣ въ свою очередь, какъ бы въ благодарность развиваетъ истины и утверждаетъ важность Вѣры!— Не напрасно новѣйшіе иностранные Богословы утвержденія вѣры между образованными ожидаютъ только на пути ученыхъ изслѣдованій!—

89. Вообще можно замѣтить, что противоположность, въ какую обыкновенно поставляютъ Философію и вѣру, болѣе кажущаяся, нежели дѣйствительная. Мы не хотимъ симъ превращать одной изъ нихъ въ другую: но можемъ замѣтить, что какъ въ Религіи, такъ и въ Философіи цѣль одна: указать человѣку истину, поставить его въ надлежащій образъ бытія и дѣйствованія среди сего міра, въ который призвала его Вина всякой жизни; — разность между ними только въ путяхъ, коими онѣ ведутъ человѣка къ знанію истиннаго. Сообщая истинное, Философія открываетъ и основанія, на которымъ извѣстная мысль должна быть признана за вѣрную. Она вводитъ всякаго самаго въ тайну рожденія сей мысли, указуетъ, какъ она произникаетъ изъ началъ своихъ, усиливается соприкосновеніемъ съ другими мыслями и возрастетъ до ясности неотрицаемой.

Развитое сознаніе своихъ убѣжденій, къ коему устремляетъ и возноситъ Философія, не можетъ передавать истинное иначе, — развѣ приспособляясь къ недозрѣлости лицъ, должна иногда сообщить истинное въ видѣ положенія! — Памятники вѣры передаютъ истины не языкомъ изысканія, не всегда и съ раскрытіемъ ихъ основаній, съ учебнымъ подтвержденіемъ ихъ непреложности, но языкомъ живаго убѣжденія. Въ органахъ откровенія истинныя мысли возникаютъ таинственно, не иначе могутъ и передаваться. Вѣра всегда ближе къ общему, простому смыслу человѣческому, какъ все чисто человѣческое необходимо должно болѣе или менѣе съ нимъ сближаться. И Философія не хочетъ итти врозь съ симъ общимъ смысломъ, но усиливается только вознестись на точку высшую, на точку развитаго сознанія своихъ убѣжденій. — Теперь какъ развитое сознаніе не можетъ быть въ прямой противоположности съ сознаніемъ неразвитымъ, или выспренне настроеннымъ: то и между Философіею и Религіею раздѣленія полагаемо быть не должно. Изъ двухъ путей, коими можно восходить къ разумѣнію своихъ нормальныхъ отношеній, всегда мо-

жно избирать тотъ или другой по настроенію своего духа, но исключительно однимъ которымъ либо довольствоваться невозможно. — Философія при всемъ убѣжденіи въ твердости своего хода къ истинному, не можетъ укорять въ усвоеніи сего же истиннаго вѣрою; ни тотъ, кто быстро, но довѣріемъ только вознесся на горнюю высоту чисто человѣческаго Боговѣдѣнія, не можетъ уничижать другихъ въ медленномъ восхожденіи къ подобному только самостоятельному разкрытію своей человѣческости. — Это на той и на другой сторонѣ показывалобы нетерпѣливую кичливость.

90. Не рѣдко правда взносили на Философію укоризну въ тайномъ или явномъ испроверженіи истинъ вѣры: но подобныя обвиненія сколь ни часто повторялись, не всегда были основательны. Ибо всегда происходили изъ превратнаго понятія о настроеніи умственныхъ способностей человѣка, и самодовольнаго взгляда на составленный у себя запасъ познаній и представленій. — Съ уничижительнымъ понятіемъ объ умѣ человѣческомъ, о благонамѣренности изслѣдованій независимыхъ можно въ самомъ дѣлѣ опасаться за слѣд-

ствія изысканій философскихъ. Но если умъ человѣческій не льзя считать стокомъ заблужденій и сердце вмѣстилищемъ злыхъ намѣреній: то опасенія совершеннаго раздѣленія ума съ вѣрою совершенно напрасны, и изслѣдованій философскихъ на одномъ семъ основаніи воспрещать не возможно и не должно. Нельзя же представить себѣ, чтобъ умъ человѣческій, получивъ отъ природы особую организацію, не имѣлъ собственной нормы своимъ дѣйствіямъ. Если же такъ: то онъ всегда будетъ стремиться къ проявленію сей нормы; и безъ особенной нужды останавливать его стремленіе къ сему значилобы идти противъ призыванія природы.—Въ развитіи къ совершенству остается только споспѣшествовать уму, если можно; или уже предоставить его совершенно самому себѣ, позволяя дѣйствовать по природному влеченію.

Всякой долженъ согласиться, что истинная вѣра и нормальное развитіе мыслей человѣческихъ должны сойтись между собою. Ибо судя по важности истинъ вѣры и вообще взятой, можно быть строго увѣрену, что умъ приближившись къ нормѣ своихъ представленій, не отвергнетъ истинъ, всюду для него дра-

гоцѣнныхъ и необходимыхъ; напрошивъ еще признаетъ всю недосязаемость и все величіе, превосходство вѣщаній религіознаго чувства. Какое прекрасное явленіе и какъ благословенны плоды его, когда умъ человѣческій послѣ независимаго (отъ пѣстуна вѣры) изслѣдованія самъ доходитъ до тѣхъ же истинъ, какія вѣщаетъ ему вѣра, или утомленный нерѣшительными выводами своихъ изысканій, повергается въ объятія Откровенія! Вѣра только можетъ ликовать при такомъ торжествѣ ея вѣщаній. — Послѣ сего воспрещать уму подниматься самодѣятельно до высокихъ истинъ вѣры, значитъ идти противъ величія самой сей вѣры! Положимъ даже, что умъ нашъ въ первыхъ пріемахъ самостоятельной дѣятельности можетъ на нѣсколько времени какъ бы раздѣляться съ вѣрою; но это отнюдъ не на всегда, да и вѣра отъ сего не теряетъ; а что еще важнѣе, самъ человѣкъ по закону своего развитія не можетъ же прямо безъ предварительно слабаго или и ошибочнаго употребленія силъ развить все ихъ совершенство. Младенецъ не можетъ ходить мужемъ, потерпите, доколѣ сіе дитя падаетъ; и оно — со временемъ будетъ стоять твердо, ходить бодро! Съ другой сто-

роны и довѣрчивость вѣры къ собственной непреоборимости и важность убѣжденія съ сознаніемъ требуютъ, чтобъ изысканія философскія воспрещаемы не были. — Сознаніе проясненное, какъ мы видѣли, есть верхъ развитія чисто человѣческаго. А Философія истинная никогда не пойдетъ противъ вѣры истинной!

91. Да и что можетъ нерасполагать къ изслѣдованіямъ философскимъ? — Это — или непомѣрная острота ума, для которой не довольно связны и удовлетворительны самыя основательныя изысканія, которая ссй часъ раздружается съ мыслями, какъ скоро примѣчаетъ въ нихъ и неотвратимый недостатокъ доказательствъ, предъ которой слѣд. могутъ стоять только мысли, утвержденныя горнимъ авторитетомъ. Или это просподушная увѣренность въ извѣстной системѣ мыслей, увѣренность, для которой всякая мысль сколько нибудь разнящаяся съ нею кажется заблужденіемъ, и заблужденіемъ опаснымъ. Умамъ сего рода надлежалобъ только помнить, что не всегда можно и должно рѣшительно то называть безосновнымъ или заблужденіемъ, что намъ кажется зыбкимъ или заблужденіемъ, что подобный образъ мы-

слей предполагаетъ, — съ одной стороны тайное вѣрованіе въ собственную непогрѣшительность, свойственную одному Божеству, съ другой обличаетъ мнѣніе, будто въ нашемъ умственномъ настроеніи нѣтъ никакихъ законовъ. Но истинное можетъ заключаться и не въ одномъ положительномъ, въ извѣстное время утвердившемся. Нашъ разумъ не столько слабъ, чтобъ не прозирать мыслей основательныхъ, и не столько далекъ отъ истиннаго, какъ обыкновенно себѣ представляютъ! —

Так. обр. на изысканія философскія и на систему истинъ вѣры (*) можно и должно смотрѣть какъ на двѣ отличныя, но не отдѣльныя области, въ коихъ обѣихъ умъ человѣческій можетъ находить истину, съ тою только разностію, что въ послѣдней восхожденіе его къ вѣрному будетъ хотя поспѣшнѣе, за то не столь отчетливо, не столь развязно, само истинное не всегда можетъ быть довольно чисто; въ первыхъ восхожденіе къ истинѣ будетъ медлен-

(*) Едва ли для благонамѣренныхъ и образованныхъ нужно здѣсь замѣчаніе, что подъ вѣрою здѣсь разумѣется не опредѣленная какая либо, но всякая извѣстная по Исторіи. —

нѣе, за то убѣжденіе въ истинномъ будетъ если не тверже, то отчетливѣе усиліе открыть его самодѣйственнѣе. —

Право Философіи на отдѣльную собственную жизнь.

92. Правда пустымъ своимъ Философія только медленно восходитъ къ своей цѣли, вполнѣ уразумѣть истину: но сіе обстоятельство недостаточно къ тому, чтобы на основаніи его можно было пренебрегать, а еще меньше подавлять въ другихъ дѣло философствованія. — Хотябы Философія вовсе не успѣвала въ рѣшеніи главнѣйшихъ задачъ нашего вѣдѣнія, и тогда не должна быть оставлена: потому что основаніе бывшія вещей и дѣйствій окончательное лежитъ не въ ихъ успѣхѣ, не въ совершенствѣ ихъ проявленія, но гораздо глубже — въ потребностяхъ существъ, оныя производящихъ. Мы видѣли уже, что Философія есть необходимое и естественное произведеніе нашей разумности; видѣли, что нѣтъ достаточнаго основанія отвергать ея изслѣдованія при всемъ владычествѣ вѣры; увидимъ, что умъ — основникъ Философіи — не только не противорѣчитъ вѣрѣ, но наконецъ долженъ совершенно

сойтись съ нею; — такіе моменты, которые достаточно показываютъ, что изыскательность философская не должна быть лишена бытія своего. Всякую вещь тогда только устраняютъ и въ правѣ устранить, когда она не улегается въ ряду вещей, ее окружающихъ, когда она не согласуется съ порядкомъ существъ или событій, среди коихъ должна имѣть или получить свое мѣсто. Что можетъ жить, не мѣшая величавому проявленію жизни вообще, то должно жить. —

Но одна сія умѣстимость въ ряду другихъ явленій не открываетъ еще всѣхъ правъ и преимуществъ, на какія можетъ объявлять притязаніе философская изыскательность; она говоритъ только, что Философія можетъ и должна быть терпима. Другія основанія покажутъ, что она должна быть воздѣлываема, что самостоятельныя изслѣдованія должны быть поддерживаемы, оживляемы. Въ самомъ дѣлѣ, если гдѣ открывается величіе и торжество ума человѣческаго то именно въ его стремленіи къ вѣдѣнію законченному — въ Философіи, въ его усиліяхъ пройти всю область, уступленную мышленію человѣческому, осмотрѣть всѣ ея крайности, заглянуть за самыя ея предѣ-

лы въ глубь недоступнаго мрака, раскрыть всю пользу, какую можно извлекать изъ усматриваемаго въ своей области, словомъ — завершить свое разумѣніе. Если гдѣ человѣчество собственно понимаетъ само себя, если гдѣ яснѣе можетъ постигать оно все величіе своего назначенія, уразумѣвать высоту своей природы: то именно въ философскихъ изслѣдованіяхъ. Положимъ, что опѣ не вдругъ приносятъ сіи благословенные плоды, положимъ, что нѣкоторые Философы, поднимаясь на сію высоту умозрѣній являются кометами, незнающими себѣ твердыхъ путей, или зловѣщими звѣздами, которыя озаряютъ яркимъ свѣтомъ путь своего паденія: все можно еще смѣло спросить имѣющихъ сдѣлать подобное возраженіе: развѣ въ другихъ наукахъ умъ человѣческій не обнаруживалъ подобныхъ слабостей. — Если же такъ: то должно и то еще взять во вниманіе, что паденія ума философствующаго усматриваются яснѣе именно по причинѣ той высоты, на которую желаетъ вознестись Философія, и того свѣта, какой она разливаетъ на весь горизонтъ нашихъ познаній! Философія хочетъ какъ бы срѣтить Божество, въ свѣтозарномъ величіи

изходящее изъ своего невечерняго свѣта воззвать къ жизни не-сущее, желаетъ радостно привѣтствовать исходъ Его, зрѣть дивное проліяніе жизни во вселенную, и устроеніе силъ ея и отношеній. Кто изъ уваженія къ сей высокой мысли постигнуть откровеніе Божества во вселенной, особенно въ человѣчествѣ, не отвратитъ взоровъ отъ человѣческой слабости, не могшей однимъ взоромъ проникнуть всю глубину мірозданія, однимъ взглядомъ обнять всѣ моменты, весь чертежъ бытія? — Само человѣчество даже при малой надеждѣ на успѣхъ, по величію одной цѣли, должно было бы выставить даровитѣйшихъ недѣлимыхъ на сіе многотрудное поприще, по крайней мѣрѣ для испытанія силъ; должно было бы воспитать, приготовить для сего умы надежные, дать имъ всѣ пособія. И мѣлкія общества не рѣдко жертвуютъ благороднѣйшими изъ себя лицами для достиженія цѣлей возвышенныхъ: поддержанія и возвышенія своего величія. — Познаніе себя, разумѣніе жизни вселенной есть верхъ дѣятельности намъ естественной, разумѣнія человѣческаго!—

Уничтожьте Философію вы не замѣните ее никакими другими науками: ибо никакое другое

проявленіе нашей разумности не можетъ сдѣлать ненужною Философію. Та высота соображеній, окидывающая однимъ взглядомъ всю совокупность бытія, всю постепенность событій; то устремленіе къ идеальному, правильно человѣческому развитію мыслей, столь очевидное въ изысканіяхъ философскихъ, совершенно отличаетъ науку Философіи отъ всѣхъ другихъ работъ умственныхъ; тѣсно связуетъ ее съ неотрицаемою дѣйственностію самаго разума. Разумъ и Философія столь тѣсно связаны между собою, что уступивъ бытіе и признавъ важность одного, надобно будетъ допустить бытіе и важность и другой. — Вѣра помогаетъ только разуму, но не творитъ его.

93. Заключимъ наше оправданіе отдѣльной самостоятельной жизни Философіи въ ряду прочихъ отраслей человѣческаго вѣдѣнія. Кто изысканія умозрительныя считаетъ законченными: тотъ, должно быть, не понялъ всей высоты задачъ ума человѣческаго, не ознакомился хорошо съ стремленіемъ къ полному вѣдѣнію, и съ трудностями возхожденія къ сему вѣдѣнію. — Кто готовъ принимать извѣстныя мысли и вышшія одною вѣрою:

топъ по крайнѣй мѣрѣ не долженъ препятствовать другимъ увѣряться въ нихъ изслѣдованіемъ. Не всѣ получаютъ отъ природы одинаковое настроеніе умовъ, одинаковую крѣпость духовныхъ силъ. Не всѣ слѣд. призываются къ разумнымъ убѣжденіямъ путемъ одинаковымъ. Дѣло только въ томъ, чтобы идущій однимъ путемъ къ истинѣ не выдавалъ сей путь единственно вѣрнымъ, не осуждалъ по настроенію своей недѣлимой природы избирающихъ путь другой.— Довѣріе на извѣстной степени умственныхъ силъ и образованія, дѣйствительно хорошо: но само сіе довѣріе, если правильно понимаетъ свое направленіе, должно поддерживать и вызывать изысканія самодѣйственныя. Безъ нихъ оно лишилось бы необходимой опоры. Немощные не могутъ требовать, чтобъ бездѣйственны были сильные; въ свою очередь и крѣпкіе должны осторожнѣе дѣлать свои разысканія, должны угождать не однимъ своимъ порывамъ, но и приспособляться къ нуждамъ и вмѣстительности незрѣлыхъ. —

Отличительныя черты изслѣдованій философскихъ.

94. Такъ не всегда спокойно успѣвала Философія развивать свои силы, совершать свои отвлеченныя изысканія. Среди бореній должна она была итти къ своей цѣли.— Не иначе и быть могло, судя по коренному характеру и направленію ея изслѣдованій. Тогда какъ здѣсь, въ быту обыкновенномъ, все такъ окрѣпло, многое такъ неестественно и вмѣстѣ перемѣнно — Философія ищетъ постояннаго, осуждаетъ все неестественное, устремляетъ къ безпрерывному усовершенію. Какъ духъ человѣческій, чтобъ воспрянуть къ своей истинной жизни, долженъ высвободиться изъ подъ дѣйствія на него предметовъ внѣшнихъ, мыслію стать выше ихъ: — такъ и Философія, какъ вышшее развитіе мысли, саморазумѣніе духа человѣческаго, должна по коренному своему требованію становиться выше всего предметнаго и своеличнаго. Но сіе-то стремленіе къ отрѣшенности необходимо и поставляетъ ее въ борьбу, какъ бы въ брань съ тѣмъ, что здѣсь утвердилось въ быту общемъ. Не то это значитъ, чтобы здравая Философія усиливалась испровергнуть все по-

ложительное; она очень знаетъ, что въ быту обыкновенномъ оно необходимо. Но само это положительное, не всегда правильно понимая и обсуживая свое назначеніе и значеніе, усиливалось иногда покорить подъ свой законъ косности и то, что можетъ и должно быть оставлено неприкосновеннымъ, — хотя на оборотъ не льзя не замѣтить и того, что сама Философія, въ нѣкоторыхъ проявленіяхъ не совсѣмъ возникая къ прямому сознанію своего характера, возставала противъ того, что по всей справедливости должно быть уважено.—

Какія бы впрочемъ по Исторіи ни вступали отношенія между бытомъ обыкновеннымъ и Философіею, — все коренной характеръ послѣдней есть именно *возвышенность надъ всѣми дѣйствительными, опытными.* — Не иначе и быть можетъ, если Философія должна какъ нибудь удовлетворить требованію задачъ своихъ.— Вопросы ея столь всеобъемлющи; высота, на какую надлежитъ ей вознестись для ихъ рѣшенія столь удаленна отъ зрѣнія обыкновеннаго, что надлежало бы укорить ее въ слабости, если бы она вздумала искать рѣшенія тѣхъ задачъ долу; можно бы подивиться, если бы она всегда и отъ всѣхъ

была въ чести и уваженіи. Не всѣ успѣваютъ вознестись къ той зрѣлости разумѣнія, на которой дорого цѣнятъ мысли, проливающія свѣтъ на весь составъ нашихъ познаній. Не всѣ слѣд. равно способны судить о пріемахъ и характерѣ, какіе необходимо должны быть позволены и допущены въ Философіи. — Въ Философіи все человѣчество какъ бы отдаетъ отчетъ самому себѣ, восходитъ въ самосвѣдѣнію; — не должна ли слѣд. она отрѣшаться отъ всего, что передаютъ намъ предметы и лица? Ибо и обыкновенное сознаніе произникаетъ не иначе, какъ когда человѣкъ, бывъ доселѣ подъ вліяніемъ предмета, выходитъ изъ подъ онаго, разсматриваетъ впечатлѣніе, какое произвелъ на его личность предметъ, и обсуживаетъ то состояніе, въ какомъ самая его личность была въ продолженіе его порабощенія предмету. Въ семъ актѣ обыкновеннаго сознанія человѣкъ высвобождается уже изъ подъ дѣйствія на него предмета, возносится выше и того спрадательнаго положенія, въ какомъ удерживало его доселѣ дѣйствіе предмета. — Такъ точно, и вышшее сознаніе цѣлаго человѣчества, совершающееся въ Философіи, по необходимости должно состоять въ отрѣшенности отъ все-

го предметнаго и субъективнаго, однимъ словомъ — предлежащаго намъ опытно. — Раскроемъ значеніе и необходимость характеристическихъ чертъ Философіи, выведенныхъ здѣсь, яснѣе. —

Произхожденіе, необходимость и существо Философской выспренности (transcendentalitas).

95. Первое характеристическое отличіе мы назовемъ *выспренностію*. Ею Философія возвышается надъ всѣмъ предметнымъ. — Эта черта совершенно необходима въ Философіи, какъ наукѣ, возводящей къ ясности сознанія.

Въ самомъ дѣлѣ, — когда человѣкъ образуетъ о предметѣ правильное понятіе, тогда ли, когда возносится мыслію надъ его различными проявленіями и опредѣляетъ по нимъ внутреннюю его природу, или когда находится подъ его вліяніемъ, проникаясь весь ощущеніемъ его дѣйствія на себя, не имѣетъ возможности вознестись выше своего положенія, образовать представленіе о предметѣ другое, нежели какое вынужденъ имѣть вліяніемъ самаго предмета? — Самый простой смыслъ не останавливается здѣсь долго въ сомнѣніи. Всѣ

увѣрены, что взгляды на предметы составляются вѣрнѣе тогда, когда мы, свободные отъ ихъ вліянія обсуживаемъ ихъ различныя стороны или проявленія. — Слѣд. безъ свободнаго соображенія составленныя представленія предметовъ и на простой точкѣ зрѣнія считаются уже недостаточными ихъ выраженіями: ибо въ нихъ обнаруживается только частное, относительное проявленіе предмета. Хотя сіе частное проявленіе предметовъ такъ же нѣкоторымъ образомъ основано на природѣ отношеній ихъ къ намъ: но все въ немъ не можетъ выражаться естественное представленіе сихъ предметовъ безъ примѣси своеличнаго чувства. — Между тѣмъ, если нужно получить вѣрное понятіе о предметѣ: мы должны смотрѣть не какъ онъ является намъ въ призмѣ воззрѣній субъективныхъ — но въ его собственной природѣ; должны возникнуть къ свободѣ изъ подъ его вліянія. Чѣмъ теперь обширнѣе число пердметовъ, природу которыхъ должны мы проникнуть своимъ разумѣніемъ; тѣмъ большая нужна выспренность для ихъ покоренія сознанію. Въ семъ смыслѣ Философія есть только вышшее и какъ бы

заключительное отдѣленіе нашей мысли отъ предметовъ. —

Спуститесь, если вы когда либо поднимались на высоту умозрительную, спуститесь въ кругъ предметовъ частныхъ: что вы находите здѣсь? — чистый хаосъ, если захотите составить понятіе опредѣленное и отстраните изъ ума своего общее представленіе, составленное вами прежде путемъ обобщенія. Такъ и представляются предметы въ глазахъ дитяти. Каждый предметъ дѣйствуетъ на неразвитое сознаніе отдѣльно; одно впечатлѣніе смѣняетъ другое, и конецъ всѣхъ сихъ смѣнъ — одно утомленіе, усыпленіе. Не такъ бываетъ, когда умъ воспрядаетъ къ свободнѣйшей дѣятельности; здѣсь уже начинаетъ представленіе, образованное однимъ предметомъ, поставляться въ соотношеніе съ другимъ; — что это значитъ? — то, что человѣкъ начинаетъ уже отрѣшаться отъ предметовъ, вращать въ умѣ своемъ какъ бы самыми предметами, а собственно говоря, представленіями, на которыя онъ успѣлъ перевесть предметы. — Здѣсь уже слѣд. предметъ переходитъ какъ бы во власть ума. — Но, что здѣсь совершается въ маломъ видѣ — въ Философіи совершается

въ большомъ. Что для ума возникшаго къ небольшой самодѣйственности частныя представленія нѣсколька предметовъ: то для философскаго ума — весь объемъ частныхъ системъ предметовъ. Какъ по обозрѣніи всѣхъ частныхъ проявленій одного предмета мы усиливаемся составить объ немъ опредѣленное цѣльное понятіе: такъ умъ философствующій не можетъ останавливаться на частныхъ изложеніяхъ дѣйствительнаго, ибо долженъ образовать себѣ понятіе объ образѣ бытія всего сущаго. Это — его отрѣшенность отъ предметнаго, выспренность. Основаніе и источникъ ея лежитъ въ томъ, что умъ не довольствуясь тѣмъ, что даетъ видѣть опытъ, усиливается проникнуть внутреннюю жизнь всего бытнаго, открыть тѣ представленія, которыя разрѣшаютъ загадку всякаго бытія, или разливаютъ свѣтъ на природу и законы нашихъ познаній и дѣйствій. Ею только Философъ и можетъ проразумѣвать значеніе частнаго во всей цѣлости бытія, и так. обр. возсоздавать въ мысляхъ своихъ истинную систему природы. —

Хотя образчикъ подобной выспренности встрѣчается и въ изысканіяхъ природы физическихъ: но это только слабый оттѣнокъ

того вращанія мыслей, которое должно совершаться въ головѣ Философа, когда онъ приводитъ въ умѣ своемъ въ движеніе всѣ пружины, дѣйствующія въ мірѣ, чтобъ узнать, дадутъ ли онѣ въ извѣстномъ сочетаніи то образованіе міра, какое предполагаетъ онъ произвесть въ своемъ объясненіи. Выспренности философской не достигнетъ никакая Физика, не превращаясь въ Философію Природы.—

96. Впрочемъ сія отрѣшенность, какъ и изъ сказаннаго можно уже видѣть, отнюдь не есть всецѣлое раздѣленіе съ дѣйствительнымъ, по которому бы Философія могла произвольно утверждать извѣстныя мысли, нисколько не безпокоясь о томъ, будутъ ли онѣ согласны съ жизнію предметовъ; или - была въ правѣ осуждать все положительное, предписывая законы, на которыя природа не представляетъ никакихъ основаній. Мы и прежде уже замѣчали, что дѣло Философіи объяснить жизнь природы; что сіи объясненія тогда только могутъ быть признаны вѣрными, когда согласуются съ бытомъ дѣйствительнымъ. И требуемая здѣсь отрѣшенность Философіи въ своихъ объясненіяхъ природы отъ предметнаго

никакъ не противорѣчитъ тому согласію съ природою, какое должна поставлять для себя закономъ всякая Философія. Какую пользу приносила бы Философія, когда бы ея взгляды были одни призраки нашего воображенія, коимъ ничто не отвѣчало бы въ дѣйствительности? Такіе призраки, какъ ни искусно будь они обдѣланы и благовидно представлены, никакъ не суть удовлетворительныя рѣшенія задачъ Философіи. Отрѣшенность Философіи отъ предметнаго есть нѣкотораго рода несвязанность частичнымъ, единичнымъ. Почти вся и трудность философскихъ изысканій въ томъ состоитъ, что въ нихъ должно открыть законы и процессъ жизни цѣлаго міра, тогда какъ наши познанія дѣйствительнаго вводятъ насъ въ разумѣніе жизни только ограниченнаго числа предметовъ. Всякой согласится, что отъ жизни нѣсколька предметовъ перейти къ жизни цѣлаго міра,— задача довольно нелегкая, особенно когда переходъ сей долженъ быть совершенъ со всею осторожностію, и въ немъ должно угадать выбрать на маломъ числѣ предметовъ тѣ черты, которыя принадлежатъ всему цѣлому. Правда и въ маломъ объемѣ предметовъ, который подлежитъ ближайшему

нашему разумѣнію, не можетъ не быть намѣковъ на природу жизни всеобщей; и въ нихъ должны отражаться и дѣйствовать законы всеобщіе, и онѣ должны имѣть участіе въ жизни цѣлаго. Но въ единичномъ усмотрѣть цѣлое,— въ его природѣ и законахъ отличить то, что принадлежитъ собственно частному и что господствуетъ всюду — можно не иначе, какъ при большемъ знакомствѣ съ сего рода предметами, и еще болѣе, при большей свободѣ соображенія.

97. Отъ обыкновенныхъ законовъ и частныхъ проявленій предметовъ по опыту-вознесшись до отличенія въ нихъ процесса жизни всеобщей въ самомъ дѣлѣ есть такое предпріятіе, которое требуетъ значительной свободы духа.— Его почти не возможно было бы и совершать успѣшно, если бы въ умѣ нашемъ не было извѣстнаго настроенія для правильнаго разумѣнія природы, или если бы въ развитіи мыслей не льзя было отличить нѣсколько такихъ представленій, которыя объемлютъ собою всю совокупность сущаго, и разливаютъ значительный свѣтъ на бытъ цѣлаго міра. Ибо только посредствомъ сихъ представленій умъ успѣваетъ становиться на ту точку зрѣнія на пред-

мепы, на которой какъ бы изчезаетъ изъ виду вся дробность существующаго, и зрится одно всеобщее.— Только на основаніи сихъ идей умъ нашъ — можетъ проразумѣвать образъ бытія цѣлаго міра при всѣхъ слабыхъ намѣкахъ на сей образъ, какіе даетъ жизнь предметовъ, взятыхъ почастно. Если бы мы не имѣли въ себѣ способности проразумѣвать связь событій и переходные моменты въ ряду явленій: мы не могли бы предпринимать никакихъ разысканій о проявленіяхъ всякой жизни. Но мы отъ природы получили способность, не только при видѣ всякаго явленія или событія спрашивать, что подъ ними таится, что въ нихъ выражено, предполагать и отыскивать сокровенное ихъ значеніе,— но и восполнять звенья, недостающія между двумя точками явленія, стоящими въ примѣтной или и тайной связи между собою; еще болѣе: проразумѣвать образъ, какимъ извѣстное явленіе могло составиться, угадывать моменты, которые необходимо должны были дѣйствовать для его образованія, открывать условія, при которыхъ однѣхъ оно необходимо могло произникнуть. Подобная способность проразумѣнія оказывается уже и въ мѣлкихъ усиліяхъ

объяснишь событія или произвести явленія извѣстныя. Философскія построенія, или разъясненія природы суть только болѣе обширный и болѣе смѣлый пріемъ сего свободнаго разумѣнія былеваго. Какъ въ разумѣніи опытнаго частнаго, умъ нашъ не останавливается на однихъ данныхъ, но усиливается подсмотрѣть въ нихъ умозримое, дополнить его дѣйствительность силами, предваритльно дѣйствовавшими и условіями, сокровенно только вшекающими въ бытъ явленія. Такъ и въ объясненіи жизни цѣлой природы вся внѣшняя сторона явленій лежитъ передъ нами: но для удовлетворенія вышшей жаждѣ своего ума, мы должны проникнуть внутреннія пружины ихъ движущія, угадать всеобщіе, непреложные законы, въ нихъ господствующіе. И стоитъ только вникнуть ближе въ ходъ подобныхъ разъясненій въ наукахъ физическихъ и въ попыткахъ математическихъ чтобъ увѣриться, что въ подобныхъ построеніяхъ природы — человѣка не столько уже наставляетъ сама внѣшность явленій (хотя и она здѣсь остается не безъ вліянія на умъ), сколько самъ умъ свободнымъ соображеніемъ восполняетъ моменты нужные, но недоста-

ющіе, построиваетъ мысленно событія, лежащія въ видѣ уже образованномъ. Въ семъ дѣлѣ мысль наша, какъ живописворный духъ носится надъ разложенными и изолированными началами и своею силою вводя ихъ въ тѣсное сочетаніе, созидаетъ природу въ томъ величественный видъ, какой дала ей рука Творческая.

Так. обр. возвышенность ума надъ дѣйствительнымъ столь необходимая въ построеніяхъ природы философскихъ, отнюдь не даетъ той мысли, чтобъ Философія могла въ слѣдствіяхъ своихъ совершенно расходиться съ симъ дѣйствительнымъ, вовсе неуважать его. — Ея задача — дойти до дѣйствительнаго!— Какъ въ разъясненіи частностей бытнаго наши гаданія не суть однѣ уклоненія отъ дѣйствительнаго, но вмѣстѣ и вѣрныя его истолкованія: такъ и въ изъясненіяхъ природы философскихъ, умъ, возвышаясь надъ всѣмъ дѣйствительнымъ, всегда можетъ болѣе или менѣе вѣрно уразумѣть внутреннія его начала, и въ мысленномъ построеніи сблизиться съ жизнію, какъ она есть на самомъ дѣлѣ.— Частичность предметнаго и согласіе въ выводахъ съ природою — составляютъ для Фи-

лософіи какъ бы какія узы: но въ самыхъ сихъ узахъ Философія можетъ и должна дѣйствовать со всею свободою. Сіи узы не больше должны быть для нее, какъ двѣ границы ея поприща, между которыми она должна развить все богатство силъ умственныхъ. Сама природа облегчила для насъ философское разумѣніе жизни цѣлаго, предоставивъ нашему взору возможность обнимать собою вдругъ нѣсколько предметовъ, и уму давъ способность совокуплять въ одинъ очеркъ, въ одно понятіе, что живитъ какъ бы всѣ недѣлимыя. Послѣ чего нужна только со стороны самаго ума нѣкоторая несвязанность, — по которой не боязливо отдѣляются отъ предмета частнаго, безъ робости пускаются въ глубь общаго.

Постепенное развитіе и необходимость самостоятельности въ Философіи.

98. Что сказать о другой отличительной чертѣ философскихъ изслѣдованій — отрѣшенности отъ утвержденнаго лицами — положительнаго, или, какъ назовемъ сію черту, *самостоятельности?* — То, что и она, хотя съ большею неуступчивостію позволяютъ и терпятъ ее въ Философіи, тѣмъ не менѣе столько же, если еще не болѣе въ ней необходи-

ма.— По ней умъ философствующій усиливается составить такіе взгляды на жизнь природы, основаніе которыхъ находится только въ необходимомъ во всякое время и естественномъ для него образѣ воззрѣнія на природу бытнаго. Когда умъ возникаетъ къ философскимъ соображеніямъ, онъ примѣчаетъ, что онъ самъ собою можетъ открывать многое вѣрное, что досель не было сообщено ему; усматриваетъ, что во многихъ случаяхъ можно, а иногда и необходимо должно, судить иначе, нежели какъ судили другіе, какъ предано, утверждено. Больше и больше упражняясь въ мышленіи, больше и больше упрѣпляясь въ силахъ, — умъ скоро дерзаетъ на болѣе смѣлое раздѣленіе съ положительнымъ. Конечно подобная рѣшимость можетъ приходить очень не во время, когда умъ еще не получилъ довольно силъ, чтобъ свободно возвыситься до тогоже, до чего вознесъ прежде разумный инстинктъ и творческая свобода фантазіи. Но сіи попытки не суть и конецъ Философіи; въ нихъ она только выступаетъ на среду, становится въ раздѣленіе съ утвердившимся образомъ мыслей, возникаетъ только къ самостоятельному бытію. Составившаяся

однажды задача — свободно, не по стороннимъ опредѣленіямъ смотрѣть на все былевое — не можетъ быть оставлена. Мысль дотолѣ будетъ трудиться, дѣйствовать и страдать, доколѣ не рѣшитъ своей задачи вполнѣ, — не составитъ на все собственнаго взгляда. Какъ все бытное, какъ всякое дѣйствіе, философствованіе будетъ больше и больше развиваться, время отъ время — удачнѣе мѣрять свои силы съ хилымъ дѣйствительнымъ, доколѣ не вошедъ въ періодъ полнаго сознанія законовъ своего развитія, усмотритъ историческую необходимость того самаго, что доселѣ оставалось для него загадкою, казалось превратнымъ. — Въ обществѣ благоустроенномъ, тамъ гдѣ стройно развиваютъ свои силы всѣ отрасли познаній, подобное возникновеніе мысли къ самостоятельности очень можетъ быть допущено. Тамъ вѣрные выводы другихъ наукъ всегда будутъ держать сильный перевѣсъ противъ дерзновенныхъ порывовъ ума мужающаго.

99. Мы не враги всего утвержденнаго въ обществахъ человѣческихъ; — очень знаемъ, что многія условныя соотношенія въ сихъ обществахъ должны остаться неприкосновенными; увѣрены, что во многомъ положительномъ

есть яркіе слѣды разумности; что иногда нужно только возникнуть къ полному самосвѣденію, чтобъ убѣдиться, что извѣстное положительное есть довольно вѣрное отраженіе идей разума: но какъ служители науки не можемъ не подтвердить, что самостоятельность въ мысляхъ есть необходимый характеръ философствованія; что Философія тогда только успѣетъ возникнуть къ совершенію въ себѣ самой, когда вполнѣ проведетъ, выдержитъ сей характеръ. Ея полной самоотчетливости никогда не совершится, доколѣ она будетъ слишкомъ привязываться ко всему положительному, субъективному. — Мы уже и прежде замѣтили, что въ Философіи совершается нѣкоторымъ образомъ самосознаніе ума цѣлаго человѣчества. Теперь, какъ въ обыкновенномъ частномъ сознаніи духъ нашъ, не только отдѣляетъ себя отъ тѣхъ предметовъ, которые на него воздѣйствовали, но выникаетъ какъ бы и изъ собственныхъ поступковъ, отдѣляетъ себя отъ представленій, составленныхъ подъ вліяніемъ тѣхъ предметовъ. Такъ и въ Философіи, умъ возникая къ самоотчетливости, долженъ нѣкоторымъ образомъ отдѣлиться отъ понятій, доселѣ надъ нимъ

властвовавшихъ, поставить себя на нѣкоторое отъ нихъ отдаленіе, на которомъ можно свободнѣе обсуживать ихъ, яснѣе видѣть ихъ природу. Какъ для вѣрности сужденія, для ясности различенія предметовъ чувственныхъ нужно извѣстное отдаленіе ихъ отъ нашего глаза: такъ и для вѣрности сужденія о своихъ ли поступкахъ, или о своихъ убѣжденіяхъ доселѣшнихъ, нужно нѣкоторое разстояніе отъ нихъ. Въ жару дѣйствія не судятъ вѣрно о поступкахъ; ими заняты; равно не можетъ быть довольно вѣренъ судъ о своихъ убѣжденіяхъ, совершаемый въ ихъ области, на точкѣ зрѣнія старой. Очевидно, что въ Философіи, которая усиливается проникнуть къ самому вѣрному взгляду и на наши дѣйствія и на наши мнѣнія о мірѣ, нужна нѣкотораго рода независимость отъ того круга мыслей, изъ котораго мы возникли къ философствованію. — Во всѣхъ наукахъ самостоятельность взгляда на доселѣшнее развитіе ихъ свѣдѣній есть необходимое требованіе; всѣ науки преуспѣваютъ только посредствомъ самостоятельной обработки мужей различныхъ по умственнымъ способностямъ и взглядамъ. Самостоятельность въ мысляхъ есть первое

предписаніе, какое даетъ Логика, руководя къ очищенію мыслей. Если Философіи не столько позволяютъ или прощаютъ подобную самостоятельность: то именно потому, что по обширности обзоровъ философскихъ и дѣйствіе подобной самостоятельности оказывается обширнѣе, спрашиватъ ненавыкшихъ къ послѣдовательности въ мышленіи, къ свободному вращанію своими представленіями. Впрочемъ сіи страхи совершенно напрасны, какъ по тому, что сія отрѣшенность есть болѣе кажущаяся, нежели дѣйствительная; ибо отрѣшаешся не для того, чтобъ совершенно раздѣлиться, но только для того, чтобъ войти въ туже увѣренность съ большимъ сознаніемъ ея основательности; такъ и потому, что самое смѣлое вращаніе понятіями не можетъ отвергнуть все положительное. Самая природа и произхожденіе положительнаго, и подобостраетное уваженіе здравой Философіи даже къ полуистинному не оставляютъ въ семъ никакаго сомнѣнія. Положительное можетъ только нѣсколько подлежать измѣненію; сами люди по временамъ чувствуютъ нужду подобныхъ измѣненій, и совершаютъ ихъ.—Философія въ семъ отношеніи можетъ только служить

руководствомъ къ развитію сей нужды, и открытію способовъ лучшаго ей удовлетворенія.—

Природа положительнаго въ ея отношеніяхъ къ Философіи.

100. Во всемъ положительномъ, какъ произникшемъ изъ сознанія человѣческаго, прошедшемъ чрезъ мысленную дѣятельность субъекта подъ дѣйствіемъ предметовъ или отношеній, можно отличить два элемента: одинъ неподвижный, который всегда можетъ и долженъ остаться, какъ одолженный своимъ произхожденіемъ естественному дѣйствію предметовъ на мысль, непомраченному неискусствомъ или преухищреніемъ субъекта; другой безразличный, который привнесенъ личностію составившаго послѣ утвердившееся. Во всякомъ представленіи или положеніи можно предполагать нормальное совершенство, когда оно такъ чисто отливается, какъ должно отлиться при самомъ лучшемъ для принятія состояніи субъекта, при удобнѣйшемъ. къ усмотрѣнію положеніи предмета. Въ семъ идеальномъ совершенствѣ мысли въ ней не льзя было бы отличить перевѣса ни субъективности ни предметности. Но много ли подобныхъ представленій между нами?— Во всякомъ

положительномъ, какъ человѣческомъ, если не настоящее, то будущее откроетъ недостатки. Наши мысли и дѣйствія, а затѣмъ и наши опредѣленія, переходящія въ нѣчто твердое, суть плодъ не однѣхъ соображеній мысли подъ дѣйствіемъ предметовъ, но вмѣстѣ болѣе или менѣе и нашего частнаго настроенія, временнаго расположенія, даже обстоятельствъ иногда вовсе случайныхъ. Тотъ нормальный образъ сужденія не всегда достигается. Неготовость ума для правильнаго сужденія о предметѣ, а еще болѣе нецѣлое проявленіе предмета на временной дѣйствительности — необходимо воспящаютъ вѣрному отпечатлѣнію предметовъ въ душѣ нашей, замедляютъ и ревностное стремленіе благонамѣренности въ утвержденіи одного чисто естественнаго. — Послѣ сего отнимите у наукъ ихъ самостоятельность, воспретите уму подниматься выше того, что доселѣ утвердилось — что будетъ? Самъ умъ скоро примѣтитъ тягость подобнаго застоя! —

101. Субъективность, (назовемъ такъ недостатокъ, происходящій въ представленіи отъ состоянія и стремленій субъекта) или своеличность есть довольно нерѣдкій недостатокъ

нашихъ сужденій и рѣшеній. Она непримѣтно вкрадывается во всю систему нашихъ мыслей, болѣе или менѣе проникаетъ все положительное. Какъ не остерегайтесь, вы не всегда легко избѣжите своеличности въ сужденіяхъ: иначе ваши мысли имѣли бы божественное совершенство. Человѣкъ не вдругъ успѣваетъ вглядѣться въ предметъ, или принять его въ свое сознаніе въ видѣ его собственномъ. Предметность излишняя, о которой мы упомянули прежде, и перевѣсъ своеличности суть два коренные врага истинѣ. Первый преобладаетъ при младенчествѣ нашихъ силъ умственныхъ, въ самихъ ли себѣ или въ сравненіи съ предметомъ; послѣдній оказывается при недозрѣвшемъ развитіи ума, на той степени, на которой не пріучились еще строго отличать моменты, собственные природѣ предмета. Первый господствуетъ — во времена, когда человѣкъ водится только еще разумнымъ инстинктомъ; послѣдній — когда онъ уже дѣйствуетъ въ сферѣ развитія разсудка! — Теперь большая часть положительнаго идетъ къ намъ именно изъ сихъ степеней развитія.— Сообразите, сколько людей успѣло стать на эту степень умственнаго развитія, на кото-

рой проявляется умъ человѣческій во всей своей зрѣлости, созрѣваетъ въ разумъ? — Конечно довольно немного. Да и всегда ли положительное переводятъ въ жизнь лица сего рода? Человѣчество не можетъ еще похвалиться, чтобъ судьбою его управляли одни мудрецы, чуждые всякихъ ошибокъ. Непримѣтно только можетъ подвигаться впередъ его образованіе; изъ среды себя должно оно поставлять вождей и общими силами спремиться къ просвѣщенію умственныхъ своихъ взоровъ, къ зрѣлости мыслей, свергающей въ себя узы предметнаго. И Философія здѣсь принимаетъ только на себя дѣло всего человѣчества, когда со всею ревностію, и вмѣстѣ со всею осмотрительностію трудится надъ указаніемъ и исправленіемъ того, что въ нашемъ положительномъ примѣшалось субъективнаго. Пусть люди иногда гнѣваются на ея усилія: она можетъ быть увѣрена въ благодарности слѣдующихъ родовъ, радоваться сознаніемъ, что она возводитъ къ нравственной свободѣ человѣчество. Ибо познаете истину и истина свободитъ васъ: говоритъ небесная Премудрость. —

102. По самой цѣли своей Философія никогда не можетъ отказаться отъ усилій отдѣлять

въ своихъ опредѣленіяхъ всякую подобную примѣсь субъективную. Ея цѣль уяснить или высказать такія понятія и сужденія о цѣломъ мірѣ, къ какимъ даютъ основанія только самые предметы въ ихъ необходимомъ отношеніи къ намъ. Но если бы въ своихъ изысканіяхъ она поставила себѣ за правило необходимо и всецѣло сойтись съ извѣстнымъ образомъ мыслей: она моглабы подтвердить нѣчто не вполнѣ вѣрное. Здѣсь уже Философія нѣсколько уклонилась бы отъ первой своей цѣли утвердить истинное, — и ея задача былабы уже утвердить истинное не въ его наготтѣ, но въ извѣстной оболочкѣ. — Система подобнаго рода, если бы даже высказывала истину, непомрачая оной сею оболочкою, не имѣлабы характерической черты Философіи.— Частные и временные взгляды имѣютъ для Философіи и значеніе частное, временное; она должна усиливаться часъ отъ часу представлять истинное въ вѣрнѣйшемъ, собственномъ его видѣ.— Если уже нельзя усмотрѣть предметовъ внѣ всякой личности: все задача по крайней мѣрѣ остается собрать всѣ возможные взгляды на предметъ, и отдѣливъ, что въ нихъ перемѣнно и примѣшивается отъ лицъ, при-

нимающихъ предметы въ свое сознаніе, оставивши одно постоянное. Это будетъ то представленіе о предметѣ, какое мы можемъ составить осторожнѣе и назвать наиправильнѣйшимъ. Философія не къ какому другому можетъ усиливаться вознестись понятію о цѣлой совокупности предметовъ, какъ именно къ сему, сколько можно опрѣшенному отъ взгляда своеличнаго. —

103. Нужно ли подтверждать еще что для сей цѣли она должна уже не связываться никакого рода частными воззрѣніями на предметы, или на жизнь міра, или и на наше отношеніе къ Божеству. По необходимому условію для успѣшности своихъ предпріятій, Философія должна стоять выше всякихъ положительныхъ изложеній человѣческаго образа мыслей. Не то это значитъ, чтобы она могла или должна была уничижать всякій взглядъ, всякое мнѣніе, сообщенное извѣстнымъ лицемъ съ большимъ или меньшимъ требованіемъ на довѣріе. Напротивъ, она можетъ смѣло въ каждомъ изъ сихъ своеличныхъ изложеній жизни міра предполагать и указывать значительную часть истины: ибо всякій субъектъ болѣе или менѣе способенъ къ образованію

въ себѣ представленій правильныхъ. Но то значитъ, что съ одной стороны не всегда можно быть строго увѣрену, что извѣстный взглядъ на міръ и дѣйствованіе въ немъ Божества образованъ, какъ не льзя, совершеннѣе; для сего надобно, не связываясь и утвержденною важностію сего взгляда обсудить предварительно, произтекаетъ ли онъ изъ прямаго направленія ума, не есть ли плодъ только временнаго развитія мыслей; что въ немъ чисто человѣческаго. Извѣстно, что самые геніи во всѣхъ родахъ не свободны отъ ошибокъ, и не могутъ не носить печати своего времени и мѣста. А Философія ищетъ не приспособительныхъ объясненій бывшаго, а всеобщихъ, вѣчно твердыхъ.— Съ другой въ опредѣленіяхъ положительныхъ всякаго рода ту медленности и объятность соображеній, которая составляетъ поруку основательности, не всегда предполагать можно безошибочно. Сіи опредѣленія нужны бываютъ наскоро, должны всегда приспособлены быть къ нуждамъ своего времени, мѣста, обстоятельствъ. Составляясь не рѣдко безъ восхожденія къ вышшимъ вопросамъ ума, онѣ скрѣпляютъ только бытъ человѣка временный; помогаютъ его по-

требностямъ мѣстнымъ и затрудняютъ достиженіе того къ чему долженъ человѣкъ стремиться по своей природѣ всеобщей. Только возвышаясь до самосвѣденія разумнаго и слѣд. довольно поздо и рѣдко узнаютъ, какъ должно быть осторожнымъ въ утвержденіи положительнаго, какъ оно при всей облегчительности въ настоящее время со временемъ можетъ стѣснять. Люди поздо примѣчаютъ, что положенія, однажды утвержденныя не всегда могутъ имѣть значеніе вѣковое; что другія отношенія, новое развитіе мыслей требуетъ новыхъ положеній, что самое совершеннѣйшее состояніе то (не возможное кажется на землѣ), въ которомъ не руководясь положеніями, дѣлаютъ, какъ внушаетъ самый зрѣлый разумъ; что все человѣчество рано или поздо призывается къ подобному развитію разумному; что наконецъ предуготовлять средства, пролагать пути, руководить къ нему есть необходимая обязанность и движущихъ судьбами человѣчества и обрабопывающихъ систему его познаній.— Хотя приспособленіе къ сему послѣднему назначенію можетъ показаться излишнимъ и безполезнымъ попому, что мы не знаемъ человѣка вообще; онъ всегда — подъ условіями опредѣлен-

ными. Но выставляя на видъ подобную мысль, забываютъ, что приспособительныя опредѣленія отношеній пополику только могутъ быть насъ достойны, благодѣтельны намъ, поколику при ихъ составленіи имѣются въ виду не однѣ обстоятельства частныя: но и природа чисто человѣческая; - частныя цѣли не должны застѣнять собою общую, главную. Если люди должны подниматься къ своей человѣчскости: то извѣстныя ограниченія, приняты по времени и мѣсту, должны быть дотолѣ только удерживаемы и пополику только утверждаемы, поколику способствуютъ къ развитію чисто человѣческаго. — Приводить больше и больше въ ясность подобныя цѣли, и указывать на нихъ движущимъ судьбами человѣчества есть неотмѣнный долгъ Философіи. — Она и Религія и стоятъ только на чредѣ сего рода; онѣ однѣ и могутъ ясно показывать, гдѣ извѣстныя положенія расходятся съ природою, идутъ противъ *назначенія* человѣчества.

104. Подобной отрѣшенности наконецъ требуетъ и то, — что, какъ въ природѣ никакой предметъ не успѣваетъ въ частномъ, единственномъ проявленіи выразиться во всемъ

своемъ совершенствѣ: такъ и въ мірѣ разумномъ мысль не успѣваетъ развиваться во всей зрѣлости и полнотѣ своей жизни, въ головѣ одного лица; только совмѣстныя усилія многихъ недѣлимыхъ могутъ возводить ее къ той высотѣ совершенства, на которой она должна быть признана чистою истиною. — На семъ основаніи Философія должна стоять выше геніевъ во всякомъ родѣ ихъ проявленія. Какъ ни возвышенны бываютъ Геніи, какъ ни увлекающи, ни смѣлы представленія, ими высказываемыя: Философія не можетъ признать какое либо изъ нихъ вѣрнымъ по одному довѣрію къ умственнымъ силамъ, или выспреннему характеру лица, ихъ высказавшаго. Истина мысли для нее опирается не на важности лица, но на естественности самой мысли. Оказалась мысль чисто человѣческою: — Философъ готовъ первый признать ея вѣрность, готовъ подвизаться въ ея проясненіи, утвержденіи, разширеніи ея владычества.—Философъ долженъ какъ бы перестроить въ природный видъ всю систему нашихъ убѣжденій. При сей задачѣ, признать какой ли образъ мыслей вѣрнымъ безъ изслѣдованія, значилобы рядить безотчетно.

Передъ Философомъ споитъ какъ бы весь родъ человѣческій съ своимъ развитіемъ мыслей и убѣжденій, съ притязаніями на вѣрность: но, какъ изыскатель, онъ не можетъ безъ соображенія отдать предпочтеніе никакой сторонѣ. Только то, что окажется совершенно естественнымъ, будетъ имъ принято. Такого рода убѣжденіе можетъ смѣло предстать строгому суду его, и безъ притязаній всегда получитъ оцѣнку справедливую. — За то доколѣ онъ не убѣдился въ вѣрности мыслей: оставьте ему полную свободу изслѣдованія. — Хотя бы дѣло касалось религіозныхъ понятій, не вынуждайте у него согласія. Онъ безъ принужденія умѣетъ уважать и высоко цѣнить истины священныя. Его цѣль совсѣмъ не отлична отъ цѣли, какую предполагаютъ себѣ обыкновенно Вѣроучители. Только способъ уразумѣнія истинныя, который открытъ для него—нѣсколько отличенъ. Онъ не носитъ на себѣ той печати гоніхъ думъ, которая такъ знаменательно лежитъ на священныхъ памятникахъ всякаго рода религій. — Между тѣмъ онъ можетъ носить на себѣ признаковъ естественности больше, нежели всѣ религіи неистинныя. ИбоФилософъ меньше, не-

жели человѣкъ, съ избыткомъ одаренный чувствомъ религіознымъ, довѣряетъ своимъ взглядамъ, больше испытываетъ ихъ,—разумѣется, если только вѣрно понимаетъ и исполняетъ свое назначеніе! —

105. Такимъ образомъ идетъ Философія къ истинѣ путемъ среднимъ и вѣрнымъ; не хочетъ она теряться въ частичномъ, какъ науки частныя, она ищетъ уразумѣть все вообще. — Равно не можетъ безотчетно увлекаться образами игриваго воображенія, или рѣшеніями надменнаго разсудка. Ибо усиливается высказать образъ мыслей необходимый во всѣхъ проявленіяхъ природы человѣческой.—Цѣль ея открыть чисто разумный и естественный намъ образъ мыслей о жизни цѣлаго міра (*). Стрем-

(*) Одна и таже цѣль Философіи можетъ быть обозначена или выражена различно зависимо отъ точки зрѣнія, которой считаешь за нужное придержаться. Говоря предметнѣе цѣль Философіи — уразумѣть образъ бытія вещей: говоря субъективнѣе цѣль ея— развить естественный намъ образъ мыслей о природѣ, разсматриваемой вѣцѣлости, или рѣшить главнѣйшія задачи нашего вѣдѣнія. — Теряется перевѣсъ и предметности и своеличности выраженія, когда цѣль Философіи обозначаешь — уразумѣніемъ истины. (см. § 65). Противорѣчія собственнаго въ сихъ

леніе къ достиженію сей цѣли — есть плодъ того стремленія къ самосвѣденію, которымъ природа надѣлила каждый умъ человѣческій. Удовлетворяя только ему, каждый изъ насъ, уразумѣвъ природу вещей, можетъ наконецъ сказать: теперь я ясно вижу; или получивъ ясное убѣжденіе въ предметѣ вѣрованія: — уже не по твоимъ словамъ признаю! — Какъ неотъемлемо принадлежитъ намъ разумъ: такъ невоспрещимы усилія уразумѣть истину — безъ примѣси въ ней воззрѣній чисто субъективныхъ, или мѣлочныхъ чертъ предметныхъ. — Если были умы, которые посмѣвались симъ усиліямъ, или вооружались противъ нихъ: то или по недостатку силъ для самодѣйственности, или — живости для выспренности. Только не совсѣмъ понимающій человѣческую природу и ея права можетъ требовать довѣрія безусловнаго; можетъ частный образъ мыслей безъ доказательствъ возводить въ достоинство убѣжденій общихъ! — Самостоятельность во взглядахъ есть коренной характеръ философскихъ изысканій, и хотѣть, чтобъ была Философія, и умъ не дѣй-

трехъ способахъ обозначенія одного и тогоже предмета — нѣтъ. —

ствовалъ, не судилъ самостоятельно, значитъ хотѣть согласить несогласимое! —

Лучшая сторона положительнаго; неопасность раздѣленія съ нимъ ума философствующаго.

106. Но, защищая необходимость самостоятельности Философіи въ своихъ изысканіяхъ и опредѣленіяхъ, мы столько говорили о слабой сторонѣ положительнаго, что недальновиднымъ а еще болѣе недовѣрчивымъ можетъ показаться, будто мы вовсе готовы пренебрегать положительное. Мы совершенно другаго образа мыслей. И прежде мы уже отличили въ положительномъ элементъ неподвижный и безразличный. Отказывая послѣднему во вліяніи на философскія опредѣленія, мы никакъ не отвергаемъ необходимости, твердости перваго. Можемъ даже согласиться, что и тотъ безразличный элементъ, не имѣя вѣсу въ философскихъ изслѣдованіяхъ, — въ быту обыкновенномъ можетъ и долженъ быть терпимъ до времени. — Во всякомъ положительномъ необходимо должно быть много истиннаго; ибо положительное, хотя бы шло къ намъ не изъ временъ полнаго развитія разума, хотябы было плодъ одного разумнаго инстинкта или

разсудочнаго соображенія, все содержитъ довольно вѣрнаго. Извѣстно, что въ инстинктуальномъ состояніи проявленія души человѣческой удивляютъ своею близостію къ разумной зрѣлости. Сами соображенія разсудка не всегда служатъ однимъ нашимъ прихотямъ или выгодамъ. Мы и на степени разсудка въ пользѣ общей умѣемъ усматривать собственную и чисто человѣческую. Положенія, утвержденныя дѣйствіемъ чистаго, свѣтлаго разума, безъ сомнѣнія уже высказываютъ одно достойное уваженія.—Съ другой стороны и всякой субъектъ болѣе или менѣе способенъ довольно вѣрно принимать и передавать другимъ — дѣйствіе на себя предмета; тѣмъ болѣе можно сіе предполагать въ субъектѣ, коего мыслямъ отданъ въ родѣ человѣческомъ значительный авторитетъ. То, что произшекло изъ естественнаго, необходимаго откровенія предмета нашему я: то всюду должно быть уважено. Особенно Философія должна дорого цѣнить и изыскивать подобнаго рода мысли, ибо ея назначеніе поднялься до подобнаго рода сужденій. Хотя къ сему роду сужденій всякой можетъ подняться по собственной человѣческой природѣ: но

извѣстно, что самое человѣческое проясняется въ насъ удобнѣе подъ руководствомъ предварившихъ въ развитіи, по слѣдамъ уже другихъ. Так. обр. только бы Философія успѣла найти подобный образъ сужденія о предметахъ: она необходимо должна съ нимъ сблизиться, уважить его значимость, даже воспользоваться его уваженіемъ между людьми для большаго утвержденія своихъ выводовъ. — Теперь раздѣленіе Философіи отъ подобнаго только положительно проявившагося образа мыслей можетъ и должно быть терпимо до времени сближенія; ибо съ одной стороны не льзя же требовать, чтобъ и самое истинное принимала Философія безъ надлежащаго изслѣдованія; это противъ характера той сознаемой ясной увѣренности, къ какой она усиливается вознестись; съ другой — можно быть увѣрену, что безъ строгихъ соображеній Философія никакъ не дерзнетъ отвергать уважаемаго между людьми. Между тѣмъ сближаясь съ положительнымъ посредствомъ обсуда онаго, Философія восполняетъ только недоставшее при составленіи, или освѣжаетъ ослабѣвшее по утвержденіи положительнаго — сознаніе его основаній. Извѣстно, что выш-

шаго развитаго сознанія не достаетъ еще на степени разумнаго инстинкта и разсудочной сообразительности. Они посредствуютъ только и приготовляютъ наше восхожденіе къ сему сознанію. — Так. обр. существенная часть положительнаго всегда будетъ вполнѣ уважена Философіею, и найдетъ въ ней для себя значительную защиту и прояснение! —

107. Само несущественное въ положительномъ, элементъ безразличный въ здравой Философіи найдетъ для себя надлежащую оцѣнку. Не можетъ быть подвергнуто и малѣйшему сомнѣнію, что терпимость есть плодъ лучшаго образованія. Полуобразованный, находя извѣстное положительное недостаточнымъ выраженіемъ вѣрныхъ понятій, усматривая примѣсь субъективности, готовъ вооружиться противъ всего положительнаго, испровергнуть и существенный въ немъ элементъ неподвижный. Философія никакъ не можетъ одобрить подобныхъ пріемовъ, ни вести къ нимъ. Она ясно разумѣетъ, что примѣсь субъективнаго почти неизбѣжна между людьми; что, и поставляя новое вмѣсто стараго, люди не избѣгутъ подобной примѣси; что сія примѣсь можетъ только постепенно очищаться, и какъ бы ош-

сѣдашь сама собою; что безпокойное колеба-ніе положительнаго можетъ лишить насъ и нужной закваски. Умъ зрѣлый знаетъ конеч-но, что необразованные, будучи не довольно зрѣлы для того, чтобы отличать въ поло-жительномъ два его элемента, смѣшиваютъ въ немъ доброе съ несовершеннымъ; и, благо-говѣя достодолжно предъ правильнымъ, пре-увеличиваютъ достоинство полуистиннаго, готовы поддерживать его наряду со священ-нымъ: но въ тоже время очень видятъ, что на извѣстной степени умственнаго развитія или и при застоѣ образованія подобный об-разъ сужденія почти неизбѣженъ, и — только осторожно старается возводить незрѣлыхъ къ сужденіямъ болѣе умѣреннымъ, болѣе здра-вымъ. И справедливо.— Ибо элементъ безраз-личный, доколѣ не причиняетъ важнаго вре-да развитію истины, можетъ и долженъ быть терпимъ, — какъ могутъ и должны быть терпимы до жатвы плевелы среди пшеницы.—

Разумная зрѣлость, разумная развязанность есть удѣлъ очень немногихъ. Но сіи — то не-многіе и могутъ легче терпѣть и спокойнѣе устранять примѣтные недостатки. Они не могутъ не знать опытомъ, что мысль мед-

ленно зрѣетъ; что слѣд. вводить всѣхъ въ свободу приличную одному преуспѣвшему, никакъ неблагоразумно. Незрѣлое неспособно къ образу мыслей мужа совершеннаго.— Кромѣ того самая скромность людей вышшихъ по образованію долго удерживаетъ ихъ отъ рѣшительнаго суда объ извѣстномъ историческомъ явленіи. Они знаютъ, что при излишней довѣрчивости къ своимъ соображеніямъ легко можно ошибиться. Можно рѣшительно судить только о цѣломъ, котораго всѣ части, всѣ соотношенія уже обозначились: но положительное въ своемъ историческомъ развитіи не всегда скоро отживаетъ значительный періодъ бытія своего. (Когда онъ отживетъ свой вѣкъ, оно само собою падетъ.) — Хотя же и въ незначительной части періода своей жизни положительное для философской прозорливости довольно уже ясно даетъ усматривать направленіе и силу цѣлаго: но Философія знаетъ, что мысль, легко оправдываясь или осуждаясь сближеніемъ съ законами и требованіями ума, тѣмъ лучше однакожъ себя даетъ обсуживать, чѣмъ больше оставляетъ за собою позоръ своихъ проявленій въ опытѣ; что слишкомъ большая подвижность положительнаго

необходимо поставляетъ людей въ значительную запутанность. Если послѣ сего еще прибавимъ, что для незрѣлыхъ положительное не только необходимо, но и благотворно: ибо связываетъ необузданную свободу, доколѣ не пріобрѣлъ надъ нею верха разумъ; что люди, еслибы даже освободили ихъ отъ всего положительнаго, скоро сами на себя снова наложили бъ уставы; — что доколѣ, держась оболочки положительнаго, не забываютъ, не оставляютъ духа его, оно заслуживаетъ все уваженіе: то легко поймемъ, что Философія скорѣе пожелаетъ служить людямъ своими указаніями, доведеніемъ вѣрнаго до очевидности,— а въ торжество вводить истину предоставитъ Промыслу и мудрости государственной! —

108. Вообще строгое подобострастіе, какое имѣетъ Философія къ истинѣ во всѣхъ видахъ ея проявленія, составляетъ надежную поруку въ ея осторожномъ обращеніи со всѣмъ положительнымъ.— Здравая Философія не можетъ, какъ глазъ неопытный, находить истинное только тамъ, гдѣ оно, высказанное явно, получило перевѣсъ надъ грубою оболочкою, въ которую успѣваетъ заключить его необразованный смыслъ человѣческій. Она умѣ-

ешъ прозирашь истинное среди всей примѣси человѣческаго неразумія. Она умѣетъ уважать и неудачные порывы мысли человѣческой къ большему и яснѣйшему себя проявленію. Так. обр. въ самомъ слабомъ положительномъ она умѣетъ еще открыть мерцаніе свѣта разума; и, когда люди, возникая къ большему познанію, дерзаютъ презирать оказавшееся слабымъ положительное, Философія умѣетъ указать сторону, которая въ немъ и теперь еще должна быть признана, и можетъ искупить истинное, когда люди готовы бываютъ отвергнуть и его среди чуждой примѣси. Тогда какъ для смысла простаго существуютъ почти только крайности истиннаго или ложнаго, Философія сознавая всю трудность и медленность возхожденія къ полному усмотрѣнію истины, не можетъ съ тѣмъ, столь обыкновеннымъ, неуваженіемъ смотрѣть и на тѣ развитія человѣческаго разумѣнія, въ коихъ истинное открылось не во всей чистотѣ, хотя было довольно блиско къ своему откровенію и, такъ сказать, пробивается сквозь грубыя формы, въ какія успѣла заключить его необузданная фантазія.— Въ семъ случаѣ Философія нѣкоторымъ образомъ близка даже къ

важному раздѣленію съ общимъ смысломъ. Болѣе способная усматривать идеальное и въ его грубой оболочкѣ, нежели смыслъ общій, — Философія, можетъ еще держаться старыхъ обвѣтшавшихъ формъ, и защищать оныя тогда, какъ смыслъ простой готовъ въ бурныхъ порывахъ замѣнить оныя новыми.— Философія, скорѣе общаго смысла усматривая недостатки положительнаго, но дольше придерживаясь онаго при смѣнахъ или переходахъ одного образованія мысли въ другое — составляетъ какъ бы какую оболочку, которая и помогаетъ дальнѣйшему развитію организма мысли и въ тоже время остепеняетъ быстроту сего развитія.—

109. Не должно ли бояться, что, позволивъ раскрытую нами самостоятельность или независимость, надобно будетъ осудить всѣхъ людей на несогласимое разногласіе въ мысляхъ, или на безконечное блужданіе въ распутіяхъ мнѣній, безъ твердой надежды приближенія къ истинѣ? — Сіи опасенія совершенно необдуманны. Умъ во всѣхъ изъ насъ конечно свой, но всѣ мы сходимся между собою въ главныхъ его требованіяхъ. Выходитъ, что его настроеніе — особенное во

всякомъ недѣлимомъ не отступаетъ совершенно отъ общаго очертанія родоваго. — Такъ и въ мысляхъ нашихъ, хотя можно всякому быть независимымъ: но сія свобода, какъ и выше уже (см. стр. 216) нами замѣчено, отнюдъ не есть собственно изторженіе себя изо всякихъ предѣловъ общаго образа сужденій, но самодѣятельное восхожденіе къ тому же, къ чему тотъ же умъ въ другихъ дошелъ, только другими путями, раньше или позже, все равно. — Возможность и даже неизбѣжность взаимнаго сближенія между умами суть достаточныя поруки единства, и согласія самыхъ самостоятельныхъ людей въ ихъ нуждахъ и взглядахъ коренныхъ. — А требовать, чтобы частное совершенно терялось въ общемъ, по крайнѣй мѣрѣ при настоящемъ состояніи человѣчества невозможно, — да и съ устройствомъ природы несогласно. Развитіе особенностей во всякой области не льзя считать вреднымъ, оно необходимо. Не сама ли природа всюду выражаетъ общее въ однихъ недѣлимыхъ? — Такъ и образъ мыслей всеобщій, необходимый можетъ восходить къ своей опредѣленности не иначе, какъ посредствомъ работы умовъ частныхъ.

Гдѣ совершается развитіе мыслей? Не въ отдѣльномъ ли сознаніи лицъ недѣлимыхъ? Чѣмъ подвигается совершенство представленій? не усиліями ли умовъ частныхъ? — Въ отдѣльномъ образованіи (Gestaltung) мыслей не всегда проявляется одно ложное, превратное. Въ немъ полагаетъ наша дѣйственность и многое истинное, котораго по самой его важности никогда не успѣетъ подавить дальнѣйшее изложеніе мысли въ видахъ новыхъ. — Истинное не только въ объемѣ, но и въ силѣ сознанія растетъ отъ тѣхъ участковъ, которыя въ область познаній привноситъ всякое лицо особое (см. § 57).

110. Вы скажете: истинное давно уже найдено и указано; не нужно теряться въ ошибочныхъ путяхъ къ нему; остается только радоваться, пользуясь имъ! — Но что, если не совершивъ собственныхъ покушеній дойти къ нему, я — и пользуясь имъ, могу еще всегда опасаться: достовѣрно ли то, что я принимаю? На вѣрномъ ли стою я пути? — Одна такая нетвердость, неизбѣжная, когда воспрещаются изысканія собственныя, можетъ имѣть слѣдствія по крайнѣй мѣрѣ столь же вредныя, какъ всякаго рода сомнѣнія, легко

могущія переходить въ живую увѣренность.— Так. обр. и въ томъ случаѣ, когда бы справедливо было увѣреніе, что истинное вполнѣ уже найдено и высказано, — можно было бы еще употреблять усилія усвоить оное самостоятельно. Но что, если при ближайшемъ разсмотрѣніи взглядъ сей окажется нѣсколько лѣнивымъ? — Въ самомъ дѣлѣ, — безразсудно думать, чтобы въ родѣ человѣческомъ доселѣ не было познано и прояснено много истиннаго, это справедливо: но, чтобы мы знали уже все истинное, разумѣли его вполнѣ, — утверждать сіе еще необдуманнѣе.

Это надобно признать самымъ ограниченнымъ взглядомъ на науку, когда думаютъ, что она неспособна болѣе къ лучшему образованію въ своихъ началахъ, или къ пополненію въ своихъ свѣдѣніяхъ; что не нужны новыя попытки къ дальнѣйшему ея усовершенію. Свыкшись съ извѣстнымъ развитіемъ науку, потерявъ, такъ сказать, гибкость для слѣдованія за новыми изворотами мысли, можно въ самомъ дѣлѣ извѣстный взглядъ считать завершительнымъ, науку въ извѣстномъ видѣ законченною. Но во всѣхъ наукахъ, какъ ни часто обновлялись подобные взгляды, новымъ обра-

зованіемъ науки въ рукахъ лицъ болѣе зрѣлыхъ — всегда испровергались.— Правда среди всѣхъ перемѣнъ — многое оставалось совершенно въ старомъ видѣ, какъ вообще можно сказать, что истина при всѣхъ движеніяхъ и изворотахъ мысли остается одна и таже: но только ограниченный взглядъ можетъ смѣшивать науку съ самою истиною, человѣческія познанія— съ истиннымъ, взятымъ предметно. Истинное стоитъ, зрится всякому, какъ солнце; можетъ быть имъ больше владѣютъ, пользуются, нежели думаютъ, сознаютъ: но мысль должна различными сторонами своими обращаться къ солнцу, чтобъ приходить въ большее и большее сознаніе его свѣта! — Если гдѣ неумѣстна подобная стѣсненность взгляда: то именно въ Философіи, въ которой должна совершаться, какъ и совершается безпрерывная повѣрка и вмѣстѣ съ нѣмъ движеніе нашихъ познаній. Возрасли познанія наблюдательныя, умъ долженъ пышать силы въ порывахъ созерцательныхъ. Оказались безуспѣшными усилія разума въ приложеніи къ жизни,— снова умъ обращается въ область наблюденій, критическаго разбора явленій, пока оживленный лучшимъ познаніемъ опытнаго, опять не-

вольно пускается въ область гаданій цѣлосообразительныхъ! — Въ семъ движеніи мысли отъ холода опыта къ пылу созерцаній часъ отъ часу развивается истинное; часъ отъ часу проясняется его сознаніе. Остановите порывы умовъ частныхъ: остановится движеніе цѣлаго! —

111. Но можетъ ли еще Философія обсудишь вѣрно всѣ явленія человѣческаго разумѣнія, какія успѣли открыться доселѣ? Не подвергала ли иногда Философія сомнѣнію самыя ясныя убѣжденія общаго смысла?— Такъ; Философія въ историческомъ ея проявленіи не всегда успѣвала вѣрно обсуживать всѣ развитія и проявленія въ области человѣческаго разумѣнія. Но Философія по Исторіи не есть еще Философія по идеи, въ своемъ существѣ.— Если смотрѣть на Философію съ сей послѣдней точки, она не только можетъ, но и должна не иначе, какъ вѣрно обсуживать все проявившееся положительно. По идеи своей Философія и зрѣлое развитіе разума должны составлять одно и тоже: а зрѣлое развитіе разума неоспоримо есть такая степень въ нашемъ умственномъ развитіи, на которой необходимо должны быть правильно поняты и

вѣрно обсужены всѣ проявленія разумности. Извѣстно, что мысль человѣческая тѣмъ лучше понимаетъ и свое направленіе и значеніе своихъ развитій: чѣмъ большій оставляетъ за собою позоръ своихъ дѣйствій.— Но степень зрѣлой разумности не раньше развивается какъ, когда мысль пройдетъ уже другія степени умственнаго преспѣянія. — Сія степень есть самая вышная въ нашемъ развитіи, и на нее не прежде можно вознестись, какъ прошедъ степени развитія инстинктуальнаго и разсудочнаго. Теперь, если возможно на какой степени умственнаго развитія вышшее сознаніе самихъ себя, и законовъ собственной природы: то именно на ней одной. На ней одной, какъ заключительной въ ходу нашего образованія человѣческаго, умъ можетъ обсуживать вѣрно, что въ родѣ человѣческомъ стоитъ отъ образованія мыслей первоначальнаго или переходнаго; на ней одной можно усматривать необходимость, естественное или превратное образованіе и истинное значеніе тѣхъ видовъ мыслей, которые суть пышный, хотя хилый плодъ воображенія, или идутъ изъ періода разсудка. На ней уже необходимо должно правильно видѣть, что

человѣку естественно во всѣхъ періодахъ его умственнаго образованія, и что въ его мысляхъ должно имѣть значеніе только временное. — Философія, — хотя не во всѣхъ доселѣшнихъ проявленіяхъ успѣвала — за то по крайнѣй мѣрѣ во всѣхъ усиливалась, всегда предполагала вознестись на сію степень зрѣлаго, чисто человѣческаго сознанія. — За то сколько есть случаевъ, въ которыхъ для вѣрнаго суда о предметѣ или направленіи мыслей, мы принуждены бываемъ обращаться къ ихъ идеалу; и, забывая виды временнаго ихъ проявленія — удерживать въ виду ихъ цѣль благородную, цѣнить и одно стремленіе къ ней. Совершеннаго — такъ мало въ человѣческомъ мірѣ. — Между тѣмъ и вѣрный обсудъ открывшихся мыслей не представляетъ столько трудностей, чтообы умъ развитый не былъ къ нему способенъ. Отличать истинное отъ ложнаго, совсѣмъ не то, что находить самое истинное. Первое гораздо легче послѣдняго; его можетъ легко совершать и простой смыслъ. И въ умѣ философскомъ - надобно предположить или излишнюю наклонность къ сомнѣнію, или недостойное небреженіе къ истинѣ, чтобъ отказать ему во всякомъ правѣ или способ-

ности обсуживать вѣрно истинное открытое.

Конечно въ Философіи умъ возмужавшій усиливается образовать свою увѣренность самъ изъ себя: но симъ онъ не оспориваетъ частной вѣрности у каждаго изъ сторонних проявленій разумнаго образа мыслей. Даже Философъ не преминетъ усвоить мысли другихъ, какъ скоро найдетъ ихъ согласными съ законами ума и устройствомъ природы; только доколѣ онъ восходитъ къ увѣренности разумной, онъ не можетъ столько связывать себя авторитетомъ, чтобъ отказаться отъ всякаго самостоятельнаго взгляда на всѣ произведенія разума другихъ. Собственное убѣжденіе, открытіе истины собственными силами для него конечно дороги, но еще дороже истина. — Для нее онъ не пощадитъ трудовъ, пожертвуетъ собственнымъ самолюбіемъ: ибо она первая и самая сильная пружина, дающая движеніе его изыскательности; самый вышшій для него авторитетъ въ царствѣ мыслей. По сему авторитету всякая мысль, отнуда бы она ни шла, получитъ отъ него все уваженіе, какъ скоро окажется истинною.— Если еще припомнимъ, что Философъ имѣетъ столько чувства для истины и

подобострастія къ ней, что можетъ прозирать, опличать и чтить ее среди всей примѣси человѣческаго неразумія: то можемъ смѣло сказать, что сомнѣваться, можетъ ли Философія вѣрно опличить истинное отъ ложнаго, значитъ заживо погребать Философію,— и самый смыслъ человѣческій. —

112. Въ самомъ характерѣ самостоятельности, какъ онъ необходимо долженъ открываться въ Философіи, нѣтъ ничего опаснаго для разумѣнія истиннаго. Какъ своею выспренностію Философія не раздѣляется всецѣло съ природою, напротивъ успѣваетъ подняться къ вѣрному суду о каждомъ частномъ явленіи или существѣ въ природѣ: такъ самостоятельностію сужденія она успѣваетъ доходить до вѣрнаго суда о частныхъ взглядахъ или мысляхъ, высказанныхъ въ извѣстное время извѣстными лицами, — сего мало — успѣваетъ вознестись до усмотрѣнія, какъ долженъ мыслить весь родъ человѣческій. Выспренностію мы достигаемъ того, что можемъ сказать такъ и не иначе могла произойти природа; и посредствомъ самостоятельныхъ соображеній можемъ дойти до увѣренности: такъ и не иначе можетъ (въ семъ видѣ это все рав-

но, что долженъ) судить весь родъ человѣческій. — Основаніе успѣховъ выспренности лежитъ въ томъ, что законы ума настроены согласно съ законами природы; основаніе независимости состоитъ въ увѣренности справедливой, что умъ частнаго лица имѣетъ настроеніе согласное съ настроеніемъ ума всего человѣчества. — Какъ по согласію ума съ природою, тайно или явно всегда предполагаемому, мы увѣрены, что, послѣдуя своему собственному развитію, мысль можетъ дойти до того-же, что изложилось въ опытѣ: такъ по тому-же согласію одного ума съ умами другихъ тайно или явно предполагаемому, мы смѣло увѣрены, что мысль каждаго образованнаго можетъ дойти сама собою до того-же, что признано за вѣрное другими. Какъ въ выспреннемъ познаніи природы перевѣсъ одного фактора — мысли не уничтожаетъ собственно дѣйствія другаго фактора — природы: такъ въ самостоятельныхъ соображеніяхъ перевѣсъ собственной производительности не уничтожаетъ другаго фактора — довѣрія, напротивъ необходимо предполагаетъ, и на немъ развивается. —

113. Не льзяли еще бояться, что разумъ, выдерживая характеръ своей самостоятельности не успѣетъ самъ собою уразумѣть истинное достаточно въ надлежащей полнотѣ и совершенствѣ? — И сіи опасенія неосновательны. Разумъ человѣческій по самой природѣ своей есть способность, конечно не творить, а то разумѣть истинное. Подъ дѣйствіемъ предметовъ мы моглибы остаться безъ истиннаго развѣ тогда, когда бы его или не было дано и какъ бы заключено въ предметахъ, или если бы умъ человѣческій не былъ способенъ постигать значеніе совершающихся предъ очами нашими явленій и переводить ихъ на понятія. Но всякій видитъ, что сіи условія никакъ не суть что либо дѣйствительное; — предметы для нашего разумѣнія даны; способность составлять объ нихъ правильныя понятія всякой ощущаетъ самъ въ себѣ, всякой ею больше или меньше уже пользовался. Так. обр. гдѣ бы собственно ни положили мы коренную основу истиннаго, — въ творческой ли способности ума нашего, или въ природѣ самыхъ предметовъ, мы всегда равно не можемъ усомниться въ достижимости истиннаго и безъ указаній положи-

тельнаго. Согласимся, что разумѣніе истиннаго очень облегчается, когда руководишъ насъ къ нему проникшій уже къ оному, что восхожденіе къ истинному труднѣе для того, кто долженъ еще доходить до него самъ собою. Но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы сіе одинокое возхожденіе не обѣщало вовсе никакихъ успѣховъ. Оно — рѣдко, потому что немногіе любятъ такую напряженную дѣятельность, какой требуетъ подобное восхожденіе; оно рѣдко, но не столько опасно, чтобы во все уклоняло насъ отъ истиннаго: ибо разумъ одинаковой во всѣхъ, можетъ и въ раздѣленіи въ общимъ ходомъ итти тѣмиже путями: Еще болѣе, оно не вездѣ приложимо въ своей послѣдней степени: ибо люди, проникнувъ до истиннаго усиливаются сообщать его другимъ въ томъ видѣ, въ которомъ самая строгая недовѣрчивость не успѣвастъ противъ него ничего выискать. За то и самостоятельное восхожденіе къ истинному, даже въ самомъ большомъ объемѣ сего послѣдняго, — не требуетъ совершеннаго незнанія того, что сдѣлано, объизслѣдовано, уяснено другими; оно только отвергаетъ то лѣнивое познаваніе истиннаго, въ которомъ все сообщае-

мое принимается на слово, не подвергается никакому суду собственному, совокупляется въ умѣ безъ всякой спройности, не обозрѣвается мыслію съ одной точки единства. — Люди никогда не обходились и не будутъ обходиться безъ пріятія другъ отъ друга извѣстныхъ взглядовъ, познаній опытно дознанныхъ. Само положительное одолжено своимъ владычествомъ сей наклонности усвоять познанное другими, пользоваться чужимъ добрымъ съ уваженіемъ къ сообщившему оное. И доколѣ всякій человѣкъ, въ отдѣльности взятый, будетъ оставаться несовершеннымъ; дотолѣ будетъ стоять и положительное. Только наряду съ симъ положительнымъ всегда будетъ стоять и иное — и разумное. Ибо и оно происходитъ изъ естественнаго стремленія къ отчетливости сознанія, какъ первое — изъ наклонности къ полнотѣ и обширности познаній. Характеры съ внутреннею силою всегда будутъ становиться на сторону перваго; характеры съ направленіемъ къ внѣшней дѣйственности на сторону послѣдняго!

114. Скажемъ еще больше: если бы умъ не былъ въ силахъ восходить къ истинному, въ родѣ человѣческомъ не моглобы ни *возник-*

нуть, ни утвердишься само положительное; одна способность нашего ума видѣть и отличать истинное составляетъ твердый оплотъ противъ преувеличенія въ родѣ человѣческомъ положительностей:—мысли смѣлыя, но тѣмъ не менѣе вѣрныя. — Положительное безъ разума не могло бы возникнуть. — Ибо, какъ мы видѣли, положительное одолжено своимъ происхожденіемъ разумному инстинкту, или соображеніямъ разсудка или опредѣленіямъ самаго разума. Изъ какаго періода ни будь оно, все оно развилось на разумной способности человѣка. Уничтожте сію способность ума усматривать истинное; само положительное, если бы какъ нибудь возникло въ родѣ человѣческомъ, никакъ не могло бы привиться, и не моглобы удержать при себѣ умы, когда они возникаютъ къ сознанію вышнему, что бываетъ во всѣ времена. Но умъ нашъ можетъ видѣть истинное, и приникая къ положительному усматривать его согласіе съ общимъ законодательствомъ — и положительное утверждается, получаетъ весь свой вѣсъ. Если оно произникло по правильному настроенію ума, не омрачится чуждою примѣсью: оно

можетъ оставаться непоколебимо навѣки. Ибо всякой новый умъ приникая къ нему, можетъ только убѣждаться въ его достоинствѣ, и даже небесномъ происхожденіи. — Безъ разума — по общему побужденію природы къ распространенію своего вліянія, всякій умъ необуздываемый равною силою другихъ, скоро употребилъ бы стараніе связать своею притязательностію прочихъ. Только равновѣсіе другихъ умовъ остепеняетъ притязанія сихъ лицъ, которыя природа надѣлила особеннымъ богатствомъ силъ душевныхъ. Легко доходя мыслію до многаго, что остается для другихъ тайною, и соображеніемъ успѣвая брать большой верхъ надъ прочими, лица сіи скоро забываютъ удерживать притязанія свои на послушаніе и довѣріе въ предѣлахъ умѣренности. — Возврату ихъ въ сіи предѣлы помогаютъ обыковенно умы способныхъ показать несообразность ихъ требованій, и особенно чувство разумное указующее, гдѣ сіи требованія восходятъ выше всякаго довѣрія, покорности. — Сіе всеобщее какъ бы разліяніе ума производитъ, что положительное остается всегда въ томъ распространеніи, въ какое возводитъ его разумъ другихъ и попускаетъ ихъ

незрѣлость.—Смѣло, только безъ дерзости, можетъ умъ возноситься надъ всѣмъ положительнымъ. Онъ всегда можетъ достигнуть истиннаго, сойтись въ положительнымъ, чисто человѣческимъ. Такое положительное произникло въ нашей же разумной природѣ; развилось въ человѣческихъ же мысляхъ. Потому оно и принято быть можетъ и успѣваетъ твердо, что люди, прилипая къ нему, или покаряясь ему, усматриваютъ пѣсное его сродство съ своимъ человѣчествомъ, прямое его изліяніе изъ его развитія, чувствуютъ, что усвояя оное, переводя его въ систему своихъ убѣжденій, поставляя закономъ для дѣятельности, они усовершаютъ только свое бытіе, ускоряютъ свою зрѣлость. Опередившіе другихъ въ подобномъ убѣжденіи могутъ по недоразумѣнію жалѣть о трудахъ и времени, которое употребляютъ другіе, только еще поставленные въ дѣлѣ повѣрки: но зрѣлый плодъ развитаго сознанія скоро вознаградитъ медленность сего спѣянія.

Отношеніе Философіи къ прочимъ наукамъ.

115. Развитыя предъ симъ отличительныя черты философскихъ изслѣдованій, опредѣля-

ютъ и отношеніе Философіи къ другимъ наукамъ. Своею выспренностію Философія высоко возносится надъ всѣми науками опытными. Хотя, какъ мы и выше замѣтили, начатки сего характера, произтекающаго отъ большаго развитія ума, оказываются уже и въ сихъ наукахъ; но какъ объемъ предметовъ, какіе подвергаются разсмотрѣнію въ сихъ наукахъ, не можетъ равняться объему науки, окидывающей своими взглядами всю систему бытнаго: то и выспренность философская всегда останется ниже выспренности физической, и даже математической. Въ природоописательныхъ наукахъ почти и вовсе недостаетъ сего характера. — Самостоятельностію — Философія возносится надъ всѣми науками положительными, къ которымъ принадлежитъ изложеніе умственныхъ опредѣленій, образовавшихся у различныхъ народовъ, (языка и литературы, нравовъ и права, религіи и служенія);—дѣйственности политической сихъ народовъ и наконецъ исторія человѣчества. Въ сихъ наукахъ можетъ и должна постепенно восходить самостоятельность, независимость взгляда отъ убѣжденій народныхъ; но никогда не достигнетъ она самостоятельности

философской. — Так. обр. Философія, какъ плодъ разума, который—выше всѣхъ познаній, возносится надъ всѣми науками. —

Впрочемъ сей верхъ, какой беретъ Философія надъ прочими науками, отнюдъ не долженъ вести къ той мысли, чтобъ Философія могла обходиться или преуспѣвать безъ преспѣянія другихъ наукъ. Нашъ разумъ развивается на предварительномъ развитіи нашемъ и Философія помолику только можетъ преуспѣвать, поколику умъ человѣческій подвигаетъ другія науки. Так. обр. какъ завершеніе вѣдѣнія, Философія давно уже собираетъ дань со всѣхъ другихъ наукъ и живетъ ихъ жизнію; за то, переработавъ въ себѣ силы общаго союза, проливаетъ жизнь въ тѣ науки, и сколькоже облагороживаетъ и сколько утверждаетъ ихъ спѣяніе. Въ семъ отношеніи всѣ науки могутъ считаться подчиненными Философіи, поколику т. е. элементъ философской выспренности или самостоятельности, проникая ихъ, освѣжаетъ ихъ крѣпость, расширяетъ ихъ силы. — Посему только бѣдный душею можетъ пожелать, чтобъ которая либо изъ нихъ стояла въ совершенной независимости отъ началъ философскихъ. Вооб-

ще, если даже освободить науки отъ вліянія сихъ элементовъ: онѣ еще многое будутъ носить въ себѣ, что собственно составляетъ плодъ философскаго развитія мыслей. Ибо всѣ науки тѣмъ только получаютъ стройность и окрѣплость, что подвергаются философскому взгляду, обрабатываются по идеи, если не заимствованной изъ Философіи, то составленной подъ ея руководствомъ. — Извѣстно что самое строеніе и развитіе всѣхъ наукъ тѣмъ бываетъ совершеннѣе: чѣмъ мысль общая, положенная имъ въ основаніе будетъ строже и вѣрнѣе опредѣлена Философіею. — Правда, нѣкоторыя науки могутъ быть обрабатываемы и обрабатываются дѣйствительно въ нѣкоторой независимости отъ философскаго воззрѣнія: за то и познанія, какія онѣ доставляютъ, хотя не безполезны въ жизни, все впрочемъ остаются въ головѣ нашей однимъ сборомъ (fragmenta), или превращаются въ одну механическую ловкость. Для вѣденія уясненнаго познанія такаго рода содержатъ только матеріалы; и богато надѣленный подобными матеріалами во всѣхъ родахъ, послѣ могъ бы только затрудняться ихъ употребленіемъ ко времени, а при боль-

шей даровитости ума скоро обратился бы къ приведенію собраннаго въ систему:— при чемъ философскій взглядъ, хотя несовершенный долженъ былъ бы развиться самъ собою.

Примѣч. Правда, Философію считаютъ иногда роскошью ученою, но это именно отъ одной скудости мышленія, неудовлетворительности образованія не возводящаго, или не вознесшагося до разумѣнія вышнихъ требованій науки. И тамъ, гдѣ въ мѣстахъ учебныхъ надѣляютъ голову обучающихся достаточнымъ запасомъ свѣдѣній, а пренебрегаютъ доставленіе прочныхъ началъ Философіи, можно и должно ожидать и плодовъ воспитанія только незрѣлыхъ; тамъ образованіе всегда останется поверхностнымъ, пригоднымъ для свѣта, но — скуднымъ для развитія того въ насъ, что есть чисто человѣческое. Ищущій образованія полнаго никакъ не можетъ обойтись безъ познаній философскихъ. Красота слова и изящество слога никакъ не могутъ замѣнить или восполнить яснаго разумѣнія.

Тѣми характерическими чертами, которыя мы развили доселѣ, довольно ясно опредѣляется и отношеніе Философіи къ прочимъ отраслямъ и проявленіямъ умственнаго развитія. Чтобъ прояснить предметъ нашъ еще больше, обозначимъ отношеніе ума къ Религіи и Философіи къ общему смыслу, и раскроемъ значеніе Философіи въ ряду прочихъ проявленій нашего разумѣнія и въ быту житейскомъ. —

Если всѣ науки уступаютъ и должны уступить первенство наукѣ Философіи: то есть два источника истинъ, которые, какъ старшіе по произхожденію, оспориваютъ важность Философіи. Это—религія въ положительныхъ ея проявленіяхъ, и смыслъ общій. Философія моложе конечно по произхожденію и той и другаго. Но, возникая на ихъ развитіи, она усиливается какъ бы довершить ихъ дѣйствіе, облагородивъ вѣщанія общаго смысла выспренностію, а вѣщанія вѣры приблизивъ къ разумѣнію самостоятельностію развитаго сознанія.—

Отношеніе ума къ историческимъ проявленіямъ Религіи, опредѣляемое на философской точкѣ зрѣнія.—

116. Въ области человѣческаго вѣденія нѣтъ ничего запутаннѣе того отношенія, въ какомъ долженъ быть поставленъ умъ къ истинамъ, преданнымъ въ видѣ откровенныхъ, къ самой Религіи въ ея предметномъ, положительномъ проявленіи. Съ одной стороны недовѣрчивость къ усиліямъ разума, съ другой желаніе поддержать самостоятельность его изслѣдованій поставляли и поставляютъ Богослововъ и Философовъ въ важное разногласіе. Споры всѣхъ

временъ, а особенно новѣйшихъ достаточно показываютъ, какъ должно быть осторожнымъ въ развитіи мыслей по сему предмету. Постараемся указать предварительно *основную причину несогласій* въ опредѣленіи сего отношенія, потомъ развить *возможные взгляды* на сіе отношеніе и прояснить наконецъ *самое отношеніе*, какъ оно постепенно можетъ измѣняться и стоять безъ ущерба для откровенія или философской изыскательности. —

Извѣстно, что не всѣ религіи могутъ быть признаны истинными (были и есть въ родѣ человѣческомъ религіи неистинныя, ложныя, въ коихъ образуется понятіе о Верховномъ существѣ и воздается почитаніе сему Существу не достойное Божества, или даже и самаго человѣка. Мы, блаженствуя въ лонѣ Вѣры истинной, не можемъ ощущать тѣхъ противорѣчій, въ какія поставляютъ человѣка самаго съ собою религіи ложныя); всякая религія конечно есть выраженіе идей разума (*),

(*) Однажды на всегда замѣтимъ здѣсь, что при семъ изложеніи мы стоимъ, какъ и должны стоять по требованіямъ науки, на точкѣ зрѣнія общей; на которой имѣется въ виду не одно откровеніе истинное — Христіанское, но всѣ религіи, преданныя въ

но не во всякой—идеи сіи представлены въ ихъ надлежащемъ совершенствѣ. Какая бы ни была причина сей разности, умъ человѣческій, поднимаясь въ своемъ образованіи, не мо-

---

качествѣ откровенныхъ. Доколѣ мы не опредѣлили способа, какимъ можетъ Религія истинная отличена быть отъ невѣрныхъ: до тѣхъ поръ не можемъ говорить, какъ бы стояли на точкѣ зрѣнія вѣры извѣстной. Твердо увѣрены, что религія Христіанская есть религія истинная: но чтобъ проложить путь къ подобной развитой увѣренности другимъ,— должны стать на точку зрѣнія общую, съ которой удобнѣе усматривается достоинство и значеніе, какое можетъ имѣть каждая религія. — Нѣтъ ничего опаснѣе для Философіи, какъ говорить предъ людьми, непознавшими всей нужды ея отвлеченій. Математикѣ легко прощаютъ подобное отдѣленіе отъ единственно вѣрнаго, умѣстнаго случая, чтобъ раскрыть и подтвердить его единственную умѣстность. Не такъ Философіи. Разность конечно въ большей важности предметовъ: но чего требуетъ развитіе живаго убѣжденія, въ томъ конечно не льзя отказать по той одной причинѣ, что ты и безъ того думаешь быть въ этомъ убѣжденъ достаточно. Убѣжденіе не всегда есть плодъ зрѣлаго сознанія основаній. Да и убѣжденію образовавшемуся безыскуственно, кажется, не слѣдовало бы вооружаться прошивъ порывовъ подняться къ нему, пользующихся пособіями искусства. — Вмѣсто сего, что находимъ? — Тамъ, гдѣ

жетъ наконецъ не усмотрѣть несообразности религіи несовершенной, хотя самъ собою въ обыкновенномъ своемъ развитіи не можетъ создать и утвердить Религіи совершеннѣйшей (Въ семъ развитіи онъ можетъ только понимать недостатки вѣры старой, но не можетъ на мѣсто ея поставить новую такую, въ которой бы прочіе люди могли находить лучшее удовлетвореніе нуждамъ своего сердца. Это дѣло по призванію ли самаго Божества, или по одному Его попущенію могутъ принимать на себя только лица, надѣленныя

Философъ, отрѣшаясь мыслію отъ всего бытійнаго (конкретнаго) и мѣстнаго, говоритъ о предметахъ вообще, — невознесшійся на высоту умозрительныхъ соображеній удерживаетъ въ виду однѣ частности, и низводя на нихъ однѣ черты общія, думаетъ что Философъ отвергаетъ ихъ черты частныя. Совершенно напрасно. Не однѣ общія черты могутъ принадлежать предметамъ. Подводя сходные предметы подъ одну черту общую для облегченія ихъ разумѣнія, не срываешь съ нихъ черты частныя, отличія характеристическія. — Къ частному естественно не однѣ идутъ черты общія. Но когда нужно прояснить значеніе предмета въ цѣломъ, — наука необходимо велитъ обращаться къ чертѣ общей, высшей. —

особенною выспренностію чувства религіознаго, необыкновенною живостію разумнаго инстинкта. Религія конечно есть выраженіе идей разума; но, какъ не всѣ призваны природою выражать идеи въ произведеніяхъ творчества: такъ не всякій способенъ содѣлаться органомъ небесныхъ откровеній). — Какъ въ искусствахъ дѣло таланта обыкновеннаго только разбирать и обсуживать творенія генія, а не самому созидать оныя: такъ и въ дѣлѣ Религіи обыкновенный умъ всегда стоитъ только въ отношеніяхъ таланта; его дѣло разбирать, обсуживать.— Но, какъ въ художественныхъ произведеніяхъ, или и во всемъ, что можетъ подлежать суду, талантъ можетъ находить недостатки: такъ и въ религіяхъ несовершенныхъ, умъ, поднявшись къ большей зрѣлости, необходимо успѣетъ открыть недостатки, усмотрѣть примѣсь неразумія въ выраженіи идей разума.

117. Казалось бы, сіе обличеніе слабостей вѣры несовершенной должно было вести людей къ исправленію оныхъ: но не всегда, даже рѣдко, такъ бываетъ. И трудно, должно согласиться, быть довѣрчивымъ къ исправленіямъ произведеній выспреннихъ. Почти

можно сказать, исправленія здѣсь невозможны. Здѣсь можно только отъ уваженія одного произведенія переходить къ благоговѣнію предъ другимъ лучшимъ, ощутимо совершеннѣйшимъ. — Не могши самъ подняться до высоты генія и слѣд. замѣнить его, умъ и самымъ яснымъ указаніемъ слабостей въ твореніи генія, не силенъ уронить истинное ихъ достоинство, ни отвлечь людей отъ наслажденія ими; люди всегда будутъ наслаждаться работою генія, хотя бы и ощущали, а иногда и ясно усматривали въ ней недостатки, указанные талантомъ. Высота идей, развитыхъ въ геніальномъ произведеніи всегда будетъ закрывать въ умѣ наслаждающагося ощущеніе недостатковъ отдѣлки. Такъ и въ дѣлѣ Религіи. Высота мыслей, къ какимъ возносятъ человѣка религіозныя символы, глубина чувствъ, какія пробуждаютъ въ душѣ религіозныя дѣйствія—закрываютъ собою недостатки, неизбѣжные въ религіяхъ несовершенныхъ; недостатокъ лучшихъ познаній еще болѣе скрѣпляетъ узы чувства. — И вотъ причина, почему человѣкъ можетъ не только долго держаться религіи несовершенной: но и вооружаться противъ всякаго об-

нажнія ея слабостей. Примѣръ видимъ на произведеніяхъ искусства, которыя дѣлаются предметомъ хвалы въ родѣ человѣческомъ: человѣкъ и къ нимъ уже иногда столько прилѣпляется, что готовъ оскорбляться неудовлетворительными отзывами другихъ объ искусственномъ произведеніи, имъ почитаемомъ, и воспрещать всякій критическій разборъ онаго. Еще болѣе въ дѣлѣ вѣры. Тѣми чувствами, которыя въ ней развиваются даже въ несовершенномъ ея видѣ, человѣкъ столько дорожитъ; къ мыслямъ, кои она въ немъ порождаетъ, онъ столько благоговѣетъ, что по сему подобострастію ко всему, что сколько нибудь связуется съ его Богочтеніемъ, онъ самыя временныя опредѣленія вѣры считаетъ неприкосновенными, обряды священными, неподлежащими никакому разумному суду. Вѣра дорога человѣку. Для него, особенно при богатомъ избыткѣ пламеннаго чувства и неполномъ развитіи разумности, тягостны, преступны кажутся всякія толкованія, или обсуды предметовъ его религіознаго убѣжденія. Онъ услаждается сими предметами, и до тѣхъ поръ, пока не ощутитъ потребностей лучшихъ, возвышеннѣйшихъ, онъ будетъ

ревностнымъ гонителемъ всего несогласнаго съ его убѣжденіемъ.

118. Со всѣмъ тѣмъ, отдавая все уваженіе пламенности религіознаго чувства, такимъ образомъ проявляющагося, не льзя не согласиться, что не всѣ умы, и одинъ умъ не всегда бываетъ расположенъ услаждаться только величіемъ предмета, теряться въ его высотѣ. Въ душѣ есть и стремленіе къ сознанію; совершивъ важное дѣло, вышедъ изъ глубокаго чувства — мы оживляемъ въ памяти прошедшее дѣйствованіе и состояніе души своей; сего мало, разумность простираетъ въ насъ свои требованія дальше. То, что было прежде пріято чувствомъ, она подвергаетъ пересмотру разсудка, подводитъ подъ требованія соображенія. Сему пересмотру естественно можетъ подвергнуть человѣкъ не только произведенія искусства, выражающаго идеи, но и извѣстное историческое проявленіе Религіи. И право на сіе тѣмъ священнѣе, что на той высотѣ, на которую вѣра возноситъ человѣка, мы желали бы видѣть его въ совершеннѣйшемъ видѣ, безъ черныхъ пятенъ заблужденія! Хочетъ ли онъ сближаться съ Божествомъ, онъ долженъ

имѣшь не только сердце чистое, но и свѣтлое око ума — чтобы самымъ служеніемъ Богу не посрамлять Его святаго величія!—Даже, продолжимъ мысль главную, есть души, которыя больше настроены къ строгой самоотчетливости, нежели углубленію въ чувство. Природа не отливаетъ всѣхъ людей въ одинаковую форму. —

119. Теперь, пусть сойдутся между собою два человѣка сихъ различныхъ настроеній разумной природы; они съ трудомъ согласятся между собою. Одинъ, съ перевѣсомъ чувства, будетъ требовать слѣпаго поверженія въ объятія вѣры, доставляющей ему услажденіе. Другой съ перевѣсомъ разумности можетъ обнаружить еще недоумѣнія касательно умѣстности и приличія нѣкоторыхъ выраженій чувства умозрительныхъ, или вещественныхъ. Первый, съ избыткомъ надѣленный чувствомъ идеальнаго, во всемъ скоро и легко находитъ его отраженіе, тягостится, когда другіе не вдругъ находятъ оное; другой съ трудомъ будетъ возноситься до сферы горняго, будетъ устремлять особенное вниманіе на внѣшнюю оболочку, чтобы по ней угадать, что сокрывается подъ нею, и—дивить-

ся, когда другіе находятъ въ ней больше, нежели сколько она показываетъ. Другими словами, одинъ будетъ обнимать предметы вѣры чувствомъ, другой разумѣніемъ, одинъ будетъ всегда парить, другой осторожно подниматься. Одинъ всегда будетъ усиливаться прояснить идею, выражаемую въ дѣйствіяхъ религіозныхъ, обсудить ея значеніе, сообразить, прилично ли, достаточноли она выражена; другой будетъ тягоститься и оскорбляться всякими изысканіями разсудка, подозрѣвать въ нихъ желаніе подорвать истины вѣры, уничиженіе священнаго. — Ему всегда будетъ казаться, что другіе не досязаютъ той высоты, на которой стоитъ онъ самъ и поставляетъ его вѣра: тогда какъ другой будетъ требовать, чтобъ тотъ указалъ ему путь, какимъ онъ возшелъ, способъ, какимъ онъ нашелся на той высотѣ.

Понятно, что зависимо отъ указанной разности настроенія и направленія умовъ и рѣшеніе вопроса объ отношеніи ума къ самой Религіи, — можетъ быть уже не только не одинаково, но и противоположно. Не то это значитъ, чтобъ не было естественной мѣры въ отношеніи ума къ вѣрѣ: но симъ мы хо-

тимъ то сказать, что своеличное настроеніе больше или меньше всегда можетъ видоизмѣнять судъ о семъ отношеніи. Сія разность суда можетъ по обширному дѣйствію своей причины, и тамъ открываться, гдѣ дѣло касается самой Религіи истинной. Впрочемъ разногласіе долго еще можетъ быть непримѣтно, и двѣ стороны могутъ стоять совмѣстно, доколѣ одна которая либо не обнаружитъ неумѣренныхъ притязаній, или не пустится въ крайность. — Какъ скоро открывается подобное забвеніе золотой средины: тотчасъ раждаются споры, обвиненія, проклятія, гоненія. Одна крайность всегда вызываетъ другую, взаимное недоразумѣніе усиливается больше и больше. Узелъ спора стягивается круче и круче.

120. Само собою разумѣется, что сіе склоненіе къ крайностямъ можетъ имѣть различныя степени, едва исчислимыя. Слѣд. если нужно обозначить возможныя различныя рѣшенія упомянутаго вопроса: то не иначе, какъ только взявъ въ разсмотрѣніе самыя крайнія ихъ проявленія, предоставляя частнѣйшія развитія оныхъ изложенію историческому. Нужно ли теперь указать крайнія рѣшенія — онѣ будутъ

слѣдующія: одно гласитъ: разуму, разсужденію нѣтъ никакаго мѣста въ дѣлахъ Религіи; здѣсь мѣсто одной вѣры; другое: вѣра слѣпа, въ дѣлахъ вѣры должно руководиться умомъ и однимъ умомъ. — Это самыя крайности; больше примѣчается наклонности къ срединѣ, къ скромности сужденія, когда въ обоихъ положеніяхъ вмѣсто *одинъ* поставляютъ *предпочтительно;* еще больше, когда, совѣтуя отдаваться одному, будутъ требовать, чтобъ справлялись и съ другимъ. —

Примѣч: Приглядываясь къ спорамъ во всѣхъ родахъ учености, я всегда находилъ, что они собственно касаются не столько существа дѣла, — сколько мѣры, въ какой извѣстная мысль или правило должны быть допущены. — Кто сообразитъ, какъ трудно уловить и удержать истинную средину: тотъ не можетъ, кажется, быть столько самонадѣянъ, чтобъ рѣзко укорять другихъ въ невѣденіи, или неблагонамѣренности. Скорѣе онъ долженъ усиливаться развивать до непрерѣкаемой очевидности взглядъ собственный. —

121. Какъ можно думать основательно о семъ отношеніи? Для удовлетворительнѣйшаго отвѣта на сей вопросъ спросимъ предварительно: что должно выйти, если въ дѣлахъ вѣры отвергнуть употребленіе разума, дать мѣсто

одной вѣрѣ, какъ требуетъ первая крайность? Очевидно всякая вѣра, всякое проявленіе чувства религіознаго, и правильное и неправильное, должны будутъ оспариваться неприкосновенны, священны; тогда Религія не только мало по малу можетъ принять недостойные наросты, но и нѣкоторымъ образомъ освящать самыя страсти и пороки, представляя оныя въ богахъ; тогда мнимое угожденіе Божеству будетъ требовать гоненія неосторожныхъ, превратно понимаемый образъ примиренія съ Божествомъ - кровавыхъ жертвъ человѣческихъ. Очевидно, какія слѣдствія ужасныя. Ибо чувство, неозаряемое умомъ, слѣпо! Возмемъ теперь другую крайность,—что должно быть, если Религію предоставить суду и распоряженію одного ума? — Опять слѣдствія не со всѣмъ благопріятныя. Умъ, не обуздываемый уваженіемъ давняго, утвержденнаго другими, будетъ стремиться къ безпрерывному измѣненію въ дѣлахъ вѣры; ничего не будетъ твердаго. Дальше, поелику умъ въ одномъ изъ насъ такую получаетъ степень развитія и образованія, объявляетъ такія требованія; въ другомъ онъ или поднимается выше, или стоитъ еще ниже; а зависимо отъ

сего и требованія различныхъ умовъ будутъ разныя: въ дѣлахъ вѣры не будетъ единства;— умъ безъ чувства не твердъ. Теперь, хотя можно предполагать съ одной стороны, что нѣкогда всѣ люди поднимутся на такую степень образованія, на которой возможно единство; съ другой, что могутъ составиться общества людей сходныхъ по своему образованію и потребностямъ сердечнымъ: все однакожъ отвердѣнія системы вѣрованія на философскомъ основаніи ожидать не возможно. Въ первомъ случаѣ — подобной степени образованія ожидать очень долго, а дотолѣ безъ Религіи быть невозможно; во второмъ безъ авторитета, безъ водительства, безъ перевѣса на сторонѣ котораго либо изъ членовъ долго быть не можетъ; а если такимъ образомъ составится система вѣрованія, то она будетъ имѣть видъ обыкновенныхъ вѣрованій, распространенныхъ по землѣ. — Так. обр. ни одному уму исключительно, ни одному преданію, исключающему изысканія разума дѣло религіи предоставить не возможно. Одно изъ нихъ не можетъ обойтись безъ другаго. Умъ безъ разума—опасный руководитель въ дѣлахъ вѣры! —

122. Теперь стоитъ только приглядѣться къ тѣмъ случаямъ, въ которыхъ мы поставляемся въ необходимости пользоваться разсудкомъ и когда всецѣло отдаемся вѣрѣ; — и достаточно уяснится мѣра, въ какой можетъ и долженъ имѣть свое достоинство умъ въ области Религіи; еще больше — откроются въ своей наготѣ основанія, на коихъ обыкновенно отдается предпочтеніе уму или откровенію. Во первыхъ надобно согласиться, что умъ не можетъ не входить въ разсмотрѣніе возможности, общеполезности, потребности откровенія, хотя какъ авторитетъ, оно необходимо нужно въ дѣлѣ, которымъ устрояется вѣчное благо и спокойствіе человѣка. Самъ умъ, далѣе, приступая къ прояснению нашихъ отношеній къ Божеству, не можетъ остановиться безпечно на вѣрованіи одного какаго либо народа, а долженъ пройти лѣтописи, воспользоваться познаніями всего человѣчества. — Наконецъ — умъ по самому настроенію своей природы не можетъ усвоять чего либо довѣріемъ, не нашедъ на сіе сколько нибудь удовлетворительныхъ основаній. — Во всѣхъ сихъ случаяхъ, даже тогда, когда, нашедъ на прим. истинное откровеніе, умъ испытываетъ его достовѣрность — онъ, пред-

ставляется какъбы стоящимъ выше религіи, выше Откровенія.—Другія вступаютъ отношенія, какъ скоро, узнавъ ближе Откровеніе, мы усвоясмъ себѣ оное довѣріемъ, и начинаемъ жить и дѣйствовать по требованіямъ заповѣдей, изложеныхъ въ религіи, проявившейся во времени. Здѣсь уже умъ начинаетъ покорствовать, тогда какъ доселѣ онъ только испытывалъ съ нѣкотораго рода недовѣрчивостію.—Теперь, хотя можно сказать еще, что человѣкъ покорствуетъ здѣсь собственно не вѣщаніямъ вѣры, какъ откровенія, но внушеніямъ тогоже разума, который нашелъ сіи вѣщанія согласными съ требованіями своей природы: но это самодовѣріе бываетъ только съ начала и то не надолго. Умъ, облаженствованный убѣжденіемъ въ томъ, чего прежде искало сердце, и въ чемъ разувѣряетъ насъ по временамъ разсудокъ, скоро можетъ забыть всякій разъ справляться со внушеніями своей природы, принимаетъ печать вѣры и—его предписанія какъ бы сливаются съ вѣленіями вѣры.—Послѣ сего стоитъ только не взять въ соображеніе сихъ различныхъ и противоположныхъ соотношеній ума къ вѣрѣ, а остановиться на одномъ изъ нихъ, и — сей часъ зай-

дешь въ крайность при опредѣленіи нормальнаго отношенія ума къ религіи положительной;— какъ не рѣдко и превращаютъ религію — дѣло сердца — въ одинъ умозрительныя или истолковательныя изысканія, или даютъ такой совѣтъ: повѣрь и ты увѣришся: совѣтъ весьма спасительный для душъ ненавыкшихъ мышленію и сужденію самостоятельному, но не совсѣмъ умѣстный, когда надобно обратить къ вѣрѣ умъ твердый, навыкшій соглашаться только на убѣжденія готовыя.

123. Но въ раскрытомъ ходѣ и постепенномъ видоизмѣненіи отношенія ума къ вѣрѣ,—можно видѣть и предѣлъ, до котораго простирается дѣйствованіе ума при сближеніи его съ областію вѣры.—Доколѣ умъ не вступилъ подъ знамена вѣры положительной, онъ свободенъ, и можетъ употреблять всѣ силы свои для испытанія, обязанъ ли онъ покаряться ея вѣщаніямъ; справедливы ли ея требованія на довѣріе къ себѣ всѣхъ и каждаго. И нѣтъ ничего естественнѣе и справедливѣе усилій достигнуть развитаго убѣжденія въ истинности извѣстной вѣры. Вѣра связуетъ насъ съ Божествомъ; правота ея — первое благо наше на землѣ; въ ней основа нашего спокойствія, истокъ

нашихъ лучшихъ дѣйствій. Но чѣмъ самая истинная вѣра можетъ рѣшительнѣе отличена быть отъ ложныхъ, если не тѣмъ, что въ ней разумъ человѣческій найдетъ чистое отраженіе идей, коихъ мерцаніе въ себѣ заставляло его искать большаго свѣта? Человѣкъ не можетъ наконецъ не сближать всего съ требованіями разума, что должно получить надъ нимъ господство. И всякому, имѣющему умъ довольно развитый, не естественно ли устремляться къ живому и ясному сознанію правоты своей вѣры (ср. §85) чтобъ тѣмъ сильнѣе проявлять ея убѣжденія въ жизни? — Самоотчетливость и въ убѣжденіяхъ религіозныхъ есть дѣло достойное человѣка и вмѣстѣ неотразимая потребность — на высшей степени его развитія. Не льзя конечно принуждать къ ней всѣхъ, не льзя требовать ее отъ каждаго. Но образованный самъ будетъ искать ее, безъ внушеній сторонних самъ употребитъ усилія вознестись къ ней; и сколько можно порадоваться, когда усилія сіи принесутъ надлежащій плодъ свой—убѣжденіе ясное, живое! — Убѣдившись въ справедливости требованій вѣры положительной, умъ уже самъ оставитъ свою излишнюю пытливость, и скоро содѣлается живымъ и дѣятель-

нымъ членомъ общества вѣрующихъ. Совершивъ дѣло испытанія, должно уступить мѣсто и увлекающей и оживляющей силѣ чувства.

124. Если и въ области вѣры умъ не можетъ совершенно потеряться и изчезнуть, если и переступивъ въ сію область, онъ будетъ еще удерживать прежнюю изыскательность: то и это воспрещено быть не можетъ, и будетъ совершаться по тому же какъ бы праву, по какому умъ въ собственной области не отвергаетъ довѣрія, допускаетъ разумную вѣру. Конечно всякая Вѣра имѣетъ въ виду доставить человѣку полное вѣденіе, и симъ какъ бы освобождаетъ его отъ обязанности больше и больше развивать и расширять свои познанія; — вѣра предполагаетъ замѣнить человѣку недостающій или лучше неразвившійся еще въ немъ разумъ: — но симъ она не испровергаетъ собственно усилій человѣческихъ, ни умственной дѣятельности самостоятельной, напротивъ только еще воспитываетъ къ нимъ. Только неистинная или превратно понимаемая вѣра можетъ осуждать успѣхи ума въ разъясненіи природы, — или откровеній Божественныхъ! — Вѣра нужна уму, она помогаетъ ему; и умъ не чуждъ вѣрѣ, онъ развив-

ваетъ ее, проясняетъ наше человѣческое сознаніе Божественнаго (ср. §§ 86. 87. 88). —

Возможность полнаго сближенія ума съ откровеніемъ истиннымъ — безъ ущерба для самостоятельности и изыскательности философской.

125. Не льзя ли бояться, что умъ не сойдется съ Религіею положительною; не справедливы ли опасенія, что Философія и Откровеніе навсегда останутся въ противорѣчіи? — Сіи страхи совершенно напрасны. Разумѣется, что мы должны взять здѣсь откровеніе — какъ равно и разумъ — въ нормальномъ развитіи. Судя по сему понятію, и истинное откровеніе и истинная Философія, какъ мы и прежде замѣтили (см. § 90) должны совершенно сойтись въ своихъ внушеніяхъ. Ибо и нашъ разумъ, какъ и истинное откровеніе, данъ намъ отъ Бога, и слѣд. долженъ содержать въ себѣ по крайней мѣрѣ предчувствіе того, что можетъ или должно сообщить откровеніе. Теперь, хотя по настроенію ума своего, мы не можемъ принять что либо за вѣрное безъ изслѣдованія, и слѣдов. Философія, какъ главная представительница изыскатель-

ности ума, не можетъ сблизиться съ откровеніемъ до тѣхъ поръ, пока не опредѣлитъ его достоинства и того довѣрія, какое можно имѣть къ нему: отсюда однакоже никакъ не слѣдуетъ, чтобы Философія вѣчно должна была оставаться въ непріязненомъ отношеніи къ Откровенію. — Какъ будто истины откровенія необходимо должны быть чужды разуму человѣческому. Многое — можетъ откровеніе только и подтверждать; и съ сей стороны уже разумъ скоро долженъ сблизиться съ откровеніемъ. Сего мало; можно сказать вообще. Кто ищетъ извѣстности и не зашелъ до излишней самодовѣренности: тотъ непремѣнно легко и скоро сблизится съ откровеніемъ. Съ одной стороны потребность зависимости, глубоко положенная внутри нашей разумной природы, съ другой — невозможность обойтись безъ важныхъ истинъ, сообщаемыхъ откровеніемъ, служатъ достаточною порукою единства разума и откровенія.

Еслибъ даже мы носили въ душѣ своей одно стремленіе къ самостоятельности, и могли удовлетворять нуждамъ сердца своего однѣми своими силами: и тогда едвали мы моглибы обходиться безъ откровенія. Но, какъ есть въ духѣ

нашемъ потребность дѣйствовать по своему собственному направленію: такъ есть и необходимость покаряться влеченію стороннему. И состоянія ума всегда суть плодъ совмѣстнаго дѣйствованія обѣихъ сихъ силъ; напряженныя самостоятельныя изслѣдованія наконецъ утомляютъ насъ; мы ищемъ покоя въ нѣдрахъ вѣры.— Если безжизненный покой какъ бы несносенъ уму нашему; если, отдохнувъ на лонѣ вѣры, умъ воспрядаетъ къ новой самостоятельной дѣятельности: но всегда снова долженъ обращаться къ вѣрѣ, чтобъ снова почить въ ея объятіяхъ.— Далѣе: и та бѣдность природы нашей, та незвѣстность, въ которой оставляютъ насъ не рѣдко самыя напряженныя и благонамѣренныя изслѣдованія, заставляютъ необходимо предполагать и искать высшаго озаренія, и слѣд. какъ-бы прямо повергаютъ въ объятія откровенія. Человѣкъ не способенъ къ созерцанію предметовъ въ ихъ полномъ свѣтѣ; ему не дано постигать вещи въ ихъ сущности; онъ долженъ какъ бы скользить по ихъ наружности, стараться проникать основу ихъ держащую и едвали когда либо уразумѣть ее раздѣльно. Теперь, не могши обойтись безъ того, чего такъ

сильно домогается, ни превратнымъ толкованіемъ заглушить требованія своей разумности, — умъ нашъ долженъ бываетъ по необходимости прибѣгать къ вѣденію вышшему, сообщаемому другимъ, чтобы хотя мало, хотя съ возможнымъ обольщеніемъ облегчить нужды своего сердца. — Мы слабы, и въ такихъ дѣлахъ, каково опредѣленіе отношеній нашихъ къ Божеству всегда дѣйствуемъ болѣе довѣрчивостію; къ ней неотразимо располагаетъ глубокое чувство высоты Божественнаго и нашей слабости человѣческой.

Въ самомъ настроеніи души нашей находятся ясные слѣды предрасположенія къ усвоенію откровенія. Съ сей стороны весьма справедливо изреченіе одного изъ Отцевъ Церкви, что душа по самой природѣ своей есть христіанка! Въ самомъ дѣлѣ, что заставляетъ умъ нашъ вступать въ напряженное состояніе всегда тяжелой недовѣрчивости, незаканчаемаго исканія? — Не желаніе ли, хотя тайное для многихъ, приблизиться къ чистому, Божественному? — Въ душѣ нашей слишкомъ глубоко лежитъ корень единенія съ Божествомъ, чтобъ могли удовлетворять насъ познанія ограниченнаго, естественнаго: намъ нужно выш-

шее, горнее. Къ нему мы стремимся по направленію, данному природѣ нашей въ самомъ ея отдѣленіи въ рядъ существъ объединичившихся (недѣлимыхъ). По сей-то самой причинѣ все таинственное завлекаетъ насъ; посему-то является ли гдѣ откровеніе: мы (разумѣется, если нужды нашего сердца не удовлетворены достаточно) со всею стремительностію готовы объять оное. Посему же самому и Философія рано ли поздо ли необходимо должна сблизиться съ религіею положительною истинною. Ибо будетъ ли откровеніе истинное: тогда Философія, если только хорошо пойметъ нужды человѣка, подвергнувъ испытанію истины, предлагаемыя въ качествѣ откровенныхъ, и убѣдившись въ ихъ горнемъ произхожденіи, необходимо должна признать оныя священными и принять не такъ уже, чтобъ считать ихъ на ряду съ другими мыслями только предположеніями требующими подтвержденія, но такъ, чтобы находить въ нихъ непреоборимую защиту противъ своихъ сомнѣній (см. § 128).

126. Вступая въ союзъ съ Откровеніемъ, не теряетъ ли Философія кореннаго своего характера самостоятельности; или не отказывается ли нѣкоторымъ образомъ отъ своего

незаканчаемаго исканія истины? — Но изъ того, что мы сказали о самостоятельности философскихъ изысканій, можно видѣть, что сей характеръ отнюдъ не ведетъ къ тому, чтобы Философія должна была вѣчно опровергать всякую вѣру, на жизнь и смерть бороться съ вышнимъ стороннимъ внушеніемъ. При всемъ дѣйствіи сего характера самостоятельности умъ человѣческій можетъ соглашаться на извѣстныя истины, хотя не иначе, какъ на основаніи достаточныхъ убѣжденій. Теперь, какъ истинное откровеніе не можетъ не сопровождаться сего рода убѣжденіями; ибо Богъ не можетъ идти противъ разума однажды даннаго, не можетъ давать откровенія такъ, чтобы не оставить на немъ достаточныхъ признаковъ его небеснаго произхожденія: то согласіе ума на истины откровенія истиннаго отнюдъ не будетъ противъ главнаго характера Философіи, напротивъ будетъ совершенно въ духѣ законовъ природы нашего ума. Извѣстно, что умъ по настроенію собственному долженъ всегда принимать вѣрное, какъ скоро оно оправдалось предъ судомъ его. Слѣдов. не тогда Философія можетъ поступать противъ собственнаго характера, когда при-

нимаетъ откровеніе,—но тогда, когда бы вздумала безразсудно отвергать откровеніе, въ обоихъ случаяхъ разумѣется, истинное (ср. § 90).

127. И изыскательность, стремящаяся къ большему и большему прояснению нашего вѣдѣнія, не только не подавляется, когда разумъ усвояетъ истины вѣры, напротивъ еще получаетъ надежную опору. Не льзя устремляться вдаль, возноситься въ высь, не имѣя твердой опоры. Хотя въ собственномъ сознаніи, въ самочувствіи своемъ человѣкъ имѣетъ довольно надежную опору: но стоитъ только припомнить, какъ умозрѣніе въ движеніи своего мышленія посмѣвалось и сему оплоту противъ сомнѣній,—чтобъ убѣдиться, что человѣкъ имѣетъ нужду и въ другой болѣе твердой опорѣ, нежели какова—общая увѣренность. Извѣстна слабость людей обыкновенныхъ. Въ умственныхъ ли познаніяхъ, въ нравственныхъ ли расположеніяхъ— они всегда нѣкоторымъ образомъ двоятся между собою. Это неизбѣжная участь людей, стоящихъ на степени разсуднаго образованія. Животныя не знаютъ сего раздвоенія; ихъ влечетъ, ими властвуетъ одинъ инстинктъ. Теперь хотя какой-то высшій разумный инстинктъ есть

и въ человѣкѣ: но его дѣйствіе слабѣетъ, когда человѣкъ начинаетъ дѣйствовать по разсужденію. Сіе разсужденіе есть слабый начатокъ нашей свободы; умъ лишь нѣсколько успѣваетъ съ нимъ ознакомиться, какъ начинаетъ вполнѣ и всегда ему отдаваться. Но сіе-то разсужденіе всего чаще ему измѣняетъ; слабое въ своемъ началѣ, оно не можетъ собою руководить человѣка къ тому-же, къ чему влечетъ его чувство. Между тѣмъ при полной довѣрчивости къ своему разсудку, образовавшейся частію уже навыкомъ, частію мнимою, льстивою свободою сознанія, человѣкъ только съ трудомъ можетъ покарять волю и умъ своему разумному инстинкту. Только уже на вышшей степени развитія умственныхъ силъ или и при большей силѣ инстинкта, надѣленной отъ самой природы, можетъ онъ свое соображеніе и внушенія своего чувства согласить къ одной цѣли, къ единству дѣйствія. Но природа рѣдко являетъ такихъ людей, въ коихъ разумный инстинктъ успѣваетъ проявиться во всей своей силѣ. — За то, когда являются такія лица, все увлекаютъ за собою, все находитъ въ нихъ свою норму, съ подобострастіемъ пріемлетъ ихъ чувства, раздѣляетъ

образъ ихъ мыслей, покаряется ихъ цѣлямъ. Если при семъ величественномъ развитіи человѣческой природы, ихъ явленіе и дѣйствованіе возвышается еще въ своемъ величіи таинственнымъ наитіемъ и содѣйствіемъ самаго Божества: то уже рѣшительно въ родѣ человѣческомъ совершается торжество утвержденія истины (ср. § 89).

128. Ибо и Философъ, какъ ни высоко стоитъ онъ надъ обыкновеннымъ сознаніемъ, — не стоитъ на точкѣ чувства, на той точкѣ, на которой истины непреодолимо овладѣваютъ нашимъ духомъ, неотъемлемо созерцаются очами ума. Дѣло Философа, какъ мы видѣли (см. § 51 и стр. 138) прояснять, слѣд. быть истолкователемъ чувства; его дѣло укладывать явленія въ составленную идеальную норму и симъ способомъ утверждать значеніе самаго идеала. Но мы видѣли, что работа сія почти незакончаема, что только съ нѣкоторымъ насиліемъ обыкновенному состоянію продолжается, что Философъ, обращаясь въ быту житейскомъ, самъ долженъ признавать нѣкоторыя истины неоспоримо вѣрными, раздѣлять общія убѣжденія другихъ. Теперь при той незаконченности выводовъ, — что должно дать

твердость его работѣ, что должно поддержать духъ его при маломъ успѣхѣ его соображеній,—при той слабости обыкновенныхъ вѣщаній общаго смысла, что̀ должно укрѣплять его въ надеждѣ, что̀ извѣстное представленіе содѣланное нормою вселенной — непреложно вѣрно, если не та живая увѣренность, какая проявляется въ людяхъ, въ которыхъ яснѣе и рѣшительнѣе прочихъ развился и обнаружился характеръ человѣчества? — Смѣло можемъ сказать: религіозная увѣренность нѣкоторыхъ лицъ рода человѣческаго есть наиболѣе надежная опора для философской изыскательности; Философія никогда не моглабы итти твердымъ шагомъ, не смѣла бъ рѣшительно высказать вышшихъ мыслей, каковы на прим. Богъ дѣйствуетъ въ мірѣ, еслибъ не было въ родѣ человѣческомъ такихъ лицъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи совершеннѣйшихъ, для коихъ сія мысль была стольже вѣрна, какъ ихъ жизнь собственная, и кои вполнѣ проникаясь и оживляясь сего рода мыслями, не только не уронили въ себѣ характеръ человѣчества, напротивъ еще возвысили его и рѣшительнѣйшимъ, торжественнымъ образомъ развили. Для самаго

Философа, какъ онъ способенъ болѣе къ ясному, нежели живому сознанію,— возбудительная сила другихъ, какъ воздѣйствіе внѣшней природы при образованіи ея объясненій, составляетъ важную необходимую основу. — Свѣтлый лучь мысли только тамъ можетъ съ успѣхомъ открывать свою концепирическую дѣйствительность: гдѣ уже пробудилъ жизнь къ развитію — темный лучь чувства. — Такимъ образомъ именно живое Богосвѣдѣніе, какъ непреоборимое убѣжденіе, какъ естественное проявленіе разумнаго чувства въ человѣчествѣ, даетъ вѣрную опору Философіи. Его истины составляютъ какъ бы путеводныя звѣзды, поставленныя по мѣстамъ горизонта умозрительнаго, дабы умъ могъ безопаснѣе двигаться въ обширной области человѣческаго мышленія. — Астрономъ знаетъ безпредѣльную глубину неба и смѣло простираетъ въ него взоръ свой, чтобъ все небо наполнить свѣтлыми звѣздами. Такъ и Философъ, утвердивъ какъ свѣтлыя звѣзды на небѣ истины откровенія, старается прозрѣть во мракъ, лежащій между ними, чтобъ вызвать изъ него переходный свѣтъ силою созерцанія! И его работа тогда только можетъ кончиться, когда онъ, какъ новый Гершель,

разольетъ яркій свѣтъ по всему горизонту мыслей человѣческихъ.

Отношеніе Философіи къ Догматикѣ богословской, какъ наукѣ. —

129. Короче и проще опредѣляется отношеніе Философіи къ Богословію, или опредѣленнѣе къ Догматикѣ. Тоже единеніе, какое мы показали необходимымъ между умомъ и откровеніемъ, оказывается естественнымъ и между двумя ихъ представителями — науками, Философіею и Догматикою Богословскою. Правда характерами своими онѣ довольно разнятся между собою, и именно въ философскихъ изслѣдованіяхъ, какъ мы видѣли, беретъ перевѣсъ самостоятельность, въ опредѣленіяхъ богословскихъ имѣетъ мѣсто зависимость. Философія на вѣрность мыслей ищетъ основанія въ связи и существѣ самыхъ мыслей, и довѣряетъ больше требованіямъ ума: Богословіе, какъ и всѣ науки положительныя, должно только излагать мысли готовыя, высказанныя въ священныхъ памятникахъ, слѣд. въ своихъ ученіяхъ зависитъ отъ источника положительнаго. Но надобно помнить, что въ крайностяхъ, взятыхъ отдѣльно, приближенія къ полной истинѣ нѣтъ. Бого-

словіе безъ философскихъ основаній не всегда можетъ удовлетворять сознанію образованному, и Философія безъ истинныхъ вѣщаній Откровенія должна итти къ истинѣ путемъ длиннымъ, чрезвычайно утомительнымъ и едвали надежнымъ. Да и самъ умъ человѣческій, разсматриваемый въ себѣ самомъ, не можетъ завлекаться ни къ всецѣлой самостоятельности, ни водиться всегда однимъ довѣріемъ безъ всякаго изслѣдованія.— Въ его природѣ лежитъ совмѣстное требованіе того и другаго.

Почему предположивъ вѣрнымъ съ одной стороны, что Божественное откровеніе истинно дано, и что Догматика излагаетъ оное въ видѣ совершенно вѣрномъ, а съ другой,— что умъ человѣческій при размышленіи объ бытномъ, поступаетъ совершенно согласно съ своими законами, — можно напередъ быть увѣрену, что Философія и Догматика въ семъ случаѣ сошлись бы между собою совершенно. Ибо не льзя думать, чтобъ Божество могло разногласить въ своихъ откровеніяхъ. — Но какъ не всякая Догматика можетъ быть признана правильнымъ изложеніемъ Божественнаго откровенія, и какъ наоборотъ не всякая философская система можетъ быть признана

полнымъ выраженіемъ жизни природы: то разность между ними по крайней мѣрѣ въ неважныхъ чертахъ почти неизбѣжна. Люди не одинаково понимаютъ природу и положительные памятники во всякое время.—Какъ поступать при оказавшейся дѣйствительной разности выводовъ Богословія съ опредѣленіями Философіи, можно судить по тому, что мы сказали о средствахъ къ соглашенію при открывающейся разности требованій разума съ указаніями опыта mutatis mutandis. Въ тягостной мысли о неизбѣжности сихъ небольшихъ разногласій можно утѣшать себя по крайней мѣрѣ небезосновательнымъ ожиданіемъ легкаго сближенія ихъ между собою. Примѣръ на нашихъ познаніяхъ; не будучи полными обладателями истины, мы все однакожъ постепенно больше и больше уравниваемся съ природою въ своихъ представленіяхъ. — Не освобождая Философіи отъ обязанности сближаться съ Откровеніемъ посредствомъ Богословія, можемъ здѣсь напомнить сей послѣдней наукѣ, чтобъ она незабывала сближаться съ Философіею.— Богословіе посредствуетъ между откровеніемъ и человѣческимъ разумомъ. Чтобы облегчить послѣднему усвоеніе перваго, она

естественно должна приникать къ образованію, въ какомъ находится Философія, чтобъ всячески распространить дѣйственность чувствъ Божественныхъ въ кругу общежитія! — Ясное и зрѣлое указаніе идей разума въ оболочкѣ положительнаго—вотъ высокая задача Богословія, въ разумномъ духѣ обрабатываемаго! —

Отношеніе Философіи къ общему смыслу.

130. Какъ относится Философія къ общему смыслу? — Хотя сей источникъ истиннаго не рѣдко противопоставляли Философіи, требуя, чтобъ рѣшенія послѣдней нисколько не разнились съ убѣжденіями перваго: но если сказать наше сужденіе,— Философія не имѣетъ и не можетъ находить въ смыслѣ общемъ закляпаго противника своимъ опредѣленіямъ. Онъ упоренъ сей противникъ, неистребимъ, но получаетъ все свое значеніе, легко развиваетъ всѣ свои силы только подъ вліяніемъ и озареніемъ Философіи. Философія конечно не въ силахъ довести его до ничтожества: но она и не захочетъ попирать его внушеній, если правильно понимаетъ свое назначеніе. Общій смыслъ долженъ непремѣнно искать себѣ помощи отъ Философіи

чтобы удержать свое вліяніе во всѣхъ развитіяхъ силы мысленной; безъ подпоры Философіи силы его иногда могутъ оказаться скудны, опредѣленія шатки, голосъ слабъ. Вступаетъ ли онъ въ союзъ съ Философіею: берутъ силу и вѣсъ — получаютъ значеніе всѣ опредѣленія здраваго смысла. — За то и сама Философія не можетъ обойтись безъ союза съ симъ слабымъ противникомъ: тѣ представленія быта дѣйствительнаго, въ коихъ мы прежде указали вѣрило философскихъ умозрѣній, всѣ составляются въ области или подъ руководствомъ здраваго смысла. Самая твердость Философіи нѣкоторымъ образомъ утверждается на работѣ здраваго смысла (ср. § 61). Хотя объемъ свѣдѣній или представленій, составляемыхъ подъ руководствомъ общаго смысла, не разложенъ: за то дѣйствуетъ сильнѣе, непреодолимѣе; увѣренность, съ какою утверждаются въ душѣ существа мыслящаго тѣ представленія — совершенно непреоборима. Правда общій смыслъ не всегда вѣрно передастъ намъ явленія, какъ онѣ есть: — за то видъ сихъ явленій остается неизмѣненъ и послѣ того, какъ изслѣдованія разума убѣждаютъ въ ошибочности воззрѣній чувственныхъ. Такъ

ощущеніе собственнаго бытія въ человѣкѣ ничѣмъ непреодолимо; такъ никогда не перестанетъ намъ казаться, что солнце, небо движется, а не земля.

Значеніе Философіи въ ряду проявленій человѣческаго разумѣнія.—

131. Вникнемъ ближе въ постепенное развитіе нашей силы разумѣнія: и отношеніе Философіи къ тому, что обыкновенно называется общимъ смысломъ, опредѣлится яснѣе. Есть въ человѣкѣ какое-то тайное чувство истиннаго; не во всѣхъ дѣйствуетъ оно совершенно, но тѣмъ не менѣе его дѣйствія иногда очень вѣрны. Иногда только тайно дѣйствуетъ оно; — не совсѣмъ непреоборимы его внушенія: за то сіи внушенія имѣютъ такую увлекающую силу, что идти противъ нихъ мы не иначе можемъ, какъ съ нѣкоторымъ насиліемъ самимъ себѣ. Не прояснено и почти непрояснимо это чувство: но тѣмъ не менѣе оно во всѣхъ развивается очень рано; въ нѣкоторыхъ лицахъ можетъ быть очень живо, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даетъ себя разумѣть ясно. Не всегда дѣйствуетъ оно въ человѣкѣ; и особенно примѣтно, что съ раз-

вишіемъ рмзсудка оно ослабѣваетъ: за то снова является со всею силою, когда изъ сферы разсудка человѣкъ вступаетъ въ область разума. Вѣритъ предметному значенію своихъ представленій, твердо отличаетъ истинное отъ ложнаго при рѣзкой, полной ихъ противоположности, скоро переходитъ отъ дѣйствія къ причинѣ, по явленію судитъ о силѣ, оное производящей, признаваетъ справедливость нравственныхъ требованій и осуждаетъ уклоненіе отъ оныхъ, спокойно дѣйствуетъ въ ряду другихъ существъ — вотъ обыкновенное проявленіе общаго чувства, здраваго смысла. Чего не достаетъ въ сихъ дѣйствіяхъ, то именно только строгой отчетливости, яснаго сознанія: почему образъ сихъ дѣйствій и мыслей есть дѣйствительно вѣрный, безошибочный. Смыслъ общій едвали можетъ отыскивающему на сіе основаній сказать и то: я нужусь такъ мыслить и дѣйствовать, этотъ образъ поведенія мнѣ естественный. — Нужно прибѣгнуть въ помощь разсудку, чтобъ подобная отчетливость образовалась.

132. Но приходитъ разсудокъ, начинаетъ свое дѣло: и скоро то, что было доселѣ твердо, оказывается слабымъ; непреоборимое убѣж-

деніе уступаетъ обольстительнымъ выводамъ разсужденія. Причины сего — не одинаковы во все время дѣйствованія разсудка. — Въ первыхъ дѣйствіяхъ своихъ разсудокъ слабъ, какъ и всякая сила; не можетъ усмотрѣть и раскрыть всѣхъ отношеній, на основаніи коихъ требованія чувства должны быть уважены, удовлетворены. Только продолжительное упражненіе собственныхъ силъ можетъ прояснить для насъ отношеніе ума къ чувству. — Въ первыхъ порывахъ къ сочетанію и сближенію мыслей, всякое соприкосновеніе, созвучіе однихъ словъ составляетъ уже для разсудка достаточное основаніе; привходитъ еще дѣтская игривость, неизбѣжная при первомъ развитіи силъ; нѣтъ степеннаго исканія истины, нѣтъ строгаго углубленія въ себя самаго. Узелъ, однажды случайно запутанный, надолго намѣренно оставляется нераспутаннымъ.

Отсюда естественно начинается длинная борьба между разсудкомъ и чувствомъ, въ которой рано или поздо послѣднее возметъ верхъ надъ первымъ.—Но нужно сначала остепенишься самому разсудку, чтобъ развился разумъ. Является какой либо старецъ Сократъ, возникаетъ мудрецъ Аристотель, и начинаютъ разру-

шашься игры разсудка, начинается работа спройная, осторожная; но долго еще, долго разсудокъ и по остепененіи долженъ развивать свою дѣятельность, прилагать ее къ жизни, пока наконецъ начинаетъ усматривать неудовлетворительность, незакончаемость въ самыхъ своихъ дѣйствіяхъ. Человѣкъ, привыкшій дѣйствовать по правиламъ и навыкамъ разсудка, и, усиливаясь подняться до разсужденій разумныхъ, все еще сбивается на стезю старую, которою ходилъ доселѣ. Да и разсудокъ самъ собою не можетъ уже возстановить той связи въ мысляхъ, которую успѣлъ распоргнуть силою своего разложенія.

133. Въ самомъ дѣлѣ что дѣлаетъ разсудокъ? Онъ разлагаетъ понятія, сопоставляетъ оныя съ другими, находитъ между ними разность и сходство; свѣшивая то и другое и подводя предметы подъ одинъ родъ, онъ всегда помнитъ, что при всемъ ихъ сходствѣ разность между ними существенная. Самую связь между предметами онъ готовъ отнести къ произведеніямъ собственнымъ. Если онъ когда и подводитъ одно понятіе подъ другое: то сіе подведеніе въ глазахъ его тогда только важно, рѣшительно, когда одно понятіе совершенно

подчиняется другому. — Сойдутся ли два понятія соотвѣтственныя: ему работа безконечная обглядѣть, не оказывается ли на которой сторонѣ какой либо излишекъ. — Вотъ человѣкъ подсмотрѣлъ, кажется, самую силу въ ея дѣйствіи: разсудокъ говоритъ: а не можетъ ли быть, что подобное сочетаніе мыслей есть дѣло одного навыка, а не природнаго хода вещей. Такимъ образомъ иногда, какъ чувство все береть совмѣстно, цѣликомъ (оно живетъ конкретнымъ); разсудокъ все дробитъ; ему не легко перейти отъ самаго *есть* къ *нѣтъ*, отъ дѣйствія къ причинѣ: ибо понятія сіи суть понятія соподчиненныя.

Хотите ли видѣть дѣйствіе разсудка въ обширнѣйшихъ размѣрахъ: посмотрите на человѣчество въ настоящемъ его положеніи. Въ семъ состояніи оно большею частію находится на степени разсудочнаго развитія. Чтожъ? Есть въ немъ понятія, требованія вышнія: но сильнаго, рѣшительнаго проявленія сихъ требованій въ сужденіяхъ и дѣлахъ не видно. Въ зрѣломъ общежитіи человѣкъ пріучается жить по расчетамъ корысти; внѣ успѣховъ гражданственныхъ — черты добродушной готовности ко всему доброму заглушаются пре-

увеличеннымъ зависимо отъ мѣстныхъ обстоятельствъ уваженіемъ какаго либо проворства, несогласнаго съ совершенствомъ нравственнымъ. И вообще, когда нужно намъ сдѣлать доброе дѣло, разсужденіемъ своимъ мы успѣваемъ заглушить голосъ совѣсти — сего чувства нравственнаго, извинить свое уклоненіе отъ закона. Разсудокъ вездѣ готовъ довольствоваться слабымъ выраженіемъ истиннаго, ибо полноту его успѣваетъ замѣнить кривымъ развитіемъ соотношеній мысли съ другими, которыхъ не слѣдовало бы сопоставлять съ нею. Сказать ли? — Сама Философія долго не успѣваетъ освободиться отъ обольстительной основательности дѣйствій разсудка, не можетъ подняться до мысли, что есть истина, независящая отъ подчиненія одной мысли подъ другую? Добро — сила разсужденія: но только тогда, когда работаетъ она подъ строгимъ надзоромъ разумнаго инстинкта?

134. Чѣмъ должна кончиться сія работа разсудка? — Или разрушеніемъ всего, или покорностію разсудка чувству. Еслибы мы останавливались на степени образованія разсудочнаго: истинное было бы для насъ одно нижшее,

подчиненное истинамъ вышшимъ; едва ли были бы самыя сіи вышшія, особенно заимствуемыя изъ области умственной (а не естественной). — Умъ человѣческій, особенно при большемъ развитіи разумѣнія, не можетъ наконецъ не примѣтить, что силою разсудка не завершить вѣденія. Проходя область понятій разсудка дѣйствительно можно увѣриться, что въ немъ нѣтъ мысли завершительной. Понятіе *сущаго* объемлетъ только всю область мыслимаго: но не сближаетъ насъ съ Богомъ. Приходитъ голосъ чувства, развивается пламенная жажда вышшаго, единенія съ нимъ: и вотъ человѣкъ, не могши обойтись безъ вышшихъ истинъ, наконецъ ощущаетъ уже недовѣрчивость къ дѣйствіямъ самаго разсудка, предается влеченію разумнаго инстинкта, усвояетъ его внушенія, подтверждаетъ оныя сколько можно соображеніями разсужденія. Теперь уже разсудокъ, бывшій дотолѣ преимущественнымъ властелиномъ въ царствѣ мыслей, покаряется въ послушаніе, и начинаетъ работу развитія и усиленія владычества чувства; — человѣкъ вступаетъ на степень разумности! Приведеніе всего къ стройному единству, покореніе высокой цѣли есть дѣло разума.

135. Спросимъ ли теперь, въ какомъ отношеніи можетъ и должна стоять Философія къ ряду постепенныхъ проявленій нашего разумѣнія: отвѣтъ довольно близокъ; — она не можетъ уже продолжать или подкрѣплять разрушительныя дѣйствія разсудка; ея дѣло осмотрѣть всего человѣка, обсудить всѣ его положенія и опредѣлить образъ его мыслей и дѣйствій не по развитію одной способности, но цѣлаго организма силъ и проявленій душевныхъ. — Теперь, хотя Философія не можетъ отождествиться или слиться съ общимъ смысломъ, ибо общій смыслъ безотчетенъ: тѣмъ не менѣе она не можетъ и отвергнуть его, ни вовсе признать ничтожными требованій и опредѣленій разсудка; иначе она лишила бы себя достаточной защиты. Напротивъ она должна по отношенію къ общему чувству — взять его, опредѣлить его природное значеніе, устранить въ немъ недостаточное: ибо произведеніе естественное не удерживаетъ въ своемъ развитіи всѣхъ совершенствъ; далѣе, прояснить требованія и разсудка соображеніемъ его вѣщаній со всѣми проявленіями природы внутренней и внѣшней; потомъ разборомъ всѣхъ проявленій ра-

зумѣнія возвысить оныя до отчетливости, чтобъ то, что доселѣ оставалось однимъ голосомъ безотчетнаго чувства, содѣлалось гласомъ просвѣщеннаго ума; — словомъ — темныя опредѣленія общаго смысла возвысить въ строгія требованія человѣческой природы. — Такимъ образомъ нашъ разумный инстинктъ, прояснепный дѣйствіемъ Философіи, получитъ новую силу; человѣкъ, доселѣ неразвязное орудіе природнаго влеченія, возрастетъ къ ясному разумѣнію своей свободы и горнихъ идей, таящихся въ душѣ его.

136. Такъ, есть въ душѣ нашей какое-то тайное расположеніе мыслить о совокупности явленій міра такъ, а не иначе; долженъ быть извѣстный какъ бы обликъ природы или органической жизни всего бытнаго, который естественъ духу нашему; есть тайныя, важныя мысли, которыя какъ бы неразрывно соединены съ существомъ нашимъ. Особенно чаяніе Божества, убѣжденіе въ безсмертіи, живое хотя темное чувство своей свободы суть такія мысли, которыя сопровождаютъ человѣка на всѣхъ развитіяхъ его мышленія, во всѣхъ странахъ его прешельствія по землѣ. — Такъ тѣсно связаны онѣ съ разумною

природою нашею, такъ плотно завиты во все видимое строеніе мірозданія, что тотъ принялъ бы на себя дѣло безконечнаго перестраиванія вселенной, кто захотѣлъ бы дать ей стройный видъ безъ одной изъ сихъ мыслей. — Философія въ сихъ мысляхъ имѣетъ для себя и значительныхъ указателей въ полѣ умозрѣній и въ тоже время важныя средства восполнительныя въ опредѣленіяхъ всего бытнаго (ср. § 97.) Во всей природѣ можно слѣдить сіе восполненіе, когда разумъ усмотрѣлъ его однажды, — и вся природа оставется чѣмъ-то незаконченнымъ для ума, когда онъ отрицаетъ воспользоваться сими полновѣсными мыслями! — Уяснить тотъ обликъ естественнаго намъ образа мыслей о жизни вселенной, приблизить къ сознанію наше необходимое къ нему предрасположеніе, развить тѣ мысли до непререкаемой очевидности для всѣхъ и каждаго — вотъ благородное дѣло, какое принимаетъ на себя умъ философствующій? Счастливъ умъ, которому не приходило на мысль сомнѣваться въ сихъ истинахъ, но еще блаженнѣе та душа, которая вознеслась до развитаго разумѣнія необходимости оныхъ. Философія тѣмъ выше по достоинству: чѣмъ

больше успѣваетъ приближать ихъ къ сознанію всѣхъ и каждаго. — Она очень облегчаетъ рѣшеніе своей задачи, когда отдѣлывается отъ нихъ однимъ представленіемъ ихъ въ видѣ требованій нашего разума.

Значеніе Философіи въ быту житейскомъ.

157. Какое значеніе можетъ и должна имѣть Философія въ быту житейскомъ? — Разумѣется, задачею Философіи не можетъ быть — представлять бытъ житейскій, образовавшійся во временной и мѣстной дѣйствительности, въ качествѣ необходимаго требованія науки. Самостоятельная въ своихъ опредѣленіяхъ, она не можетъ принимать на себя видовъ всякаго временнаго изложенія житейскихъ отношеній; плодъ зрѣлаго разума — она можетъ судить, что образовалось доселѣ въ обществѣ по нормѣ, представляемой природою, и не можетъ прикрывать дѣйствительныхъ уклоненій отъ нормы естественнаго. — Она не есть ни историческое изложеніе различныхъ образованій гражданственности, ни статистическое показаніе большихъ и малыхъ отраслей гражданскихъ соотношеній, — сіи зерка-

ла, въ которыхъ общество можетъ безъ стыда смотрѣть на свое прошедшее, и со всѣмъ искуствомъ красить свои черты настоящія. Она — беззавѣтная служительница истины.— Для самостоятельныхъ ея соображеній какъ бы не существуетъ несовершенство отношеній общежитія; знакомая съ горними высями умозрѣнія, она умѣетъ всякой разъ облегчать себя, какъ скоро здѣсь — долу недостаетъ чистаго воздуха для свободнаго дыханія. За то, спускаясь долу, одно естественное, нормальное поставляетъ она всюду правиломъ, мѣриломъ и закономъ!— Не навязываясь притязательно, она хочетъ служить обществу указаніемъ, къ чему оно должно постоянно стремиться въ своихъ соотношеніяхъ, какими путями могутъ люди идти прямо къ счастію неизмѣнному.— Сосредоточиваясь въ саму себя, она творитъ міръ вновь, по тѣмъ соображеніямъ, какія можетъ составить человѣкъ на самой вышшей ступени своего умственнаго развитія. — Спрашивается: какое значеніе въ быту житейскомъ должно быть усвоено симъ умозрительнымъ построеніямъ отношеній общежитія?— Отвѣтъ правильный на сей вопросъ, кажется, долженъ быть тотъ,—

что Философіи должно быть уступлено право составлять и излагать подобныя построенія: но что сама Философія, понимая правильно свою работу и ея отношеніе къ быту обыкновенному, никакъ не потребуетъ скороспѣшнаго переведенія своихъ идеаловъ въ бытъ дѣйствительный. —

138. Бытъ житейскій можетъ имѣть двоякое значеніе, разсматриваться или какъ совокупность отношеній общественныхъ, или какъ случайныя положенія лицъ частныхъ. Въ томъ и другомъ видѣ общежитіе не можетъ не принимать болѣе или менѣе сильнаго вліянія отъ опредѣленій Философіи.— Въ самомъ дѣлѣ, что такое бытъ житейскій въ большемъ размѣрѣ взятый?— Не справедливо ли, что это — совокупность отношеній, въ которыхъ люди поставили себя сначала по неяснымъ требованіямъ разумнаго инстинкта, а въ послѣдствіи по соображеніямъ разсудка, поучающаго насъ, какъ можно скорѣе помогать своимъ нуждамъ? Только въ послѣдствіи Наука и Религія, возводя людей къ большему совершенству облагораживаютъ и ихъ бытъ общественный.— Теперь, если бы требованія разумнаго инстинкта были при самомъ пробужденіи человѣка къ само-

чувствію — опредѣленнѣе: общественныя отношенія людей между собою образовались бы съ перваго раза какъ не льзя совершеннѣе. Къ сожалѣнію проявленіе инстинктуальной разумности не всегда идетъ къ своей цѣли путемъ прямымъ, ходомъ твердымъ; сами требованія разумнаго инстинкта восходятъ къ ясности и опредѣленности не иначе, какъ при посредствѣ видоизмѣняющихся отношеній, въ которыхъ люди поставляютъ себя поверменно. Промыслъ судилъ человѣку — самому выработываться (emporarbeiten) къ положенію для него естественному, идеально совершенному, и симъ какъ бы опредѣлилъ рядъ безпрерывныхъ видоизмѣненій въ отношеніяхъ общественныхъ. Въ сихъ видоизмѣненіяхъ люди, ощущая большее или меньшее несогласіе своихъ утвержденныхъ положеній съ тѣмъ, къ чему стремило ихъ собственное влеченіе, — скоро вновь устремляются къ улучшенію и облагороженію своихъ соотношеній. Так. обр. историческое изложеніе отношеній жизнейскихъ по требованіямъ разумнаго инстинкта только мало по малу можетъ восходить къ своему нормальному совершенству.— Само развитіе разсудка въ ходу семъ часто только боль-

ше запутываетъ отношенія житейскія, доселѣ образовавшіяся. Для разсудка, какъ мы видѣли, многое кажется непонятнымъ и напраснымъ, чего такъ рѣзко требуетъ чувство разумное.— Еслибы при сихъ отношеніяхъ не развивался въ человѣкѣ разумъ: человѣкъ могъ бы оставаться для себя неразрѣшимою загадкою, быть въ вѣчной борьбѣ самъ съ собою.— Только развивающійся мало по малу, при посредствѣ тѣхъ историческихъ, перемѣнныхъ отношеній общежитія, разумъ успѣваетъ полнѣе проразумѣвать тѣ отношенія, въ которыхъ люди должны стоять между собою по настроенію собственной природы. — Указаніе и раскрытіе сихъ отношеній общества по идеаламъ разума принимаетъ на себя наука Философіи.— Очевидно, что отстранить ее отъ вниканія въ отношенія общежитія, какъ онѣ образовались доселѣ, — значило бы устранить отъ обсуда и проясненія общественныхъ отношеній самый разумъ, и слѣд. осудить родъ человѣческій на безотчетное вращаніе въ отношеніяхъ неизмѣнныхъ, безъ всякаго лучшаго взгляда на будущность,— безъ благородныхъ, достойныхъ человѣка, усилій приблизить по крайнѣй мѣрѣ къ понятію ис-

тинное наше назначеніе, и узнать ближе средства, могущія искупить бѣдное человѣчество отъ его бѣдности. —

139. Не будемъ спорить, что подобныя разъясненія и обсуды не всегда могутъ быть и казаться правильны, не всегда оканчиваться убѣжденіемъ въ превосходствѣ настоящаго: но настоящее — не послѣднее звѣно въ нашемъ развитіи; за его совершенство не льзя ручаться со всею увѣренностію. Дорого и требуетъ всей защиты собственно справедливое; времени для него нѣтъ.— Но и Философію мы должны брать съ ея истинномъ значеніи. Въ семъ значеніи, она какъ наука идеаловъ, какъ наука, усиливающаяся вознестись къ представленію чисто естественныхъ намъ отношеній не только неопасна, но и благотворна. Не думаемъ, чтобы кто вздумалъ степенно спорить противъ того, что всякое общество потолику можетъ преуспѣвать въ своемъ внутреннемъ благоденствіи, поколику приближается къ положенію, требуемому природою. Не все положительное, состоявшееся досель,— есть чистый непомраченный обликъ отношеній общества, какъ оно должно быть по понятію идеальному. Еще болѣе: не все поло-

жительное навсегда остается въ томъ зрѣломъ совершенствѣ, въ которомъ иногда утверждаютъ его лица необыкновенныя. Подвергаясь развитію въ рукахъ другихъ, не совсѣмъ способныхъ понять и удержать духъ преобразователей, оно принимаетъ нерѣдко видъ неестественный. — Теперь, хотя можно предполагать и предполагать справедливо, что лица, утвердившія бытъ общежитія въ извѣстное время, усердно усиливались вознестись къ нормальному образу отношеній общественныхъ: все, какъ съ одной стороны всякое положительное опредѣленіе быта житейскаго есть плодъ временныхъ нуждъ, временныхъ понятій о благѣ общества, мѣстныхъ отношеній, — а съ другой, — какъ Философія имѣетъ въ виду совершенство идеальное, которое не изложилось конечно ни въ какое еще время, и не смотря на то, должно быть цѣлію образованій общества повременныхъ; — для освѣженія жизни общественной нужно именно чаще выставлять на видъ человѣчеству, къ чему должно оно стремиться во взаимныхъ связяхъ, какой видъ должны имѣть отношенія общежитія. — Стремленіе къ опредѣленію идеальнаго совершенства, возмож-

наго въ быту житейскомъ, можетъ всегда обновляться и всегда приносить плоды благословенные. —

140. Здѣсь въ быту житейскомъ, чтобы прояснить значеніе, какое можетъ имѣть Философія и въ частныхъ отношеніяхъ людей между собою — всѣ связи и дѣйствія такъ основаны на самости; такъ мало поступковъ чисто человѣческихъ. Преобладаніе чувственности въ кругу вышшемъ, жажда частной корысти въ лицахъ, движущихъ капиталами сонмы народа рабочаго, мертвая покорность видамъ другихъ не всегда благоразумнымъ въ лицахъ, которыя могли бы и должны были бы одушевлять общество, постепенно подвигать его къ большему совершенству, вообще какая-то лѣность во всемъ, что касается до цѣлей чисто человѣческихъ, — суть общая язва непримѣтно подъѣдающая жизнь общества въ ея корнѣ. — Нѣсколько недѣлимыхъ, воспящаемыхъ въ своихъ благородныхъ порывахъ, въ своей преданности высокимъ предначертаніямъ — что могутъ ошѣ сдѣлать? — Послѣ сего кто не пожелаетъ, чтобы усердіе къ лучшему, порывы къ чисто человѣческому пробуждаемы были сколько можно сильнѣе, чтобъ новые роды воспитыва-

ясь усвояли между прочимъ и благородную ревность къ благу общему, вышшему?— Подобное настроеніе умовъ, если можетъ распространить какая наука, то именно Философія. Развить сѣмя добра, въ каждомъ изъ насъ положенное природою, одушевить людей къ дѣйствіямъ чисто человѣческимъ, оживить чувство благороднаго — такъ, чтобы оно брало въ насъ перевѣсъ надъ всѣми приманками чувственности, истребляло всякое обольщеніе, непримѣтно отдаляющее людей отъ высшаго совершенства, — есть хотя непрямое назначеніе сей науки, но зиждется на изысканіяхъ собственно принадлежащихъ ей. — Не дѣло конечно Философіи полагать на сердце людямъ ихъ священныя обязанности, но распространяя въ обществѣ лучшіе взгляды на наше нравственное величіе, разлейте разумное сознаніе законовъ нашей внутренней природы: — вы увидите, какъ освѣжится жизнь общества, какъ облагородится бытъ житейскій.—

Уступимъ, что Философія не можетъ и не должна имѣть прямаго, непосредственнаго соприкосновенія съ частичными видоизмѣненіями гражданственности. (Она имѣетъ въ виду человѣка на той его высотѣ, на которой онъ

не существуетъ болѣе для однѣхъ мѣлочныхъ сдѣлокъ общежитія, на которой одушевленный для одного праведнаго и святаго, живетъ онъ благомъ и для блага цѣлаго).—Но прирожденное человѣку побужденіе по крайнѣй мѣрѣ въ умственныхъ соображеніяхъ строишь естественный образъ быша какъ вещей, такъ и человѣка, а слѣд. и гражданскихъ отношеній, — и всеобщее неподавимое стремленіе къ утвержденію и сихъ отношеній въ томъ видѣ, въ какомъ требуетъ ихъ природа, необходимо поставляютъ бытъ гражданскій подъ болѣе или менѣе сильное и обширное вліяніе умозрительныхъ откръпій философскихъ. — Пусть не всѣ люди зрѣлы для безотносительнаго переведенія идеаловъ въ жизнь дѣйствительную: все Философія, какъ указательница прямыхъ путей къ благоденствію, не можетъ не устремлять взоры смертныхъ выспрь, лишать слабое человѣчество своего руководства. — Какъ представительница разума, Философія должна смѣло вразумлять людей въ ихъ отношенія и нужды вышшія. Какъ терпѣливый наставникъ спокойно должна усиливаться развить въ людяхъ священныя понятія правды и добра! —

141. Но въ наше время такъ боятся Философіи, такъ опасаются распространенія ея лучшихъ взглядовъ. Переживъ недавно періодъ общенародной, пошлой Философіи, когда благороднымъ именемъ любомудрія прикрывались безпокойныя выходки остроумія, послѣ чего готовѣе всего были зло общественное, произшекшее изъ другихъ источниковъ, изъ неуваженія къ правамъ человѣчества, — относишь на счетъ опостылѣвшей Философіи, — мы опасаемся, кажется, священнаго имени Философіи. Напрасно. Временное проявленіе Философіи не есть еще вся Философія. — Къ сожаленію въ самомъ отечествѣ мы не успѣли еще съ именемъ Философіи соединить драгоцѣнныхъ воспоминаній; о Философіи мы знаемъ только по слухамъ или отголоскамъ чужеземнымъ; удивительно ли, что она съ трудомъ только можетъ найти себѣ входъ? — На срединѣ между богатымъ жизнію, но бѣднымъ собственною дѣятельностію воспокомъ, и изыскательнымъ, самостоятельнымъ западомъ, — мы, пропивопоставлявъ сначала элементъ неподвижности, въ послѣдствіи можетъ быть чрезъ мѣру увлеклись силою быстротечнаго запада. — Поймемъ свое значеніе, — удержимъ

средину, которая указана намъ природою. Познаніе природы человѣческой, какъ развилась она доселѣ, должно предохранить насъ и отъ неумѣреннаго стесненія ума и отъ безмѣрнаго послабленія порывамъ своего воображенія.— Раскрывъ предъ симъ неумѣстность перваго, прояснимъ теперь несообразность послѣдняго.

142. Въ самомъ дѣлѣ ни обыкновенное устройство общежитія, ни сознаніе свойства своихъ идеаловъ, необходимое въ наукѣ — не позволяютъ той стремительности въ переворотахъ быта гражданскаго, которая столь кровавыми слѣдами ознаменовалась въ послѣднее время.— Конечно, если бы въ обществѣ было сколько можно больше людей съ разумностію развитою, если бы въ рукахъ ихъ вполнѣ находилось распредѣленіе отношеній быта жизнейскаго, если бы не надлежало имъ иногда бороться съ предразсудками, съ обычаями давними, дѣйствовать сообразуясь съ состояніемъ умственнаго развитія лицъ нижшихъ, еслибы при сознаніи благонамѣренности собственной, они были увѣрены въ полной покорности другихъ: — есть надежда, — они моглибы опредѣлить всѣ отношенія быта жизнейскаго очень, если не вполнѣ, совер-

шенно. — Но много ли найдется въ самомъ образованномъ государствѣ лицъ съ полною зрѣлостію разума? Самое невѣжество не часто ли вооружается противъ благодѣтельныхъ распоряженій благоразумія? — Безпрерывная подвижность отношеній человѣческихъ, обширность соображеній, какія нужны для того, чтобъ всегда искусно давать движеніе такой многосложной машинѣ, каково общество человѣческое, все это требуетъ такой осторожности въ пріемахъ — что всякая опрометчивость могла бы обнаруживать недостатокъ обширности во взглядахъ и свѣдѣніяхъ. — Сколько подобныя соображенія могутъ достаточно остепенять неумѣренныя притязанія на завершительную зрѣлость понятій объ нуждахъ общества — въ лицахъ, опредѣляющихъ отношенія общественныя: столько съ другой стороны — должны онѣ обуздывать необдуманную строптивость людей, удаленныхъ отъ кормила государственнаго, всегда готовыхъ требовать совершенства въ постановленіяхъ — полнаго. Приближенныя къ кормилу общественнаго устройства, тѣже самыя лица, скоро могли бы убѣдиться, что корабль общества — не столь легокъ въ ходу своемъ;

что надобно имѣть мочную руку, большее терпѣніе, опытныхъ и благонамѣренныхъ помощниковъ, и предусмотрительную распорядительность, что бы видоизмѣнять положенія общества всякой разъ, какъ не льзя, лучше.

143. Сама наука въ семъ случаѣ,— не должна ли быть осторожна въ предложеніи своихъ плановъ?— Въ самомъ дѣлѣ, если гдѣ нужна недовѣрчивость къ своимъ соображеніямъ, — то именно тамъ, гдѣ должно опредѣлять нормальное. Конечно отъ опредѣленія того, что должно быть, Философія по своему характеру отказаться не можетъ; она стремится къ естественному; все настоящее, состоявшееся имѣетъ для нее болѣе временное значеніе; она можетъ слѣдить, какъ оно составилось, видѣть, отъ какихъ моментовъ, вошедшихъ въ дѣйствіе при его составленіи, можно ожидать слѣдствій неблагопріятныхъ; и должна опредѣлять, какъ человѣчеству слѣдуетъ уложить себя въ раму общественныхъ отношеній по самому настроенію своей природы. Но, — ея идеалы всегда должны долго оставаться одними идеалами, никогда не перейти въ дѣйствительность вполнѣ. Иначе и быть не можетъ потому, что идеальное всег-

да въ развитіи своемъ въ умѣ — опереживаетъ дѣйствительное въ его образованіи въ жизни. Наша мысль всегда выпрядаетъ выше историческаго изложенія отношеній, въ какихъ люди должны стоять между собою. Въ семъ отношеніи можно сказать смѣло — идеалы Философіи никакъ не осуществимы къ быту обыкновенномъ. Вотъ вы образовали свои соотношенія по тѣмъ требованіямъ, какія объявлялъ досель умъ вашъ: — но не думайте, чтобъ симъ кончились вышшія желанія вашей разумности; обглядитесь въ вашемъ дѣйствительномъ, образованномъ подъ виды идеальные, — вы скоро увидите недостатки, доселѣ ускользнувшіе изъ вида. Вы восполните ихъ, но опять примѣтите современемъ новыя нужды. Так. обр. работа овеществленія идеальнаго есть работа безконечная, есть работа безпрерывная (*). При сей подвижности мысли, и при той вялости вещества, — кто не согласится, что для успѣшности измѣненій самый лучшій пріемъ будетъ тотъ, чтобы

(*) Нахожу нужнымъ указать здѣсь на одно разсужденіе, помѣщенное въ Сынѣ Отечества за прошлый 1832 годъ въ NN. 11 и 12. *Объ отношеніи идеальнаго къ дѣйствительному и обратно.*

избѣгать переведенія въ дѣйствительность образованій мысли, имѣющихъ значеніе только переходное, между тѣмъ давать самой матеріи, такъ сказать, выстаиваться, приходить въ дряхлость. И — когда ожиданія обновленія распространяются обширнѣе: тогда уже немедленно приступать къ обновленію жизни общественной. Сей моментъ, когда перемѣны быта жизнейскаго не могутъ быть долѣе откладываемы,— есть самая важная задача Политики.— Философія, занятая не столько наблюденіемъ текущаго, сколько открытіемъ того, что должно быть усвоено и остаться неизмѣнно, — не можетъ вмѣшиваться во временный ходъ общежитія. Особенно не можетъ она одобрять судорожныхъ переворотовъ для обновленія машины государственнаго устройства. Она знаетъ, что само общество, какъ всякой организмъ, безпрестанно можетъ и должно обновляться въ своихъ силахъ, и, какъ всякой организмъ, не можетъ вдругъ развиться со всѣми совершенствами.

Так. обр. Философъ, съ твердою увѣренностію въ безконечной усовершимости общественныхъ отношеній, съ ревностію объ ускореніи успѣховъ гражданственности, о при-

ближеніи человѣчскости, но въ тоже время довольный тѣми успѣхами, какіе Небо судило роду человѣческому во всякое время, — спокойно и въ тоже время дѣятельно участвуетъ въ облагороженіи всѣхъ отношеній быта житейскаго. Безпокойныя головы не принадлежатъ Философіи. —

144. Вотъ мы составили себѣ понятіе о предметѣ изысканій философскихъ, прояснили пріемъ, посредствомъ котораго Философія можетъ наибольше успѣвать въ рѣшеніи своей задачи — въ разумѣніи природы вообще, ознакомились и съ характерическими чертами, подъ которыми должны развиваться философскія изслѣдованія: но не знаемъ еще ближе ни источника, изъ котораго Философія почерпаетъ свои опредѣленія, ни силы, которою она составляетъ ихъ; ни предѣла, на которомъ могутъ остановиться, ни начала, отъ котораго должны выходить философскія изысканія. Мы не знаемъ еще ни начатковъ, изъ которыхъ образуется стройная цѣлость Философіи, ни естественнаго направленія, какое должно быть принято въ составленіи матеріаловъ Философіи, ни наконецъ перехода сихъ матеріаловъ въ видъ науки. — Правда на нѣко-

торыя изъ сихъ предметовъ можно уже находить довольно ясные намёки въ предъидущемъ изложеніи. Но хода развитій философской изыскательности мы еще не знаемъ опредѣленнѣе. Мы узнали Философію, какъ твердый организмъ, имѣющій въ себѣ и основу своей жизни и носящій черты, нужныя для особеннаго бытія какъ организмъ, который все согласное съ своею природою покаряетъ своему составу, и переработываетъ въ себѣ до красиваго представленія въ благородной формѣ, удерживая въ своей работѣ и жизнь свою и силы: но не знаемъ еще Философіи ближе — въ ея движеніи, въ ея разностороннемъ развитіи. Чтобъ дать полное понятіе о вводимой наукѣ раскроемъ и ходъ ея развитія въ жизнь дѣйствительную, отъ первыхъ ея началъ до раздробленія на разнородныя отрасли, которыя даетъ богатое жизнію сѣмя ея. —

Источникъ опредѣленій философскихъ.

145. Разумѣется, что Философія на задачи свои должна дать какіе либо опредѣленные отвѣты. Какъ ни назовите сіи отвѣты, опредѣленіями ли, или рѣшеніями, всегда можно

спрашивать: откуда должна заимствовать ихъ Философія; какой источникъ долженъ дать тѣ представленія или взгляды, которые разъяснятъ намъ бытъ природы, и законы ума нашего и нашей свободы? — Сама природа не можетъ быть принята здѣсь въ состязаніе; она даетъ матерію мыслямъ, но не образуетъ, не источаетъ ихъ; она пробуждаетъ духъ нашъ къ дѣятельности, но сама не совершаетъ сей дѣятельности; тайнымъ, но непререкаемымъ образомъ внѣдряетъ она намъ представленія частныя, но не представляетъ, не сообщаетъ понятій объятнѣйшихъ. Сіи послѣднія духъ нашъ составляетъ уже болѣе собственными силами, какъ и вообще мысли образуются, возникаютъ именно въ нашемъ умѣ.—Только—въ самомъ человѣкѣ, къ которому мы естественно обращаемся опытъ природы, указуютъ попеременно три различныхъ источника опредѣленій умопроизводныхъ, представляютъ три отличныхъ опоры, дальше которыхъ не льзя идти въ изслѣдованіи произхожденія и достовѣрности мыслей. Это суть или— чувство внутреннее; или озареніе высшее, или наконецъ самъ разумъ.— Спрашивается, изъ котораго изъ сихъ источниковъ Философія дол-

жна почерпать свои опредѣленія?— Послѣ того, что мы сказали объ отличительныхъ чертахъ философскихъ изысканій, угадать не трудно.—

146. Чувствомъ, говорятъ одни, чувствомъ только можно разумѣть истинное; чувство одно должно рѣшить задачи ума. Въ насъ есть какое-то неразгадаемое тайное убѣжденіе думать такъ а не иначе. И стоитъ только прислушиваться къ сему голосу, чтобъ увѣриться, что, руководясь имъ, всегда можно получать достаточныя свѣденія для своихъ нуждъ человѣческихъ. — Въ семъ мнѣніи такъ много истиннаго, и въ тоже время столько ложнаго, что на немъ одномъ можно ясно видѣть, какъ человѣкъ можетъ быть близокъ къ истинѣ и въ тоже время далекъ отъ нея.— Въ насъ есть тайное убѣжденіе думать такъ а не иначе. Справедливо. Когда мы въ чемъ нибудь увѣрены, мы не можемъ думать иначе: но стоитъ только вникнуть ближе въ сіе состояніе увѣренности, чтобъ убѣдиться, что увѣренность наша всегда имѣетъ свои основанія; что сіи основанія таятся для сознанія только по нежеланію или неспособности лица привести ихъ въ ясность. Въ семъ состояніи человѣкъ, обрадованный, какъ бы какой находкѣ, извѣстному

убѣжденію, не можешь, кажется, довольно утвердить его за собою. Занятый удержаніемъ за собою своей мысли, онъ не имѣетъ довольно ни осторожности, ни усердія для того, чтобъ войти въ разсмотрѣніе основаній, которыя заставляютъ его думать такъ а не иначе.— Разумѣется, если бы мы могли имѣть одну увѣренность справедливую: — почему бы не позволить подобной твердости убѣжденія? Тогда, поелику ошибки были бы невозможны, не нужно было бы и предостерегать, чтобъ повѣряли, или проясняли, свою увѣренность, не нужно было бы внушать: смотри, дѣйствительно ли основательна твоя увѣренность, не ошибочныхъ ли ты держишься мыслей. — Къ сожалѣнію мы можемъ погрѣшать и въ тоже время можемъ быть столько увѣрены въ своихъ мысляхъ ошибочныхъ, что онѣ представляются совершенно естественными, и инаковый съ ними образъ сужденій — совершенно превратнымъ. — Что будете дѣлать въ подобныхъ случаяхъ? Если поставите за правило слѣдовать одному чувству убѣжденія: вы можете на вѣки остаться при своемъ заблужденіи. Конечно оно можетъ долго оставаться для васъ истиною: но надобно совершен-

но остановить преспѣяніе вашихъ мыслей, чтобъ вы остались при своей увѣренности на вѣки; а пожже придти въ познаніе истины, конечно никому нежелательно. — Чего собственно недостаетъ при подобномъ убѣжденіи: то именно яснаго, развитаго сознанія основаній. Это состояніе есть болѣе состояніе инстинктуальное, нежели разумное, къ какому человѣкъ долженъ возвышаться. Въ немъ только начатки нашего вышшаго развитія. — Мы не можемъ уничижать его: но не можемъ и одобрить, когда бы кто захотѣлъ на немъ останавливаться; еще болѣе, когда бы вздумалъ представлять его источникомъ опредѣленій Философіи. Чувство высказываетъ многія глубокія истины: но Философія не можетъ представлять сіи истины въ томъ же необдѣланномъ видѣ, въ какомъ даетъ ихъ чувство. Она должна ихъ переработать — дѣло, которое совершаетъ уже не чувство. — По характеру самоотчетливости, по характеру выспренности, Философія не можетъ довольствоваться однимъ убѣжденіемъ чувства. Ибо чувство неясно, и больше занято предметомъ единичнымъ. А Философія на однѣхъ гаданіяхъ и усмотрѣніяхъ остановиться не можетъ.

147. Не можетъ Философъ въ составленіи своихъ опредѣленій ссылаться и на собственное озареніе вышшее.— Это другая крайность, стольже далекая отъ истиннаго такта, который свойственъ Философіи, столь же, если еще не больше, блиская къ безотчетности, строго осуждаемой Философіею. Тогда какъ прибѣгая къ чувству, теряются какъ бы въ природѣ; ссылаясь на озареніе ,— погружаются въ Божество.— Неоспоримо, есть небесное Откровеніе: но оно сообщено всѣмъ, — чрезъ органы извѣстные. — Философія ищетъ собственно разъяснить жизнь природы, уразумѣть законы вселенной по указаніямъ, какія даетъ сама природа. Для сего она не можетъ ни предполагать, ни ожидать озаренія особеннаго. Чисто человѣческаго произхожденія, она должна и пользоваться силами чисто человѣческими, должна довольствоваться одною силою разумѣнія. Она можетъ и должна бываетъ прибѣгнуть къ Откровенію, только всемірному, безъ ущерба самоотчетливости, — тамъ, гдѣ силы ума человѣческаго не досягаютъ; можетъ и должна она прибѣгнуть къ помощи горней, но только не къ сомнительному озаренію частному, а къ откровенію истинному, данному

для всего рода человѣческаго.— Въ дѣлѣ, какое принимаетъ она на себя — зрѣлое разумѣніе есть самое лучшее озареніе, какаго она можетъ искать. Его нечего ожидать; къ нему надобно восходить всѣми усиліями, какія для сего потребны.— Самостоятельность Философіи отвергаетъ всѣ облегчительные для человѣческой лѣности пріемы. Опчетливость, ясность сознанія— ея законъ, первый и послѣдній.—

148. Послѣ сего очевидно, источникъ, изъ котораго Философія можетъ и должна почерпать свои опредѣленія, есть самъ свѣтлый умъ человѣческій въ его вышшемъ развитіи — *разумъ*. Симъ мы не утверждаемъ, чтобы природа или Божество своимъ дѣйствіемъ на духъ человѣческій нисколько не помогали намъ въ образованіи вышшихъ умственныхъ опредѣленій: но имѣемъ въ виду указать только источникъ самый сродный, естественный—такой, который бы вполнѣ соотвѣтствовалъ философской самостоятельности и выспренности. — Вышшее умственное самосознаніе, на которомъ утверждается философская выспренность и самостоятельность, ни откуда больше не развивается какъ изъ нашего разума, въ его таинствен-

номъ единеніи съ сущимъ и Первосущимъ взятаго. Философія будучи плодомъ стремленія нашего къ самосвѣденію, должна слѣд. всегда усиливаться вознестись къ полному развитію разума и не иначе составлять свои опредѣленія, какъ съ его внушеній и требованій. Иначе истинное, какое будетъ сообщать она, можетъ быть или не совсѣмъ чисто, или слишкомъ обыкновенно.

Философія, какъ мы замѣтили, есть наука чисто человѣческаго произхожденія (почему въ ней можно находить и слѣды человѣческой слабости и человѣческаго совершенства); въ ней мы, какъ существа свободныя, усиливаемся сами собою развить образъ мыслей намъ природный. Конечно для образованія его, мы не можемъ не прибѣгать къ природѣ, не пользоваться вѣщаніями откровенія истиннаго: но сила въ томъ, что человѣкъ самъ собою хочетъ поставить себя и природу въ то мѣсто, какое указано Виновникомъ бытія. Евклидъ брался, нашедъ мѣсто внѣ шара земнаго, сдвинуть самую землю съ ея мѣста; Философствующій умъ обрѣтаетъ эту точку въ самомъ себѣ, только усиливается міру сему, по безпрерывной подвижности измѣняющему свою

точку, указать его вѣчный образъ бытія, опредѣлить предѣлы и округъ его оборотовъ. — Достаточно ли для сего имѣетъ онъ силъ, рѣшитъ опытъ и другая наука.— Мы должны только указать средство, какимъ приготовляется и совершается сіе перепостроеніе вселенной. —

Средство, которымъ приготовляются философскія опредѣленія.

149. Средство, которымъ приготовляются разумныя опредѣленія, указующія образъ бытія вселенной, не въ другомъ чемъ можетъ состоять, какъ именно въ мышленіи, семъ дѣйствіи, которымъ обыкновенно проявляется дѣятельность ума нашего, которое часъ отъ часу болѣе облагораживается и возвышается въ своихъ отправленіяхъ по мѣрѣ того, какъ образуется и развивается сила умственная. — Оставленный самому себѣ, умъ естественно долженъ пользоваться только тѣми пособіями, которыя доставляетъ ему развитіе собственныхъ силъ его. Не то это значитъ, чтобъ онъ долженъ былъ погрузиться всецѣло въ себя одного; изъ себя самаго образовать новый міръ. Это не подвинуло бы насъ далеко

въ рѣшеніи задачъ Философіи.—Нѣтъ,—для сего достаточна и потребна та сила въ насъ, которая покаряетъ природу въ умственную форму, переводитъ въ понятія внѣшній бытъ предметовъ, успѣваетъ проникать во внутреннюю ихъ жизнь, сила, которою умъ можетъ какъ бы излагать себя самаго вънѣчто жизненное, въ мысли созерцательныя, чтобъ сопоставляя въ нихъ свое мысленное построеніе съ природою, — прояснять жизнь всего бытнаго и видѣть свои успѣхи въ разумѣніи міра. —Это— сила мышленія, душа Философіи: отнимите мышленіе, рушится за другими познаніями и сама Философія. Только мышленіемъ можетъ и должна Философія приближаться къ истинѣ. Кто сомнѣвается въ возможности мышленіемъ когда либо уразумѣть жизнь сущаго: тотъ уничтожаетъ Философію въ самомъ ея корнѣ. Мы можемъ наконецъ открыть истину, и должны для сего употреблять силы своего ума:— вотъ первое требованіе, какое объявляетъ Философія, первое предположеніе, которое до времени она можетъ допускать, не представляя доказательствъ. Кто сомнѣвается въ вѣрности онаго, тотъ можетъ возставать противъ философскихъ изысканій:

но никогда не успѣетъ отчетливо опвергнуть оныя. Чтобъ его возраженія противъ достижимости истиннаго имѣли какой либо вѣсъ, онъ долженъ предварительно пройти весь запасъ философскихъ опредѣленій; изъ одной предосторожности посмотрѣть, не откроется ли въ нихъ мысли, на которую и онъ долженъ согласиться. Тогда онъ долженъ найти, что не предполагая вѣрною мысли, нами указанной, онъ самъ не могъ бы вооружаться противъ опровергаемыхъ умозрѣній; послѣ чего слѣдуетъ только войти въ ясное сознаніе сего тайнаго предположенія, вѣрно обсудить его: — и связь мыслей необходимо переведетъ его къ другимъ мыслямъ и так. образ. доставитъ хотя тѣсный кругъ убѣжденій. Если онъ и послѣ сего обнаружитъ еще рѣшительное сомнѣніе. мы напомнимъ ему, что онъ выступаетъ изъ сферы своей, хочетъ создать истину для человѣка на основаніи нечеловѣческомъ. Для человѣка, а слѣдов. и для Философа дано одно человѣческое движеніе мышленія; съ нимъ и чрезъ него должны мы подняться къ полному разумѣнію истины. —

Въ настоящемъ положеніи мы не имѣемъ яснаго воззрѣнія на внутреннюю жизнь предме-

повъ; чувство, живо и раздѣльно созерцающее предметы, не открываетъ намъ ихъ природу безошибочно. Правда и теперь есть это чувство истиннаго, и теперь съ нимъ мы можемъ отличать истину отъ заблужденія: но оно не столь сильно, чтобъ при первомъ, такъ сказать, соприкосновеніи съ предметами показывало рѣзко ихъ отношеніе къ намъ; но — сама природа назначаетъ его къ переходу въ разумѣніе предметовъ сознавательное. Мы должны долго обращаться въ области мыслей правильныхъ и ложныхъ, чтобы наконецъ твердо умѣть отличать оныя и зрѣло знать точку ихъ соприкосновенія и перехода истины въ ложь. Не иначе, какъ путемъ длинныхъ соображеній можемъ мы доходить до истины. Только сличая отношенія мыслей къ нашему Я и другимъ мыслямъ, слѣдов. сближая понятія между собою, можемъ мы усматривать, какая мысль должна быть признана вѣрною и въ какомъ отношеніи.

150. Но мышленіе наше имѣетъ какъ бы три степени своего развитія; оно или образуетъ только предметы чувственные въ представленія умственныя, или составляетъ черты общія предметамъ многимъ или всѣмъ, или на-

конецъ проразумѣваетъ таинственный образъ ихъ бытія и произхожденія. Пожелаютъ знать, какимъ развитіемъ мышленія по нашему мнѣнію должна пользоваться Философія при сопставленіи своихъ опредѣленій. — Съ перваго взгляда можно уже видѣть, что подъ мышленіемъ, какъ кореннымъ средствомъ къ рѣшенію задачъ Философіи, мы не можемъ разумѣть одну игру понятіями, сопставленными умомъ, безъ справки съ предметами дѣйствительными. Мы не отдаемся вполнѣ дѣйствію или влеченію одной мыслящей способности; произведеніемъ ея дѣятельности, мы потолику только усвояемъ извѣстное достоинство, поколику онѣ согласуются съ дѣйствительнымъ положеніемъ или нормальнымъ представленіемъ вещей внѣшнихъ. Мышленіе, которымъ долженъ пользоваться Философъ, не есть одинъ переборъ понятій отвлеченныхъ, удобоприложимыхъ ко всѣмъ предметамъ, но шѣмъ не менѣе недающихъ опредѣленнаго представленія ни объ одномъ. Можно и должно пользоваться Философу и сего рода движеніемъ мыслей: но только по совершеніи мышленія спрадательнаго, которое покаряетъ и сочетаваетъ только то, что даетъ видѣть самъ предметъ;

можно и должно тѣмъ движеніемъ мыслей пользоваться: но только не должно думать, чтобы имъ и заключалось дѣло философской обработки мыслей; оно должно возвести насъ къ сознанію вышшему, назовемъ такъ, самодѣйственному сознанію идей. Употребите одно мышленіе отвлеченное (посредствующее переходъ ума отъ опытнаго усмотрѣнія вещей къ идеальному ихъ построенію) безъ первыхъ представленій, отъ коихъ оно образуется, и безъ высокихъ идей, къ коимъ оно возводитъ: — вы останетесь висѣть между небомъ и землею; не уразумѣете вѣрно послѣдней, ибо вы пренебрегли ознакомиться съ ея бытомъ дѣйствительнымъ; не узнаете и перваго, ибо не употребили довольно усилій, чтобъ вознестись до него; успѣвъ подняться на довольную высоту, не хотѣли оставить своей низменной, темной точки зрѣнія. —

Конечно можетъ представляться, что мысли отвлеченныя суть какъ бы достояніе, данное душѣ нашей для постиженія предметовъ, сокрывающихся отъ чувственнаго взора: со всѣмъ тѣмъ, вникнувъ ближе въ систему сего мышленія, можно увѣриться, что оно есть только незаконченный порывъ ума отъ

чувственнаго къ горнему.— Возмите понятія самобытнаго (substantia) и перемѣннаго (accidens) необходимаго и случайнаго: что въ нихъ для познанія дѣйствительнаго, что для познанія идеальнаго? Не говоримъ, чтобъ мышленіе сего рода вовсе было не нужно, безъ него не пробудились бы въ душѣ и идеалы вышшаго. Хотимъ только показать, что Философія не можетъ останавливаться на одномъ мышленіи отвлеченномъ, а должна подниматься къ мышленію проразумѣвательному, которое обыкновенно называютъ созерцательнымъ. Уясненіе жизни цѣлой вселенной и ея зависимости отъ Бога, требуетъ по необходимости сего перевѣса извѣстныхъ дѣйствій мышленія.

151. Отъ мышленія отвлеченнаго обращаются обыкновенно къ опытному; надѣются чрезъ него проникнуть въ тайный составъ природы. Несправедливо. Въ Философіи, какъ наукѣ, развивающей вышшее сознаніе о природѣ, и дѣйствія, совершаемыя мыслію при приняшіи предметовъ внѣшнихъ, не могутъ только еще приготовляться, обдѣлываться; здѣсь нужно уже имѣть оныя въ готовности. Онѣ должны быть всѣ уже пройдены, обдуманы, должны дать направленіе разумѣнію вышшему;

здѣсь нужно не столько приняпіе въ себя впечаплѣній внѣшнихъ, сколько самостоятельная обрабопка вышнихъ мыслей и обыкновенныхъ предспавленій въ ихъ взаимномъ опношеніи между собою ,— соображеніе. Приняпіе впечаплѣній внѣшнихъ хопя есть дѣйспвіе мысли человѣческой, но не есть еще самостоятельное движеніе мысли въ области гоповыхъ уже понятій, не составляетъ разумѣнія философскаго.—

152. Подъ мышленіе, какъ орудіе философской работы, мы хотя должны подвести все дѣйспвованіе нашей умной способности, но особенно должны разумѣть подъ нимъ только извѣспный родъ свободнаго соображенія мыслей, тотъ, которымъ однимъ душа человѣческая можетъ проразумѣвать жизнь природы внутреннюю. Ибо усмотрѣнія чувственныя, хотя даютъ основу для разумѣнія сей жизни, хотя носятъ въ себѣ, какъ какое зерно, таинственное строеніе природы, но не обнаруживаютъ, не раскрываютъ предъ нами внутренней ея жизни. Сіе открытіе совершаетъ сама мысль тѣмъ только, что болѣе свободнымъ дѣйспвіемъ разоблачаетъ предспавленія чувственныя, обнажаетъ сокровенную въ нихъ жизнь природы

и симъ входитъ въ соучастіе мысли Божественной, держащей и созерцающей сію жизнь въ немерцающемъ свѣтѣ. —

Сего рода представленія принадлежатъ больше разуму, тогда какъ понятія общія суть плодъ разсудка и представленія опытныя произтекаютъ отъ разумѣнія чувственнаго. Философія, какъ наука, происшекающая изъ разума, должна преимущественно дѣйствовать первыми: но, какъ самый разумъ развивается на зрѣлости чувства внутренняго и разсудка, и въ своемъ образованіи не отвергаетъ произведеній сихъ способностей умственныхъ, а только опредѣляетъ каждому изъ нихъ надлежащее значеніе: то и нижшія понятія не могутъ не вшекать болѣе или менѣе въ работу философскаго соображенія. Впрочемъ выспренность философская можетъ воспользоваться сими послѣдними только для утвержденія своихъ надопытныхъ воззрѣній. —

Примѣч. Понятія или представленія вообще раздѣляютъ обыкновенно на *умопроизводныя* (a priori), образованныя силою нашего ума и *бытопроизводныя* (a posteriori) заимствованныя съ опыта. — Очевидно противоположности не надобно понимать строго. И понятія бытопроизводныя производитъ тотъ же умъ, который образуетъ понятія умственныя.—

Никакое умственное произведеніе, какъ равно никакая вещь въ природѣ, не могутъ быть плодомъ одного фактора; по сему только перевѣсъ на сторонѣ одного производителя понятій — ума или природы — можетъ обозначаться въ упомянутыхъ наименованіяхъ. Между двумя сими крайними развитіями мыслей можно находить средній видъ — понятія общія, въ составленіи которыхъ какъ бы поравну участвуетъ природа и свобода ума. —

Конецъ, которымъ должны заключиться философскія изслѣдованія. —

153. Симъ средствомъ, которое мы развили доселѣ, Философъ долженъ уяснить образъ бытія сущаго въ главныхъ его отрасляхъ, составить умственныя опредѣленія, разъясняющія бытъ дѣйствительный. Медленно средство, которымъ онъ долженъ пользоваться, за то плодовито, за то надежно. Оно одно безошибочно можетъ привести къ предѣлу философскихъ соображеній. Отъ зыбкаго чаянія мысль мало по малу можетъ переходить въ твердую увѣренность. Сближеніе ея съ другими болѣе проясненными, часъ отъ часу можетъ проливать на нее большій свѣтъ. Самыя смѣлыя, самыя выспреннія мысли въ своей области находятъ для себя надежную опору, или вѣрную смерть. — Но разумъ выникаетъ

среди всѣхъ переворотовъ мышленія: само мышленіе потому только и совершается, что должно дать бытіе разуму, совершить его развитіе. Разумъ конечно есть нѣчто данное въ человѣческой природѣ; но онъ завитъ, и требуетъ большихъ попеченій для своего развитія и представленія въ полномъ видѣ.— Сама Философія, будучи плодъ разума развивающагося, тогда только можетъ приблизиться къ своему предѣлу, когда успѣетъ представить намъ разумъ во всемъ его величественномъ обличіи, какъ бы воплотить его въ системѣ мыслей.— Яснѣе. На разумъ нашъ можно смотрѣть, какъ на нѣчто идеальное, всецѣло еще неосуществившееся, и на мысли созерцательныя — плодъ нашего разума — какъ на его покушенія опредметить, олѣсить себя. Сей переходъ разума въ жизнь предметную, сіе переложеніе въ систему понятій совершается въ умозрительныхъ усиліяхъ Философовъ. И сіи усилія тогда только могутъ кончиться, когда мы успѣемъ изложить разумъ человѣческій всецѣло въ опредѣленіяхъ науки, какъ Философія; когда успѣемъ высказать въ Философіи чисто, полно и вѣрно всѣ требованія и опредѣленія разума.— Говорятъ обы-

кновенно, что человѣкъ есть малый міръ; эта честь принадлежитъ преимущественно разуму его. Только разумъ нашъ можемъ мы считать сокращеніемъ жизни вселенной въ бытіи идеальномъ. Въ сам. д. въ немъ можно предполагать завитымъ образцъ бытія цѣлой вселенной. Какъ ни представляйте себѣ образъ сего обладанія идеаломъ вселенной, грубѣе или утонченнѣе: все развитіе разума есть развитіе нашего разумѣнія вселенной; и наоборотъ развитіе опредѣленій, проясняющихъ естественно и удовлетворительно бытъ вселенной, есть плодъ и явленіе развитія разума. — Чѣмъ система, объясняющая бытъ природы, будетъ составлена совершеннѣе: тѣмъ совершеннѣе отразится въ ней разумъ. И работа умственнаго построенія природы въ главныхъ ея отрасляхъ тогда только кончится, когда мы успѣемъ въ системѣ философской, какъ художникъ въ искусственномъ произведеніи, опредметить всѣ идеи человѣческаго разума. — Въ семъ только усовершеніи нашихъ умозрительныхъ соображеній можемъ мы наконецъ высказать вполнѣ естественный намъ образъ мыслей о природѣ, правильно объяснить образъ бытія вещей, дѣйствительный или нормальный, ре-

шипь задачи вѣденія, приблизиться полнѣе къ истинѣ, вознесшись на степень яснаго самосвѣденія — какъ ни обозначьте цѣль Философіи.

Исходный пунктъ философскихъ изысканій.

154. Но съ чего начать сіе приближеніе къ полной истинѣ? — Вопросъ сей очень важенъ, особенно для того, кто не хочетъ напрасно потерять трудовъ своихъ въ умственномъ поприщѣ. Правда очень нерѣдко начинали развитія философской изыскательности, не рѣшивъ его для себя надлежащимъ образомъ; но — чѣмъ болѣе заблуждало умовъ отъ сей неосторожности: тѣмъ болѣе нужно имѣть ея вступающему на тоже поприще за другими. Дѣйствительно — въ новѣйшія времена въ области предметовъ философскаго изслѣдованія сдѣлались не необыкновенны и сужденія о такъ называемомъ исходномъ пунктѣ (point du depart) философскихъ изысканій. Существо дѣла состоитъ въ опредѣленіи: что должна Философія принять за твердое, съ чего бы, какъ съ обще признаннаго могла смѣло и твердо начинать свои развитія, не опасаясь уклоненія въ заблужденіе, или укоризны въ не-

основательности? Что подобная точка есть и необходимо должна быть въ каждой системѣ, сомнѣваться не возможно. Не льзя начинать философскаго изложенія иначе, какъ предполагая вполнѣ достовѣрною, не требующею доказательства какую либо мысль, одну или нѣсколько. Хотя въ самыхъ системахъ сего рода мысль не всегда указуется, хотя многіе, можетъ быть, созидали свои системы и не сознавая ясно той мысли, которая дѣйствовала въ ихъ умѣ, какъ непреложно достовѣрная хотя въ другихъ системахъ, какъ напр. Декарта, самая первая увѣренность въ собственномъ бытіи предполагается уже слѣдствіемъ другаго предположенія: однакоже само сіе тайное или явное, сознаемое или недовысказанное предположеніе въ системѣ, всегда прямѣе или непримѣтнѣе дѣйствовало, всегда можетъ быть отыскано. И надобно сказать, что его вліяніе на образованіе другихъ мыслей и всей системы весьма важно; сіе положеніе начальное можетъ приготовлять твердое стояніе системы, или класть сѣмя разрушенія въ самомъ ея основаніи, можетъ быть и первою истиною и первою ложью. — Конечно вступая на поприще философствованія

за другими, легче предостеречься отъ важныхъ ошибокъ, предпринявъ первоначально пересмотръ нѣсколька системъ, чтобъ воспользоваться началами той, которая покажется, если не удовлетворительнѣе, то по крайнѣй мѣрѣ надежнѣе, безопаснѣе. Но и не прибѣгая къ водительству другихъ, а желая проложить путь собственной, — размыслить предварительно, что должно быть принято исходнымъ пунктомъ (не совсѣмъ правильно называемымъ у насъ точкою отправленія) очень неизлишне! —

155. Всякой согласится, что симъ пунктомъ должно быть что нибудь въ области предметовъ или мышленія твердое, неопровержимо ясное, чего никто не могъ бы подвергнуть сомнѣнію. Но не во всѣхъ системахъ Философы успѣли положить въ основаніе своимъ развитіямъ опору подобную, дѣйствительно вѣрную.— Приглядываясь къ разнороднымъ системамъ, доселѣ образовавшимся, можно различить три особыхъ точки, которыя при всемъ различіи самыхъ системъ во всѣхъ ихъ поставляемы были въ основныя столпы идеальнаго построенія вселенной. Сіи точки составляли обыкновенно — или абсолютное въ идеяхъ, или абсолютное въ положеніяхъ общихъ; или

наконецъ абсолютное въ представленіяхъ опыта внѣшняго и внутренняго. — Впрочемъ сія послѣдняя точка опоры не всегда была столько счастлива, чтобы въ глазахъ Философовъ имѣть надлежащую цѣну и приложеніе; часто брались за нее только для того, чтобы послѣ отвергнуть дѣйствительность предметнаго. — Всего чаще системы основываемы были на извѣстныхъ положеніяхъ, имѣющихъ очевидность, или признанныхъ непреложными. Въ стремленіи къ разумѣнію міра завершительному, казалось, слѣдуетъ опираться только на представленіяхъ, имѣющихъ самостоятельную вѣрность. — Но уже судя по одному ходу развитія нашего мышленія, можно предвидѣть, что въ усвоеніи подобной отрѣшенной мысли легко можетъ вкрасться самообольщеніе. Извѣстно, что до мыслей, такъ назовемъ ихъ, абсолютныхъ — вышеопытныхъ мы поднимаемся только подъ руководствомъ бытія дѣйствительнаго и поднимаемся тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ строже держимся его внушеній. Посмѣваясь руководству опыта, и въ напряжномъ отдѣленіи отъ него, стараясь вывести его опредѣленія, мы только обольщаемъ себя самихъ, усвояя одному уму то, въ произведеніи чего

участвовалъ значительнымъ, хотя тайнымъ, образомъ опытъ. Стоитъ только перебрать мысли, выданныя за абсолютныя, чтобъ убѣдиться, что въ нихъ нѣтъ собственно чистой работы одного ума, но вмѣстѣ частію и опыта. — Точка зрѣнія обыкновеннаго опытнаго (вдвойнѣ) разумѣнія, ощутимый для всякаго міръ опыта мнѣ кажется самою приличною опорою, надежнѣйшимъ исходнымъ пунктомъ философскаго мышленія: ибо онъ же можe и завершать вѣрность сего мышленія. Другія мысли берутся точкою исхода или — по причинѣ преждевременной выспренности, или недостатка самостоятельности. —

156. При семъ образѣ сужденія могутъ обвинять насъ въ грубой преданности чувственному, въ невозвышенности мыслей, по которой будто мы не могли вознестись до вышней идеи — Абсолютнаго. — Съ двухъ точекъ зрѣнія, укажемъ напередъ, могутъ обвинять насъ: съ богословской и философской: на первой точкѣ зрѣнія (чтобъ не оставить и ее безъ прояснения), будутъ желать, чтобъ пускаясь въ философскія умозрѣнія, человѣкъ, такъ сказать, запасался испинами вѣры, какъ непреложными; чтобъ сіи мысли безъ изслѣдованія

были признаваемы вѣриломъ мыслей философскихъ, а отнюдъ не такими, на которыя можно еще въ выводахъ Философіи искать подтвержденія, на которыя Философіи предоставлялось бы еще право объявить или не объявить свое согласіе. Неоспоримо, чисты могутъ быть побужденія, по которымъ хотятъ оставить истины вѣры извѣстной неприкосновенными для изслѣдованія философскаго, вполнѣ достовѣрны могутъ быть самыя истины сей религіи: но сколь ни основательнымъ можетъ казаться подобный образъ мыслей, онъ не въ духѣ науки; онъ можетъ и долженъ имѣть мѣсто въ жизни, но не можетъ простирать своихъ требованій на область изслѣдованія самостоятельнаго. Мы видѣли (см. § 128), что Философія не можетъ наконецъ не опираться на убѣжденіяхъ религіозныхъ,— но не можемъ думать, чтобъ какія либо убѣжденія надлежало Философіи принимать слѣпо, и оставлять безъ изслѣдованія.— Какъ наука, она должна устремляться до послѣднихъ началъ и основаній убѣжденій всякаго рода. Лучь мысли по возможности долженъ проникать въ самыя темныя таинственныя исходы чувства. Умъ, не притязая на способность объяснить все, долженъ усили-

ваться прояснить сколько возможно болѣе. Если его работы въ семъ дѣлѣ кончатся и шѣмъ однимъ, что онъ долженъ будетъ признать всю недосязаемость чувства:— и тогда плоды его усилій весьма важны. Философъ долженъ слѣдить истину до послѣднихъ ея истоковъ (ср. § 104. 6.), — выводить наружу самыя послѣднія основанія нашихъ убѣжденій.— Тамъ нѣтъ мѣста философской самостоятельности, гдѣ невинная мысль, воспаряющая къ невечернему свѣту истины, связуется положительнымъ, какъ узами. Положительное нужно для того, чтобы давать больше твердости полету ума, но не должно ослаблять собою изыскательности, которою одною умъ и можетъ свободно покаряться положительному, или облагороживать и усовершать его силу и власть. При благонамѣренности и подобострастной, осторожной скромности мыслитель никогда не воружится противъ того, что его возвышаетъ, не обнаружитъ преступнаго презрѣнія къ святынѣ. — Что мы сказали о склоненіи ума къ вѣрѣ, о произхожденіи изначеніи философскаго сомнѣнія, достаточно, кажется, можетъ опровергнуть опасенія касательно пренебреженія, какое будто терпятъ истины вышшія отъ изслѣдованій

ума. Если послѣ сего еще напомнимъ, что самая истинная вѣра, какъ вѣра Христова, — можетъ прививаться только къ разуму, и расти и преуспѣвать только на развитіи и спѣлости разума,— что требовать, чтобы истины извѣстной вѣры не были сопровождаемы никакимъ изслѣдованіемъ, были усвояемы безусловно, несогласно съ началами самой вѣры истинной, которая можетъ смѣло гласить всякому: пріиди и виждь: — что опчетливость въ убѣжденіяхъ религіозныхъ составляетъ потребность людей возникшихъ къ мышленію развитому: то укоризны съ точки зрѣнія богословской, кажется, достаточно будутъ предотвращены, только бы не понимали насъ превратно.

157. Гораздо легче отвратить укоризны со стороны Абсолютистовъ - Философовъ, кои утверждаютъ, что Философія тогда только можетъ, вполнѣ уразумѣть сущее, когда она исходитъ съ абсолютнаго, съ идеи Самосущаго. Не споримъ, что, сія идея есть самое высокое, что только хранится въ глубинѣ души человѣческой и развивается изъ оной: но не можемъ согласиться на то, чтобы съ сей одной мысли могло правильно начинаться фи-

лософское изслѣдованіе. Сія идея есть самая возвышенная, а извѣстно, что возвышенное, совершенное въ мысляхъ нашихъ развивается изъ несовершеннаго. Устраните сію первую настилку нашего мышленія: не выродится хорошо и идея Самосущаго. Можно было бы конечно начинать развитія философскія и съ сей идеи, когда бы можно было безошибочно быть увѣрену, что она составлена совершенно правильно. Въ семъ образованіи, перейти отъ безусловнаго къ условному и на оборотъ было бы совершенно легко. Но кто поручится, что начинающій съ сей идеи рядъ философскихъ развитій, взялъ идею коренную въ вѣрномъ ея видѣ? Только ходъ самыхъ развитій можетъ рѣшить сіе; но, когда онъ неудаченъ — тогда только положены труды безуспѣшные. — Тотъ, кто начинаетъ рядъ своихъ мыслей сею идеею, всегда въ опасности взять ее не въ совершенномъ образованіи, а несовершенство сего образованія должно имѣть разрушительное вліяніе на всю систему мыслей, какъ и оказывается въ системахъ сего рода. — Далѣе отъ сего Абсолютнаго по системѣ Абсолютистовъ нужно низойти къ совокупности вещей бытныхъ — къ міру.

Но сей ходъ есть ли естественный? со всѣмъ нѣтъ; по обыкновенному развитію нашего мышленія мы только поднимаемся до идеи самосущаго, именно при пособіи предметовъ, созерцаемыхъ въ опытѣ. И надобно рѣшительно сказать въ семъ отношеніи: въ системѣ своего мышленія для насъ легче и естественнѣе и безопаснѣе восходить къ идеи Божества, нежели исходить отъ ней къ тварямъ. Конечно можно и исходить отъ идеи самосущаго къ бытному, но только послѣ того, какъ совершено правильно восхожденіе къ нему отъ бытнаго.

Для вѣрности мышленія всякой долженъ обращаться первоначально къ существамъ, насъ окружающимъ, къ собственному своему сознанію, и при ихъ руководствѣ и посредствѣ больше и больше очищать и выяснять священную мысль — украшеніе рода нашего. Если въ семъ направленіи умъ и не успѣетъ возвыситься до совершенства сей идеи, по крайней мѣрѣ онъ не осквернитъ ея святыни. Но тотъ, кто начинаетъ съ Абсолютнаго, не инымъ чѣмъ можетъ оправдать свое дерзновенное начинаніе, какъ ссылкою или на особое Божественное откровеніе, на пр. поло-

жительное,— основаніе, которое, какъ мы видѣли выше, не исключаетъ изслѣдованія, или на откровеніе собственное, которому какъ частному (субъективному) убѣжденію не льзя довѣрять, или на убѣжденіе всеобщее, которое отнюдь не будетъ всеобщее дѣйствительное, но только мнимое: ибо опытъ подтверждаетъ, что образъ представленій мыслителей сего рода столь далекъ отъ мышленія всеобщаго, что между ними не можетъ быть никакаго ни сравненія, ни уравненія.

158. Не льзя признать благоразумною и ту систему развитій философскаго мышленія, въ которой исходятъ съ началъ вышнихъ, съ положеній общихъ, на которыя всякой долженъ согласиться. — Нѣтъ сомнѣнія, что такія положенія могутъ быть и есть дѣйствительно: — но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобъ на нихъ можно было строить систему мыслей безопасно. Въ построеніи природы идеальномъ мы должны конечно придти къ подобнымъ мыслямъ, получить ихъ; но начинать самое построеніе подобными мыслями не естественно. Какія ни возмите общія положенія имъ надобно будетъ въ системѣ дать толкованіе, т. е. въ нихъ вложить значеніе бытій

ное: но кто поручится, что сіе толкованіе будетъ вѣрное? — Система, на сихъ основаніяхъ построенная, можетъ быть признана вѣрною только тогда, когда она сходится съ дѣйствительнымъ бытомъ: но для нее всегда будетъ почти невозможно безъ опаснаго скачка перейти къ нему. Объемъ и значеніе общаго, когда мы перешли къ нему опытъ частнаго, сейчасъ понятенъ. Не такъ ясно и твердо значеніе начала общаго, когда оно составляется силою крайняго отвлеченія. Возмите на пр. мысль: бытное и разумное одно: — сейчасъ вы видите, что вмѣсто сего утвержденія лучше было бы сказать: бытное и разумное могутъ быть, или должны быть одно. Но что сіе положеніе справедливо, можно быть увѣрену только тогда, когда оно оправдается въ своихъ приложеніяхъ. Въ сей мысли много содержится истиннаго и въ тоже время такъ оно выражено, что легко можетъ вести къ заблужденіямъ, и должно — какъ скоро не утвердишь его значенія сближеніемъ съ частнымъ. — Природа не дала намъ способности въ общемъ отвлеченномъ безъ указаній опыта открывать признаки нижшіе, частнѣйшіе; къ симъ признакамъ можно низходить

отъ общаго только тогда, когда уже извѣстно, отъ какихъ предметовъ частныхъ мы поднялись къ представленіямъ общимъ. Не знайте опытно раздѣленія существъ на разумное и неодушевленное, и, остановившись на одномъ понятіи сущаго, скажите мнѣ: какіе виды подъ нимъ содержатся, какіе частные признаки входятъ, отличены быть могутъ въ составѣ понятія — бытнаго. — Построевая природу въ умозрѣніи, всего естественнѣе слѣдовать тому ходу, который указала природа развитію нашихъ силъ умственныхъ. Начать указаніями опыта, кончить развитіемъ идей разума есть самый вѣрный ходъ развитій философской изыскательности. —

159. И такъ по нашему мнѣнію надежнѣйшій исходный пунктъ философскихъ умозрѣній долженъ быть опытное постиженіе міра видимаго. Симъ мы не говоримъ, чтобы Философъ долженъ былъ въ своихъ изложеніяхъ помѣстить всѣ были, какія представляетъ природа по сторонѣ своей внѣшней. Философія не должна и не можетъ замѣнить вполнѣ всѣ прочія науки. Чтобъ легче озираться въ области опыта, она можетъ принять точкою обзора абсолютное въ опытѣ — наше

Я, въ которомъ сосредоточиваются ощущенія происходящаго внѣ и внутри. Но должны напомнить, что только посредство и содѣйствіе познаній опытныхъ мало по малу пробуждаетъ въ насъ чаяніе законовъ вышнихъ, вызываетъ къ открытію образа жизни цѣлой природы. Правда Философія есть первая наука въ ряду вѣдѣнія человѣческаго, но она не можетъ парить безотчетно; развиваясь на основаніи успѣховъ наукъ другихъ, естественныхъ и положительныхъ, она и развитіе своихъ умозрѣній должна прикрѣплять къ положеніямъ опытнымъ. Назначеніе, которое она себѣ поставляетъ, есть изложить образъ существованія міра, или построить его въ мысляхъ: но до мысли пригодной къ сему умъ отчетливый не иначе можетъ вознестись, какъ при посредствѣ вѣрнаго разумѣнія явленій природы опытныхъ. Жизнь природы выражается въ ея дѣйствіяхъ; нужно знать и судить правильно сіи послѣднія, чтобы уразумѣть основательно первую. Если же только съ совершенными познаніями природы по ея бытію внѣшнему, Философъ можетъ легче и удачнѣе разоблачать ея жизнь внутреннюю: то естественно для него нѣтъ лучшаго сред-

спва къ успѣшному построенію своей системы, какъ начинать съ явленій всѣмъ явныхъ и понятныхъ. — Так. обр. хотя собственно дѣло Философа есть умозрительное раскрытіе жизни цѣлой природы: но возводить къ сему раскрытію адептовъ своихъ Философъ можетъ не иначе, какъ отъ твердой земли убѣжденія опытнаго. И сіе тѣмъ болѣе, что отдѣливъ совершенно своихъ слушателей, отъ сего основанія онъ послѣ не имѣлъ бы достаточнаго вѣрила своимъ мыслямъ. — Мы уже раскрыли, что повѣряется и утверждается истинность философскихъ взглядовъ однимъ сближеніемъ ихъ съ природою; и можемъ сказать рѣшительно, когда бы Философъ захотѣлъ съ начала отнять изъ вида землю, а потомъ снова представить ее, какъ въ фантасмагоріи, онъ сдѣлалъ бы двѣ погрѣшности, не могъ бы скрыть недоосновности въ началахъ (petitio principii). Опрометливость и пареніе несовмѣстны.

160. Вотъ мы предполагаемъ начинать составленіе философскихъ опредѣленій съ опыта, а закончаніе оныхъ представили изложеніемъ въ жизнь разума, — нѣтъ ли въ словахъ сихъ противорѣчія? — Нисколько. На разумъ обыкновенно смотрятъ только — какъ на способ-

ность усматривать, понимать истинное. И въ семъ уже видѣ закончите всю дѣятельность разума, нужную для постиженія природы: — вы получите совокупность понятій, въ которой всецѣло изложится все, что можетъ дать способность разума. Но это представленіе себѣ разума въ качествѣ одной способности страдательной не есть единственно возможное, согласное съ его природою; можно смотрѣть на него и какъ на совмѣстность умственныхъ опредѣленій, которыя наиправильнѣе образуются въ человѣкѣ при его вниканіи въ бытъ природы, и которыя на вышшей, послѣдней степени образованія человѣка должны развиться во всей своей полнотѣ. Сія совмѣстность опредѣленій, особенно во всей ея отчетливости (умственномъ напряженіи) и объемѣ, разумѣется, раскрывается мало по малу: но окончаніе ея развитія есть уже окончаніе развитія разума, въ семъ видѣ представляемаго. Заключись ея развитіе — обозрѣвъ, что она дала въ семъ развитіи, мы нашли бы предметно то, что полагаемъ субъективно въ разумѣ, нашли бъ полное изложеніе естественныхъ, правильныхъ взглядовъ на природу, ясный обликъ жизни бывшаго въ видѣ иде-

альномъ. Теперь, скажемъ ли мы, что дѣло составленія философскихъ опредѣленій должно заключиться совершеннымъ разумѣніемъ природы, или совершеннымъ изложеніемъ (развитіемъ идей) разума — мысль будетъ одна и таже, только въ одномъ случаѣ мы выразимъ конецъ философствованія — предметнѣе, въ послѣднемъ — субъективнѣе. —

Примѣчаніе. А не излишнее ли дѣло, скажутъ другіе, поставлять умъ человѣческій въ такой строгой зависимости отъ опыта? должно же признать, что умъ имѣетъ свои законы, — не естественнѣе ли требовать, чтобъ умъ, не привязываясь къ опыту, самъ изъ себя развилъ тѣ мысли, которыя положены внутри его, и которыми онъ такъ оживляетъ для насъ всю природу? — Но сколько подобныя мысли легко высказать: столько трудно подтвердить ихъ согласіе съ бытіемъ дѣйствительнымъ. — Конечно по той гармоніи законовъ и настроенія, которая должна господствовать во вселенной, — можно думать, въ умѣ нашемъ должно содержаться какъ бы сокровенно, завито все то, что содержится въ опытѣ; можно далѣе думать, что слѣдуетъ только предоставить разумъ собственному развитію, и мы увидимъ въ идеяхъ все, что представляетъ опытъ. — Но спрашивается еще, это собственное развитіе разума, — могло ли бы совершиться безъ участія опыта? — Въ отвлеченіи конечно мы можемъ раздѣлять

развитіе умственныхъ сокровищъ подъ вліяніемъ опыта, и безъ сего вліянія: но на опытѣ мы не видимъ сего развитія въ видѣ послѣднемъ.— Когда предпринимаютъ сіе развитіе идей разума безъ руководства опыта, всегда обольщаютъ себя, отрицаютъ содѣйствіе того, чѣмъ пользуются. Чтобъ прояснить и развить идеи, — нужно сблизить ихъ съ понятіями разсудка. Теперь надобно будетъ или и сіи производить изъ одного ума, что невозможно; или согласиться, что и идеи проясняются содѣйствіемъ представленій опытныхъ. — Что онѣ не берутся съ опыта, какъ равно представленія опытныя не берутся изъ ума — кто не знаетъ? — Но его, сего развитія безъ пособія опыта, скажутъ, и не требуютъ; скажутъ: міръ внѣшній нуженъ для возбужденія силъ умственныхъ; только онъ не даетъ уму тѣхъ мыслей, тѣхъ представленій, которыя завершаютъ разумѣніе природы. Природа мертва сама по себѣ; въ ней нѣтъ идей, завитыхъ въ разумѣ, почему она и дать ихъ не можетъ.— И сей взглядъ сколь ни благовидно можетъ быть представленъ, защищенъ совершенно быть не можетъ потому, что недостаточно объясняетъ быть нашихъ познаній. Въ немъ природа и умъ человѣческій поставляются въ неполную гармонію, въ раздѣленіе неестественное. — Не говоримъ уже о томъ, что строеніе природы, вышедшей изъ рукъ Высочайшаго Ума, представляется такъ скуднымъ всякой вышшей собственной знаменательности.— Гармонія между природою и умомъ конечно можетъ быть и тогда, когда предположимъ, что и природа и умъ имѣютъ свои законы, толь-

ко умъ имѣетъ свои идеи, которыхъ нѣтъ въ природѣ, а сія послѣдняя— одни законы собственнаго бытія. Но тогда нѣтъ причины, для чегобы было ставить насъ въ постоянное, неразрывное соприкосновеніе съ природою; довольно было бы дать симъ соприкосновеніемъ уму однажды толчекъ, чтобъ онъ началъ рядъ своихъ развитій безъ всякаго дальнѣйшаго содѣйствія со стороны природы; тогда увѣренность всеобщую, что идеями мы постигаемъ дѣйствительный бытъ природы, надлежало бы считать совершеннымъ обольщеніемъ. Конечно здѣсь можно было бы отозваться, что такъ настроена природа, что противъ дѣйствительнаго способа произхожденія мы должны судить иначе, такъ, какъ судятъ обыкновенно:—мысль, которая составляетъ плохое убѣжище, и которая тогда только имѣетъ какое нибудь значеніе, когда мы въ выводахъ всецѣло сходимся съ природою. Расходясь съ нею, должны искать исправить свои ошибочныя представленія!— Неразрывная связь ума нашего съ міромъ внѣшнимъ показываетъ уже, что дѣйствіе природы на умъ должно быть принято большее, нежели какъ одинъ первый толчекъ, нужный для пробужденія духа къ собственной, послѣ уже совершенно независимой дѣятельности. Послѣ сего для сближенія съ бытомъ дѣйствительнымъ, примите рядъ толчковъ, постоянно даемыхъ уму природою, вы примете нѣчто правдоподобное, но все еще не совершенно разъясняющее бытъ дѣйствительный; все еще можно будетъ считать правдивость общаго убѣжденія, что наши мысли правильно выра-

жаютъ бытъ самой природы. Если идеи принадлежатъ собственно намъ, если въ природѣ нѣтъ ничего, чтобъ онѣ отражали идеально: все наше разумѣніе природы будетъ не разумѣніе самой природы, но только болѣе совершенное развитіе нашего образа представленій. Так. обр. сіе мнѣніе никакъ не льзя будетъ освободить отъ нѣкотораго идеализма.— Какъ теорія,— оно усладительно, обѣщаетъ много; освобождаетъ нѣкоторымъ образомъ отъ оковъ природы внѣшней: но сличивъ его съ бытомъ дѣйствительнымъ,— симъ пробнымъ камнемъ всякихъ теорій, находишь ее только незрѣлою догадкою. Если сія теорія не можетъ вести ко многимъ слѣдствіямъ ложнымъ, опаснымъ: то именно по тому, что главный элементъ, въ ней преобладающій,— способность разума къ истинному, имѣетъ въ себѣ очень много вѣрнаго; что въ дѣйствительномъ развитіи идей разума непримѣтно для себя, но тѣмъ не менѣе все непослѣдовательно, прибѣгаютъ къ опыту, который всегда исправляетъ ошибки теорій.— Просите и согласіе съ бытомъ дѣйствительнымъ та мысль, что — по гармоническому настроенію природы и ума, при взаимномъ соприкосновеніи ихъ между собою, первая получаетъ въ послѣднемъ видъ идеальный, въ послѣднемъ возникаютъ представленія, соотвѣтствующія дѣйствительному устроенію природы. Одна и таже Сила Разумная создала чувственную природу для извѣстныхъ цѣлей, по своимъ идеямъ, и поставила среди сей природы силы мыслящія, настроенныя постигать идеи Начала природы Творческаго. — Безъ ума внѣ себя при-

рода не имѣла бы идеальнаго бытія,— и умъ безъ природы не возникалъ бы къ сознанію предметнаго значенія своихъ понятій, не находилъ бы идей внѣ себя, и слѣд. не зналъ бы ихъ. Чѣмъ болѣе заключаетъ въ себѣ явленіе природы: тѣмъ болѣе можетъ находить въ немъ разумъ; и чѣмъ болѣе умъ переставляетъ себя въ бытъ природы: тѣмъ полнѣе принимаетъ въ себя внутреннюю жизнь предметовъ; нужна дѣйственность ума съ одной стороны, и богатые запасы мыслей завитыхъ въ природѣ, съ другой, чтобъ могли образоваться представленія наисовершенныя. Идеи завиты и въ природѣ и въ умѣ, но совершенство разумѣнія достигается тогда только, когда мы ближе узнаемъ природу и въ тоже время употребимъ всю дѣйственность нашего разума. — Взимая теперь два фактора, производящіе наши познанія, и съ большимъ или меньшимъ перевѣсомъ вшекающіе въ состовъ всѣхъ нашихъ понятій, — и предполагая извѣстнымъ содѣйствіе другаго фактора, какъ совершенно необходимо и всегда неизбѣжно, тайно только прившекающее, — можно сказать, что мы равно можемъ подходить къ истинѣ, къ полному разумѣнію обоими путями и путемъ опыта, и путемъ соображенія. Но никакъ не должно забывать, что здѣсь содѣйствіе другаго фактора предполагается, какъ извѣстное уже условіе для успѣшности фактора, представленнаго кореннымъ: погрѣшность — обыкновенная въ языкѣ рефлекшивномъ. Возмемъ ли мы всю совокупность умственныхъ понятій, какъ она должна подняться въ Философіи до мыслей завершительныхъ, мы можемъ увѣрить-

ся, что первопачально въ сихъ мысляхъ можно замѣчать перевѣсъ на сторонѣ фактора природы, а наконецъ — на сторонѣ мысли. Но чтобъ мы могли какое либо представленіе образовать силою одного фактора, сіе сказать можетъ только слишкомъ смѣлый догматизмъ.— Такъ, умъ имѣетъ свои законы, имѣетъ свои идеи, — но развитіе сихъ идей, особенно правильное, невозможно безъ указаній опыта. Опытъ долженъ подтверждать достовѣрность умозрительныхъ представленій. — Мысль должна дѣйствовать собою, но свои виды идеальные сопоставлять съ природою для лучшаго ихъ образованія и для большаго удостовѣренія въ ихъ вѣрности. —

Правильное поступаніе въ образованіи философскихъ опредѣленій.

161. Какой ходъ должна принимать Философія въ частнѣйшемъ утвержденіи своихъ опредѣленій? — Система опредѣленій Философіи не можетъ состоять изъ одной мысли, которая бы отъ опыта прямо переводила насъ въ сферу разума. Хотя бы подобная мысль и была: все яснѣйшее развитіе оной требовало бы постепеннаго ея преслѣдованія отъ опыта въ область ума; так. обр. разлагалось бы само на нѣсколько мыслей, постепенно подтверждаемыхъ и по своемъ подтвержденіи составляющихъ звѣнья, къ которому могутъ прикрѣплены быть другія. — Спрашивается: какимъ

образомъ можетъ совершаться это постепенное утвержденіе мыслей въ ихъ протяженіи отъ указаній опыта до выспреннихъ вѣщаній разума.— Коренный способъ подтвержденія мыслей умозрительныхъ нами развитъ доспаточно выше, здѣсь мы можемъ только прояснить его сопоставленіемъ съ пріемами, обыкновенно отличаемыми и показать его умѣспность въ раскрытіи мыслей философскихъ частнѣйшемъ.— Отличаютъ обыкновенно два метода, которыми могутъ и должны представлять свои выводы науки; методъ *аналитическій* восходящій отъ частнаго къ общему,— какъ то отъ слѣдствій къ началамъ, отъ дѣйствій опредѣленныхъ къ причинамъ, отъ цѣлаго самобытнаго къ составнымъ началамъ; и методъ *синтетическій*, который начинаетъ общимъ, цѣлымъ, отдѣленнымъ и нисходитъ къ частному, конкретному.— Два сіи метода одинъ другому противоположные, составляютъ какъ бы два направленія, которыя можно принимать, устремляясь къ разумѣнію. Природа конечно дѣйствуетъ методомъ синтетическимъ, когда она творитъ и образуетъ предметы; конкретное есть обыкновенно произведеніе. Но таже природа употребляетъ

иногда по видимому методъ аналитическій, когда разлагаетъ предметы изъ нихъ плотнаго вида на составныя части. Въ познаніяхъ своихъ мы начинаемъ обратнымъ путемъ. Лежащее предъ нами въ образованномъ уже видѣ стараемся мы разсмотрѣть въ частяхъ, но конецъ такаго разсмотрѣнія всегда есть синтезисъ — сочетаніе. Въ семъ видѣ мы обыкновенно и стараемся сообщать свои познанія; стремленіе духа нашего къ стройному единству заставляетъ насъ представлять свои познанія въ видѣ стройномъ, какъ представляетъ свои созданія природа. Какое изъ указанныхъ направленій должно быть принято въ составленіи опредѣленій Философіи?

162. Стоитъ только вникнуть ближе въ существо сихъ методовъ, чтобъ увѣриться, что въ философскихъ изслѣдованіяхъ ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть усвоенъ *исключительно*. Приложимъ и тотъ и другой изъ сихъ методовъ къ философскимъ изслѣдованіямъ: первымъ мы получимъ нѣсколько общихъ понятій, послѣднимъ - успѣемъ прояснить нѣсколько сихъ же общихъ понятій; а дѣло отчетливаго разумѣнія природы все еще не совершится. Чтобы понять, чего здѣсь соб-

ственно недостаетъ, слѣдуетъ только припомнить, что мы сказали о пріемѣ, какимъ можетъ и должна Философія подвигаться въ своемъ развитіи; тамъ мы замѣтили, что задача Философіи состоитъ не въ томъ только, чтобы догадками объяснить какъ нибудь жизнь природы, но чтобы въ своихъ объясненіяхъ сблизиться съ нею, какъ она есть дѣйствительно; что Философія для сего сближенія съ природою должна повѣрять умозрительныя предположенія съ бытомъ дѣйствительнымъ.— Теперь, хотя методъ аналитическій опытъ разсматриванія природы перевелъ бы насъ къ представленіямъ общимъ, а методомъ синтетическимъ мы успѣли бы сіи представленія образовать въ стройный видъ цѣлаго;—удачно ли успѣли мы отразить природу въ идеальномъ построеніи, исполнили ли всецѣло задачу Философіи, сказать будетъ не льзя. Правда сличеніе системы образованной съ природою можетъ показать сіе, но сіе указаніе позднее не принесетъ существенной пользы. Чтобъ оно имѣло какое либо значеніе, надобно ввести его въ дѣло самаго составленія и образованія системъ философскихъ. Что сіе дѣло не есть дѣло излишнее, что для него только не успѣли

еще хорошо указать пріема, можно догадываться изъ самой противоположности двухъ методовъ, которая всегда посредствуется чѣмъ либо среднимъ, примирительнымъ. Что методъ, какаго мы требуемъ, нуженъ и долженъ быть, это поясняется тѣмъ, что все дѣло человѣческаго перебора представленій оканчивается сличеніемъ, уравненіемъ; слагаемъ ли мы, — мы не можемъ оканчивать дѣла безъ уравненія, безъ повѣрки; вычитаемъ ли, также должны заключить уравненіемъ. Теперь, если мы для сложенія имѣемъ особый методъ и для разложенія особый, и въ самыхъ сихъ методахъ рѣшительнаго намѣка на постоянное ихъ заключеніе особою повѣркою, нѣтъ: почемуже не поставить особаго метода для такаго дѣйствія, которое необходимо при всей дѣйственности обоихъ пріемовъ?

163. Тѣсная связь сего пріема съ обоими указанными, необходимость и постоянное обыкновеніе и безпредписаній прибѣгать къ нему, достаточно для насъ проясняютъ, почему онъ остался доселѣ непроникнутымъ, и можетъ быть и то, отчего въ самомъ опредѣленіи методовъ часто царствовала нѣкотораго рода сбивчивость.— Примемъ ли мы для того

удостовѣрительнаго дѣла Философіи особый методъ *метатетическій* (сопоставительный) такъ назовемъ его, — онъ будетъ завершительнымъ въ работахъ Философіи, хотя не будетъ исключать собою методовъ, опередившихъ его своимъ прояснѣніемъ. Въ философскихъ изслѣдованіяхъ первымъ изъ тѣхъ методовъ — мы будемъ восходить отъ представленій опытныхъ къ понятіямъ созерцательнымъ, и слагать послѣднія изъ первыхъ; по второму методу можемъ брать созерцательныя мысли и слагать изъ нихъ стройное цѣлое. Но только тогда сіе развитіе мыслей будетъ имѣть все учебное достоинство, когда начала метода сопоставительнаго дадутъ ему тотъ видъ, въ которомъ оно будетъ истиннымъ идеальнымъ выраженіемъ природы.— Правильное поступаніе въ развитіи опредѣленій умственныхъ будетъ состоять въ постепенномъ прояснѣніи образуемой мысли поперемѣннымъ приложеніемъ двухъ извѣстныхъ методовъ — и окончательномъ утвержденіи оной методомъ сличительнымъ.— При составленіи опредѣленій умозрительныхъ моментъ соглашенія мыслей съ природою долженъ быть перевѣшивающимъ. Не неумѣст-

ный въ наукахъ опытныхъ — области болѣе анализа, еще больше въ наукахъ положительныхъ — области болѣе синтеза, онъ особенно преобладаетъ въ области умственныхъ построеній — въ Философіи, которая, возвышаясь надъ другими науками выспренностію и самостоятельностію, должна отличаться и методомъ отчетливости. Свободное построеніе природы въ ея видъ дѣйствительный, возпося Философію надъ другими отраслями вѣденія, даетъ особый характеръ и ея работамъ, предписываетъ ей тѣснѣе примыкать къ природѣ, которая не можетъ ее связывать, но всегда караетъ необдуманное раздѣленіе съ своимъ бытомъ и законами. —

164. Методъ сличительный есть единственный способъ подтвержденія истинъ сверхчувственныхъ. Не всѣ мысли могутъ быть подтверждаемы однимъ способомъ силлогистическимъ. — Эта мысль давно уже извѣстна и Логика давно уже для подтвержденія мыслей о предметахъ опытныхъ (пространственно существующихъ) или (временно существовавшихъ) историческихъ, требовала только или указанія сихъ предметовъ или подобныхъ имъ, или свидѣтельства другихъ, имѣвшихъ случай видѣть и знать

оные ближе.— Но не видимъ еще опытовъ указать подобный способъ въ подтвержденіи истинъ сверхчувственныхъ. — Правда сихъ предметовъ мы не видимъ, и на показъ представить не можемъ: но какъ понятія о сихъ предметахъ образуются при видѣ и воздѣйствіи сихъ предметовъ,—то и вѣрность и твердость сихъ понятій должна быть подтверждена не иначе, какъ показаніемъ, что весь бытъ предметовъ ведетъ именно къ тому образованію мыслей, а не къ другому. — Такъ, что какъ бы въ соотвѣтствіе тремъ методамъ, нами отличеннымъ, можно указать и три способа, подтвержденія троякаго вида мыслей, способа которые впрочемъ всѣ, какъ мы замѣтили выше, приводятся къ одному сопоставленію понятій другъ съ другомъ. — a) представленіе, какое мы имѣемъ о предметѣ по его наружному виду, не иначе можно подтверждать, какъ указаніемъ самаго предмета въ дѣйствительности или въ умственныхъ представленіяхъ другихъ лицъ, его видѣвшихъ; b) понятіе наше о чертѣ предмета болѣе общей мы удобнѣе можемъ подтверждать подведеніемъ предмета подъ объемъ предметовъ, въ которомъ та черта — всеобщая: но c) мы-

сли свои о всемъ объемѣ внутренней жизни предмета, о природѣ его — не иначе можемъ мы подтверждать, какъ сопоставленіемъ ихъ со всѣмъ объемомъ проявленій поясняемаго предмета во внѣ. — Такъ какъ умозрительныя философскія идеи всѣ именно касаются не столько чертъ общихъ въ предметахъ, сколько внутренней ихъ жизни: то и подтвержденіе сего рода мыслей возможно не иначе, какъ сличеніемъ умственнаго ихъ образованія съ тѣмъ, что ведетъ къ сему образованію въ дѣйствительности. (ср. § 54.) Опытъ есть послѣдній, единственно умѣстный въ сихъ случаяхъ, способъ подтвержденія своихъ созерцательныхъ мыслей: вы можете остаться при своихъ умозрѣніяхъ, — но не будете въ силахъ защитить ихъ достаточно, когда умъ критическій покажетъ вамъ, что вашъ логическій способъ не досязаетъ высоты мыслей, вами утверждаемыхъ. —

165. Исторія всѣхъ наукъ и особенно Философіи яснѣйшимъ образомъ подтверждаетъ наше указаніе особаго метода. Отъ чего умъ человѣческій не удовлетворилъ доселѣ своей сильной жаждѣ уразумѣть природу? — Если бы не сама природа часто испровергала нерѣдко

тяжкими опытами его догадки умозрительныя: онъ давно успѣлъ бы силою своего мышленія создать систему природы умозрительную. Только другія показанія, какія даетъ природа вопреки нашихъ умственныхъ догадокъ, заставляетъ насъ обращаться къ составленію новыхъ представленій посредствомъ лучшаго разбора самыхъ явленій дѣйствительности. И всѣ науки, самая Математика усовершаются съ своемъ развитіи, указаніями естествоиспытанія. — Въ самой Философіи давненько уже примѣтили, что оба указанные метода не совсѣмъ достаточны для цѣли Философіи, особенно, когда употребляются въ раздѣленіи одинъ отъ другаго. Кантъ предложилъ методъ критическій, (новость, нужду которой давно чувствовалъ міръ ученый) но не успѣлъ развить его въ зрѣломъ совершенствѣ. Зависимость отъ стараго господствовавшаго метода синтетическаго поставила его въ значительное раздѣленіе съ природою. Боязнь уступить слишкомъ большое поле умозрительнымъ догадкамъ заставила его дать превратное толкованіе нашимъ вышшимъ мыслямъ. — И не льзя строго осуждать слишкомъ осторожнаго мыслителя. Попасть на истинную сре-

дину, угадать жизнь природы — въ самомъ ея сердцѣ, такъ сказать, есть задача вѣковыхъ усилій. Въ рѣшеніи сей задачи тотъ больше всѣхъ и можетъ успѣть, кто пріобрѣтетъ навыкъ давать правильное толкованіе явленіямъ природы, свободнѣе поступать въ составленіи умозрительныхъ гаданій и въ тоже время всестороннѣе брать въ расчетъ бытъ дѣйствительный. Чѣмъ быстрѣе пошли развиваться послѣ Канта философскія соображенія: тѣмъ болѣе принято новыхъ направленій для сближенія съ природою. Но ни выводной методъ Фихта, и діалектическій — Гегеля, ни построительный Шеллинга, ни привносительный Гербарта не могутъ замѣнить строгаго сличенія съ природою. —

166. Если Философія не успѣла до сихъ поръ достигнуть полнаго своего совершенства, то отъ того преимущественно, что Философы пользовались больше которымъ либо изъ обыкновенныхъ методовъ, слабо держались правилъ метода сопоставительнаго. Большей части мыслителей обыкновенно казалось, что стройность мыслей, высота ихъ общности, суть достаточныя поруки ихъ вѣрности; что на систему Философіи не можетъ быть возло-

жена тягостная обязанность представлять природу такъ, какъ она есть дѣйствительно; думалось, что умозрѣніе можетъ давать лучшее толкованіе явленіямъ.— Такъ, Философія должна исполковать жизнь природы, но не превратить обликъ ея симъ исполкованіемъ. Другой части Философовъ казалось, что только указанія опыта могутъ прямо привести къ ясному разумѣнію природы.— Смѣлѣйшія системы умозрѣнія почти всѣ больше или меньше виновны въ извращеніи быта природы. Системы болѣе боязливыя, если не дѣлаютъ сего извращенія, за то не досязаютъ ограниченными своими взглядами всѣхъ величественныхъ силъ природы. Вообще односторонность въ избраніи метода, или направленія въ философскихъ изысканіяхъ — составляетъ коренную причину и разногласія Философовъ между собою и несовершенства философскаго разумѣнія природы.—

167. Исключительное употребленіе одного изъ сихъ методовъ, а особенно безъ сведенія ихъ методомъ математическимъ не можетъ вполнѣ прояснить для насъ жизнь природы. Еслибъ мысли духа нашего образовались только въ совершенной зависимости, или опъ представ-

леній чувствъ, или отъ одного самостоятельнаго дѣйствія ума; то для прояснения своего сознанія мы моглибы употребить одинъ только методъ, или опыта, или созерцанія. Но природа ума нашего не стоитъ ни на одной изъ сихъ оконечностей.— Мы очень много зависимъ отъ опыта, но въ душѣ нашей возникаютъ и такія мысли, которымъ достаточное основаніе въ опытѣ съ трудомъ можетъ указать умъ прозорливый, возвышенный. Хотимъ ли мы посему уяснить свои понятія: мы находимся въ необходимости не позволять ограничивать себя ни одному опыту ни однимъ умозрѣніямъ. Мы необходимо должны сближать и то и другое. Конечно при предполагаемомъ согласіи ума съ природою можно быть увѣрену, что и тѣмъ и другимъ мы равно должны бы подходить къ истинѣ: но это ожиданіе могло бы исполниться только тогда, — когда бы мы, или носили въ умѣ своемъ зрѣлое обличіе природы, или умъ нашъ не могъ дѣйствовать неправильно при наблюденіи явленій; когда бы въ явленіяхъ природы жизнь ея внутренняя не закрывалась для насъ ихъ наружностію. Но ни того ни другаго условія въ дѣйствительности нѣтъ. Намъ отъ того и

другаго совершенства удѣлено только по частицѣ. Почему, завершая изложеніе явленій внѣшнихъ и былей внутреннихъ генетическими построеніями, мы должны не раньше выдавать свои умозрѣнія за вѣрныя какъ, если не закончивши, то по крайней мѣрѣ проведши сколько можно далѣе, сближеніе ихъ съ бытомъ дѣйствительнымъ. Только нашедъ бытъ природы и ума въ строгомъ согласіи съ предположеніями умственными, можно надежнѣе приступать къ полному построенію природы въ видъ идеальный.

Обозрѣніе главныхъ направленій, какія Философы большею частію принимали въ своихъ изысканіяхъ.—

168. Мы сказали, односторонность въ избраніи метода для философскихъ соображеній составляетъ коренную причину разногласія системъ философскихъ и ихъ несовершенства. Въ самомъ дѣлѣ излишнее довѣріе догадкамъ своего ума и суетная надежда въ частныхъ явленіяхъ природы вполнѣ высмотрѣть ея жизнь внутреннюю всегда сопровождались и оканчивались ошибками въ выводахъ цѣлосообразительныхъ, и Философы всегда погрѣшали, всегда

расходились между собою зависимо отъ несоразмѣрнаго довѣрія опыту или умозрѣнію. Слѣдуетъ только обозрѣть ходъ развитій, какія представляетъ исторія философской изыскательности, чтобъ въ семъ убѣдиться. — Въ рѣшеніи самой первой философской задачи объ образѣ бытія сущаго, Философы уже раздѣляются между собою, очевидно, отъ сихъ самыхъ причинъ. Одни утверждаютъ, что міръ существуетъ силою, въ самомъ веществѣ содержащеюся: это Гилозоисты, которые называются иначе Матеріалистами. Ссылаясь на опытъ, они утверждаютъ, что наблюденіе за образованіемъ существъ міра и за ходомъ событій, никакъ не представляетъ достаточной причины принимать основу міра, не принадлежащую къ самому міру. — Увлекаясь игрою понятій, другіе Философы говорятъ не можетъ быть собственной жизни въ томъ, что изм[illegible]няется безпрестанно, что тлѣнно. Жизнь, бытіе: это удѣлъ одного самосущаго, Абсолютнаго; кромѣ Божества ничто не можетъ существовать. Слѣд. все, что живетъ, вся эта вселенная, что — если не проявленіе одного и тогоже Божества, только въ различныхъ формахъ или явленіяхъ? На-

прасно мы думаемъ, что есть въ природѣ что либо недостойное, все въ природѣ живетъ жизнію Божественною; сущее и Божество не могутъ быть раздѣльны. Богъ и природа — одно. Такъ мыслятъ Пантеисты. — Теисты, утверждая въ противоположность Атеистамъ, что вещество не можетъ имѣть самостоятельной жизни, и—въ противоположность Пантеистамъ, что Божество, какъ коренное начало жизни въ природѣ, не можетъ быть смѣшиваемо съ самою природою, хотятъ рѣшить тайну міробытія согласнѣе съ требованіями ума и съ указаніями опыта, ближе къ общему смыслу. По ихъ понятію Богъ и природа совершенно неслиянны, хотя жизнь послѣдней всецѣло зависитъ отъ перваго. Отъ крайностей мыслителей другаго рода предохраняетъ ихъ очевидно желаніе вполнѣ изъяснить бытъ дѣйствительный, двоякій опытъ внутренній и внѣшній. —

162. Въ рѣшеніяхъ доселѣ указанныхъ спрашивалось только о способѣ бытія природы, объ источникѣ жизни въ ней. Очевидно, что первые два образа рѣшенія рѣзко противорѣчатъ общему чувству. Чтобъ поддержать себя, умы философствующіе прибѣгаютъ къ

опредѣленію самаго понятія о дѣйствительности міра, внѣ насъ сущаго. И здѣсь сколько Гилозоистъ долженъ утверждать исключительную дѣйствительность вещественнаго: столько Пантеистъ— удалять изъ вида и уничтожать вещественность, какъ нѣчто несовмѣстное съ понятіемъ о Богѣ.— Легко примѣтить, что образъ мыслей перваго долженъ быть чистый реализмъ, послѣдняго — идеализмъ. Но еще яснѣе можно видѣть то, что одинъ изъ нихъ долженъ опираться на исключительномъ довѣріи чувствамъ, другой на полномъ довѣріи одному уму.— Обыкновенный смыслъ человѣческій а съ нимъ и здравая Философія идутъ и здѣсь среднею дорогою; не утверждая одной дѣйствительности вещественнаго внѣ насъ, онѣ въ тоже время не соглашаются на дѣйствительность одного міра идей. Хотя так. обр. онѣ болѣе отрицаютъ, нежели утверждаютъ: но въ такомъ дѣлѣ гдѣ смѣлость необходимо заводитъ въ крайность, гораздо лучше, выжидая полныхъ указаній бытнаго, оставаться въ неопредѣленности, хотя рано или поздо должно будетъ изъ ней выдти.—

170. Подобное раздѣленіе и по тѣмъ же причинамъ происходитъ между Философами и при рѣшеніи задачи о произхожденіи нашихъ познаній. Эмпиристы утверждаютъ, что всѣ наши понятія и частныя и общія и даже такъ называемыя идеи суть плодъ опытныхъ воззрѣній. Не будь опыта, мы не имѣлибы ни какихъ и представленій.— Напрасно, возражаютъ Интеллектуалисты; еслибъ мы не имѣли умопроизводныхъ понятій, мы не моглибы исправлять своихъ ошибочныхъ представленій, не имѣлибъ понятій всеобщихъ; откуда взялись съ опыта идеи? Самъ духъ человѣческій носитъ въ душѣ своей понятіе и могъ бы мыслить безъ опытныхъ воззрѣній.— Общій смыслъ и здѣсь не соглашается вполнѣ ни съ тѣмъ ни съ другимъ образомъ мыслей.— Ибо ни тотъ ни другой образъ объясненія нашихъ познаній не изъясняетъ вполнѣ всего ихъ быта дѣйствительнаго. Зависимость отъ опыта для всякаго слишкомъ ясна; и самостоятельность мыслей духа человѣческаго довольно ощутительна. Только при неосторожно допущенномъ какомъ либо началѣ можно впасть въ ту или другую крайность.

171. Какъ при изслѣдованіяхъ объ образѣ бытія міра вопросъ о дѣйствительности, какая должна быть ему усвоена, раждается неизбѣжно: такъ и при изслѣдованіи образа рожденія понятій неизбѣжно возникаетъ вопросъ о дѣйствительности, какая должна быть усвоена нашимъ познаніямъ. — И здѣсь Философы раздѣляются на партіи. Догматизмъ утверждаетъ, что не къ чему слишкомъ бояться ошибокъ въ умозрѣніяхъ; духъ и природа одно, посему — своимъ умомъ мы можемъ вполнѣ постигать природу и легко уяснять для себя ея тайны. — Едвали, отвѣчаетъ Скептицизмъ, и наблюденіе и усильное, напряженное размышленіе не можетъ вести прямо къ истинѣ. Согласіе нашихъ представленій съ природою, внѣ насъ находящеюся, неразрѣшимая проблемма! Кто сличалъ природу съ умомъ? Не разнородныя ли въ различныхъ душахъ и при различныхъ чувствахъ возникаютъ представленія объ однихъ и тѣхъ же предметахъ? — Гдѣ послѣдняя причина подобнаго разрозненія? очевидно въ разногласіи мыслей о значительности быта дѣйствительнаго, въ которомъ не все, представляющееся уму одного, признается дѣйствительнымъ, и

на оборотъ не утверждается, чтобы ничего не было непреложно, основно вѣрнаго. — Криптицизмъ, приближаясь къ требованіямъ здраваго разумѣнія, хочетъ между сими двумя крайностями идти срединою. Не совсѣмъ довѣряя скороспѣшнымъ требованіямъ Догматизма, ни разрушительнымъ отрицаніямъ Скептицизма — онъ хочетъ разсмотрѣніемъ способностей и дѣйствій духа нашего прояснить предметное значеніе, близость нашихъ представленій съ природою. Его выводы скоро могутъ содѣлаться совершенно удовлетворительными, когда онъ больше высвободитъ себя изъ оковъ старыхъ убѣжденій, не подтверждаемыхъ опытомъ, но тайно оказывающихъ вліяніе на поясненіе былей внутренняго сознанія.

Так. обр. неумѣстное опасеніе принять въ выводы цѣлосообразительные чуждые элементы ума съ одной стороны, и дерзновенная увѣренность проникнуть жизнь природы безъ приниканія въ процессы ея развитій — съ другой были всегда главными побужденіями, по которымъ Философы уклонялись отъ прямаго пути, назначеннаго намъ природою, — коренными причинами, по которымъ объясне-

нія или построенія природы, составленныя древними и новѣйшими мудрецами, расходились съ истиннымъ образомъ бытія всего сущаго. Уступите идеальнымъ представленіямъ всю силу: и вы — больше внѣшнихъ явленій, кромѣ пустой смѣны вещества— ничего не увидите въ мірѣ, или—весь міръ будетъ не что иное, какъ смѣна образовъ, вами созидаемыхъ, вами же и разрушаемыхъ, съ которыми вступаете по временамъ въ борьбу, но которыя не больше, какъ одни призраки вашего воображенія.—

172. Довѣряя всецѣло опыту и одному опыту, Эмпиристъ долженъ содѣлаться Догматистомъ, и рѣшительно утверждать только дѣйствительность одного вещества, имѣющаго жизнь въ самомъ себѣ — содѣлаться Гилозоистомъ — Атеистомъ.— Идеалистъ, довѣряясь силѣ одного своего ума, долженъ по необходимости получить недовѣрчивость къ чувствамъ — содѣлаться скептикомъ и кончить Пантеизмомъ:— ибо нужда какого либо убѣжденія въ томъ существенно представляющемся слишкомъ сильна, безосновность всецѣлаго скептицизма слишкомъ ясна, чтобъ можно было на немъ одномъ остановиться.— Въ понятія о самой дѣятельности должны про-

никнуть тѣ убѣжденія своими слѣдствіями, на систему правилъ нравственныхъ должны онѣ оказать свое вліяніе, если чувство истиннаго не остановитъ прямаго стремленія ума къ опасной крайности. Въ самомъ дѣлѣ Матеріализмъ не можетъ предписывать, послѣдовательно поступая, правилъ жизни строгихъ; онъ долженъ проповѣдывать сенсуализмъ и Идеализмъ съ своимъ пантеизмомъ грубымъ или тонкимъ, долженъ предписывать несумѣренный аскетизмъ.— Одна только Философія здравая, усиливающаяся итти среднимъ путемъ между двумя крайностями неумѣреннаго довѣрія опыту и уму, можетъ предписывать правила дѣятельности чистыя, умѣренныя, давать объясненія на жизнь природы болѣе вѣрныя, согласныя съ требованіями чувства разумнаго.— Къ счастію на опытѣ рѣдко являются такія системы, въ коихъ тѣ крайности мышленія философскаго высказываются и проводятся вполнѣ. Чувство истины почти невольно удерживаетъ людей отъ крайностей. Если къ подобнымъ крайностямъ иногда заходятъ: то въ числѣ причинъ сего явленія должно поставить то особенно, что противоположное для насъ яснѣе, — и усили-

ваясь опровергнуть одну крайность, для насъ ощутительную, всего легче впасть въ другую. Так. обр. Философы въ постепенномъ образованіи системъ природы, вступая въ противодѣйствіе другимъ системамъ, непримѣтно для себя становились на другую сторону, не въ силахъ удержаться на истинной срединѣ. Но и здѣсь въ необходимомъ завлеченіи мыслителей въ противоположную крайность, — притягательная сила была дѣйствительнаго, привлекая ихъ къ себѣ съ большею или меньшею силою, всегда заставляла проходить поле умозрѣній путемъ уклоненнымъ. — Путь средній одинъ, путей сторонихъ множество. Философское построеніе природы истинное должно быть одно; попытокъ приблизиться къ нему, болѣе или менѣе удачныхъ, можетъ и должно быть много!—

Первые начатки науки.

173. Пусть теперь Философъ пойдетъ въ своемъ сопоставленіи опредѣленій умозрительныхъ направленіемъ и ходомъ нами указаннымъ: пусть подвигаетъ образованіе сихъ опредѣленій по способу нами проясненному, дальше и дальше: науки Философіи собственно онъ еще

не составитъ. Онъ образуетъ рядъ постепенныхъ опредѣленій, вышшихъ другъ друга своею общностію, своею удаленностію отъ опыта, но не составитъ еще собственной науки. Для образованія сей послѣдней нужно, чтобъ тѣ опредѣленія отразили природу самымъ вѣрнымъ образомъ, и — взятыя въ своей совмѣстности, образовались въ стройное единство, введены были въ строгую зависимость одно отъ другаго. — Доколѣ не совершена сія новая обработка самыхъ опредѣленій умозрительныхъ: дотолѣ онѣ составляютъ еще только начатки Философіи. Между наукою и изысканіями учебными находится значительная разность. — Послѣдняя есть плодъ первыхъ; первыя приготовляютъ только матеріалы для послѣдней. Умозрительныя опредѣленія, составленныя по тому ходу, который мы доселѣ указали, могутъ и должны имѣть только видъ и значеніе изысканій: за то изъ нихъ и изъ нихъ только и можетъ составиться наука.— Правда для сего нуженъ будетъ уже новый пересмотръ самыхъ опредѣленій, составленныхъ Философами изыскателями. Но наука не можетъ возникнуть, ни развиваться безъ сихъ изысканій, приготовляющихъ истины, имѣющія войти въ со-

ставъ ея, изложится въ ея стройной формѣ.— Подобное раздѣленіе между наукой и учебными изысканіями — существуетъ во всѣхъ областяхъ человѣческихъ познаній. Всѣ отрасли нашего знанія приняли видъ наукъ довольно уже поздо, когда умъ успѣлъ запастись значительнымъ числомъ опытовъ, или умственныхъ соображеній. — Первыя представленія суть не суть цѣлосообразительныя. Онѣ большею частію — суть мысли отрывочныя. Въ первыхъ своихъ дѣйствіяхъ умъ человѣческій слабъ, не можетъ однимъ какъ бы взоромъ окидывать всей совокупности предметовъ одного рода. Хотя подобная слабость примѣчается, или лучше сопровождаетъ насъ и въ нашихъ объятнѣйшихъ по видимому соображеніяхъ; впрочемъ она можетъ безпрерывно уменьшаться, и дѣйствительно уменьшается. Когда умъ соберетъ довольно свѣдѣній, относящихся къ одной области, онъ сейчасъ усиливается окинуть оныя однимъ взоромъ, отыскать понятіе, которое обнимало бы собою всю собранную совокупность, и расположить свѣденія свои такъ, чтобы обозрѣніе оныхъ для другихъ совершенно облегчалось. Всѣ Науки слагаются изъ

выводовъ, какіе даютъ изысканія, предварительно совершенныя.

Переходъ философскихъ изслѣдованій въ науку.

174. И опредѣленія Философіи не другимъ какимъ образомъ принимаютъ видъ науки, какъ именно переходя изъ чаяній, изысканій въ составъ стройный. Въ семъ отношеніи Геній философскій и талантъ какъ бы раздѣляютъ между собою работу постепеннаго усовершенія Философіи и приближенія оной къ общему разумѣнію. Первый принимаетъ на себя дѣлать изысканія, пускаться въ новыя открытія на полѣ умственныхъ соображеній, брать новыя направленія, пролагать новыя пути. Послѣдній идетъ по слѣдамъ Генія и испытываетъ удобство и естественность новыхъ путей его, старается довести до общаго свѣденія, распространить вліяніе — новыхъ открытій, приглядывается, куда должны привести новыя направленія, принятыя мужемъ геніальнымъ. — Мысли общія, цѣлостныя — суть великая вещь въ области умственной. Одна такая мысль разливаетъ новый и яркій свѣтъ на всю систему нашихъ познаній. Не всякій ко-

нечно способенъ породить подобную мысль; но приложить ее къ другимъ мыслямъ, развить ее въ приложеніи къ извѣстному округу понятій, есть дѣло меньшей трудности. Так. обр. мы видимъ, что Философія въ новѣйшемъ мірѣ всякой разъ принимала видъ науки и видъ новый, какъ скоро являлся какой либо мыслитель оригинальный, пускалъ въ ходъ новыя мысли, и успѣвалъ пріобрѣсть себѣ послѣдователей.— Впрочемъ не надобно никогда забывать, что подобныя учебныя руководства, представляющія намъ систему природы, построенную по чертежу какаго либо оригинальнаго мыслителя, никакъ не суть еще сама наука, а развѣ болѣе или менѣе искусный ея слѣпокъ. Сама Наука есть нѣчто идеальное, къ которому всѣ, и Философы самостоятельные и мыслители второстепенные усиливаются вознестись, но полнымъ достиженіемъ коего ни тѣ ни другіе похвалиться не могутъ. Философія въ видѣ науки не успѣла еще изложиться совершенно, хотя виды, которые доселѣ принимала она въ учебныхъ руководствахъ, какъ и въ системахъ философскихъ больше или меньше отвѣчали уже тѣмъ требованіямъ, при какихъ мы можемъ считать се-

бя приблизившимися къ ея совершенству идеальному. —

Примѣч. Къ чему же скажутъ, писать Введеніе въ науку Философіи, когда сама наука посему не успѣла еще образоваться? Можно ли вводить въ то, что досель еще не построилось?— Можно. Руководить къ тому, что составляетъ болѣе идеалъ, нежели предметъ дѣйствительный— есть дѣло обыкновенное между людьми. Каждый изъ насъ, кто сколько нибудь лучше понялъ идеальное совершенство извѣстнаго предмета — благомъ, совершенствомъ цѣлаго человѣчества обязуется сообщить свои мысли другимъ; чтобъ сіи на основаніи ихъ въ свою очередь возвеслись къ понятіямъ совершеннѣйшимъ, и руководили къ большей зрѣлости роды послѣдующіе. —

Сужденіе объ усвоеніи учебнымъ руководствамъ названія науки.—

175. Теперь, хотя Философія не осуществилась еще собственно въ видѣ Науки, т. е. не вступила еще въ то совершенство, въ которомъ не оставалось бы ничего болѣе въ ней дорабатывать: все учебное изложеніе ея опредѣленій очень возможно. Люди, и не достигая вполнѣ идеаловъ, умѣютъ помогать себѣ, усвояя названія сихъ идеаловъ тѣмъ произведеніямъ, которыя успѣли они образовать въ своемъ стремленіи къ достиженію самихъ иде-

аловъ. Так. обр. мы имѣемъ многія науки, хотя не можемъ похвалиться закончаніемъ ни одной. Обмана конечно здѣсь нѣтъ, а развѣ небольшое недоразумѣніе, или лучше употребленіе слова Наука въ смыслѣ простѣйшемъ. — Въ самомъ дѣлѣ слово наука, собственно взятое, у насъ почти и не означаетъ совершеннѣйшаго развитія извѣстной отрасли познаній. Не вознесшись сами собою до мысли объ идеальномъ развитіи какой либо отрасли, мы только отъ иноземцевъ должны были усвоить благороднѣйшее значеніе сего слова. Впрочемъ не льзя строго и отвергать употребленія слова Наука въ приложеніи къ несовершеннымъ образованіямъ свѣдѣній по извѣстному отдѣленію нашего вѣденія. Ибо, какъ въ природѣ мы называемъ однимъ именемъ и совершенные и несовершенные предметы одного свойства: такъ и въ области познаній — наукою Философіи безопасно можемъ называть и не идеально совершенное образованіе оной по умственнымъ соображеніямъ, какія успѣли доселѣ развить мыслители геніальные; — только бы принимая сіе названіе Философіи, не забывали, какъ дѣлаютъ не рѣдко, что настоящій видъ ея есть уже видъ завершитель-

ный, — всегда помнили, что стремленіе къ большему усовершенію познаній, названныхъ наукою, отнюдъ не должно быть оставляемо, что стройность и связь мыслей не составляютъ еще всего достоинства, какое требуется отъ Науки. (Въ семъ смыслѣ имѣлъ въ виду науку Философіи Писатель, когда составлялъ сіе свое Введеніе.) — А послѣ тѣхъ ревностныхъ, многочисленныхъ покушеній вознестись къ образу мыслей о сущемъ, намъ естественному, какія мы имѣемъ отъ мыслителей геніальныхъ — подвергать сомнѣнію возможность науки Любомудрія въ ея понятіи нижшемъ, значило бы не принимать живаго участія въ успѣхахъ умственныхъ свободныхъ соображеній, обнаруживать принужденное незнакомство съ состояніемъ философскихъ изысканій. —

Указаніе существеннаго достоинства и пользы учебнаго руководства — Науки Философіи. —

176. Полезны ли и чѣмъ именно полезны науки сего рода? — Если можно нѣсколько усомниться въ естественности ихъ названія: то нельзя сомнѣваться въ ихъ существенной пользѣ. —

Именно онѣ приготовляютъ для насъ Науку; облегчаютъ развитіе нашихъ мыслей въ томъ видѣ, въ которомъ онѣ могутъ имѣть совершенство полное, — слѣд. ускоряютъ приближеніе наше къ Наукѣ — образованію своихъ представленій идеально совершенному. Системы учебныя происходятъ изъ естественнаго человѣку стремленія всякой разъ давать себѣ отчетъ, приводить въ новую стройность свои мысли, какъ скоро наши понятія получили какое нибудь новое приращеніе, какъ скоро родилась мысль, требующая измѣненія вида всѣхъ доселѣ собранныхъ, или образовавшихся у насъ знаній.

Безъ системъ сего рода, которыя, какъ бы останавливаютъ ходъ Философіи и утверждаютъ для вниманія настоящій видъ ея, не моглобы быть и прочныхъ успѣховъ на полѣ изысканій: ибо безъ нихъ системы Философіи безпрерывно смѣняли бы одна другую; ихъ составители болѣе занимались бы разрушеніемъ образованій науки предъидущихъ, нежели проложеніемъ путей новыхъ, болѣе желая торжествовать надъ противниками, нежели устремлять къ полезной цѣли свои новыя изысканія. Но наука въ семъ видѣ имѣетъ и дру-

гое существенное достоинство; составленная съ соображеніемъ, она можетъ предохранять неопытныхъ отъ мыслей запредѣльныхъ; указывая въ полѣ умозрѣній пункты твердые, она даетъ въ руки способъ обсуживать вѣрно всякую новую систему; и обозначая предметы, требующія новыхъ изысканій, можетъ вызывать новыя покушенія приблизиться къ удовлетворительнѣйшему рѣшенію главныхъ, или и подчиненныхъ задачъ Философіи.

177. Изъ сего отношенія науки Философіи къ системамъ философскимъ никакъ впрочемъ не слѣдуетъ, чтобы наука Философіи необходимо долженствовала быть еклектическою, или участвовать въ той же подвижности, въ какой могутъ находиться и дѣйствительно находятся сами философскія изысканія. Философъ самомыслитель можетъ гораздо больше удаляться отъ обыкновеннаго смысла человѣческаго, чтобъ открыть нѣсколько взглядовъ новыхъ. Составитель руководства учебнаго необходимо долженъ стоять на точкѣ смысла общаго, и строже сличая съ бытомъ дѣйствительнымъ открытія системъ созерцательныхъ, усвоять только то, что въ нихъ вѣрно и легко можетъ быть принято въ си-

стему мыслей обще признанныхъ, или естественно вытекающихъ изъ природы души человѣческой. Шаткія, полуистинныя мысли неумѣстны въ системѣ, которая должна знакомить съ достовѣрнымъ, и доставлять прочныя начала для сужденій о разнообразныхъ мнѣніяхъ, чаще или рѣже встрѣчающихся въ области мыслей человѣческихъ. Развѣ невозможность приблизиться къ большей вѣроятности воспрепятствуетъ произнести сужденіе болѣе рѣшительное. Привязанность къ системѣ односторонней, какъ ни слаба иногда бываетъ связь образа дѣйствій нашихъ съ умозрительными началами, нами принятыми — всегда стѣсняетъ взоръ нашъ и можетъ имѣть вліяніе на самыя правила дѣйствій. Учебное руководство беретъся посредствовать между общимъ смысломъ и новыми открытіями философскихъ изысканій. Тѣмъ необходимѣе въ составленіи онаго самостоятельность, или независимость отъ системъ — построеній природы, слишкомъ далеко выходящихъ за предѣлы разумѣнія здраваго; и — возвыситься къ такой самостоятельности не слишкомъ трудно; стоитъ только ближе ознакомиться съ возможными способами и развитіями философ-

скихъ умозрѣній, или методами и родами философствованія, которыя мы предъ симъ развили,— и устраняя развитія мыслей крайнія, завершать утвержденіе мыслей болѣе вѣрныхъ приложеніемъ послѣдняго, сличительнаго метода умственнаго саморазумленія.—

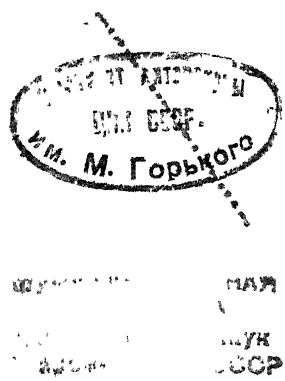
Раздѣленіе Философіи.

178. Объемъ предметовъ, которые въ Философіи, какъ наукѣ, должны быть прояснены, довольно немаловаженъ, и зависимо отъ сего и число частей, на которыя можетъ быть раздѣлено изложеніе Философіи, не мало. — Не совсѣмъ охуждая не точное, но обыкновенное раздѣленіе Философіи на умозрительную (Теоретическую) и дѣятельную (Практическую), мы находимъ естественнѣе раздѣленіе древнихъ, по коему въ Философіи полагалось три части: Логика, Физика (нынѣшняя Метафизика) и Этика. Число указанныхъ нами задачъ Философіи необходимо требуетъ сего раздѣленія довольно точнаго, если не по соотвѣтствію, то по крайней мѣрѣ по ходу и развитію частей.— Въ каждой изъ сихъ частей зависимо отъ новѣйшаго усовершенствованія Философіи, могутъ быть отличены особые предме-

шы, требующіе отдѣльной обработки. Въ *Логикѣ* на прим. мы должны подвергнуть разсмотрѣнію вообще всѣ наши познанія, чтобы опредѣлить ихъ предметное значеніе, и степень нашего разумѣнія природы: отъ чего должна составиться наука *Гноссологія;* далѣе должны будемъ прояснить природу самаго мышленія, что составитъ *собственную Логику;* наконецъ должны пересмотрѣть наши высшія понятія, собственно имѣющія приложеніе и частое употребленіе въ самой Философіи: — особая наука о семъ будетъ *Идеологія.* Въ *Метафизикѣ* ученіе о мірѣ, взятомъ въ частяхъ его, составитъ первую часть *Космологію;* ученіе о Богѣ — вторую: *Богословіе естественное;* наконецъ прояснѣніе жизни міра въ его зависимости отъ Первой Вины — третью: *собственную Метафизику.* Въ части Философіи, проясняющей и указующей законы для нашей дѣятельности чисто человѣческой, ученіе объ *идеалахъ* вообще, о дѣйствіяхъ, требуемыхъ *чувствомъ правоты, доброты и изящнаго* въ частности — составитъ четыре отдѣльныя, второстепенныя части полнаго философскаго курса. Чтобы сіи изысканія получили надежную точку опоры и окан-

чивались выводами болѣе опредѣленными, должны предшествовать въ семъ курсѣ *Психическая Антропологія*, или опытное ученіе о проявленіяхъ души человѣческой и *Исторія* постепеннаго развитія *философскихъ взглядовъ*. Первая даетъ твердыя точки опоры для изысканій или развитій дальнѣйшихъ,—послѣдняя, вводя приступающихъ къ соображеніямъ умозрительнымъ въ современное состояніе Философіи, должна указывать, что по настоящему образованію науки не подлежитъ болѣе сомнѣнію, и что въ области умозрѣній требуетъ еще большаго прояснения, гдѣ можно ожидать развязки задачамъ ума, оставшимся доселѣ неразрѣшенными. —

Конецъ.


им. М. Горького

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	22	строк.	9 сн.	какъ (изслѣдов.	*чит.* (какъ изслѣдов.
—	35	—	11. 17.	—	18.
—	85	—	10	шакъ	— какъ
—	91	—	13 сп.	лекго	— легко
—	114	—	9 и 10 сп.	проявленіемъ	— проявленіямъ
—	153	—	5	оказывшись	— оказавшись
—	—	—	6	вырнымъ	— вѣрнымъ
—	168	—	2 сп.	(Iricole)	— (Frivole)
—	—	—	12	испыпальнымъ	— испытательнымъ
—	212	—	14	упрѣпляясь	— укрѣпляясь
—	213	—	9	отъ время	— отъ времяни
—	223	—	9 сн.	медленности	— медленность
—	243	—	10 сн.	ко идеи	— по идеи
—	295	—	1	рмзсудка	— разсудка
—	343	—	1 сп.	абсоюпное	— абсолютное
—	347	—	8 сп.	воружатся	— вооружатся
—	377	—	6 сн.	162.	— 169.